

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

№ 1(1) – 2022

7

Юридическая антропология и конфликтология – неразрывные грани правовой реальности

21

Антропология как методология постсовременной юриспруденции

27

Материалы Первой международной научной междисциплинарной конференции памяти профессора М. Г. Коротких

Corrige praetertum Praesens rege Cerne futurum
Praesens rege Cerne futurum Praesens rege
Praesens rege Cerne futurum Corrigere praetertum Cerne futurum

ЖУРНАЛ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И КОНФЛИКТОЛОГИИ

JOURNAL OF LEGAL ANTHROPOLOGY AND CONFLICTOLOGY

Сетевое научно-практическое издание
Основан в 2022 году
Выходит 4 раза в год

№ 1(1) – 2022

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

FOUNDER AND PUBLISHER:
Federal State Budgetary Institution
of Higher Education
«Voronezh State University»

**Сетевое научно-практическое издание
«Журнал юридической антропологии и конфликтологии»**

Рецензируемый научный журнал
Издается с декабря 2022 года
Выпускается 4 раза в год

Публикует научные работы на русском и английском языках по актуальным проблемам юридической науки. **Приоритетными направлениями исследований** для Журнала являются вопросы юридической антропологии и конфликтологии, теории, истории и философии права, сравнительного правоведения, методологии правовых исследований. **Редакция Журнала высоко ценит и поддерживает** юридико-антропологические и конфликтологические исследования в области различных отраслевых юридических наук, а также междисциплинарные работы по изучению государственно-правовой реальности.

Журнал принимает к публикации: обзоры, оригинальные статьи, краткие сообщения от ведущих ученых России, зарубежных исследователей, преподавателей, аспирантов, соискателей, адъюнктов.

Миссия журнала – обеспечение открытого доступа к результатам оригинальных научных работ в области юриспруденции, а также междисциплинарных исследований в различных сферах взаимодействия общества, государства и права; развитие широкой научной дискуссии, направленной на формирование соответствующих современным реалиям концептов правовой теории.

Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации серия Эл № ФС77-83459 от 15 июня 2022 г.

Адрес Редакции и Учредителя:
394018 Воронеж, Университетская пл., 1
Тел.: +7 (432) 2208276
<https://journal.ru>
E-mail: journal@mail.ru

Дата выхода в свет первого номера: 28.12.2022 г.

При использовании материалов Журнала ссылка на Сетевое научно-практическое издание «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» обязательна

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

© Воронежский государственный университет, 2022

**Networking scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology"**

Reviewed scientific journal
Published since December, 2022
4 issues released per year

Publishes scientific issues in Russian and English languages on the current problems of the juridical science.

The priority areas of research for the Journal are the issues of legal anthropology and conflictology, theory, history and philosophy of law, comparative law, juridical methodology.

The editorial board of the Journal highly appreciates and supports the legal-anthropological and conflictological research in various fields of legal sciences, as well as multidisciplinary works on the study of governmental and legal reality.

The Journal accepts for publication: reviews, original articles, brief messages from the leading Russian scientists, foreign researchers, lecturers, graduate students, applicants, adjuncts.

The mission of the Journal is to provide open access to the results of the original researches in the sphere of jurisprudence, as well as the multidisciplinary works in different areas of interaction between society, state and law; developing the broad scientific discussion aimed at the formation of the concepts of legal theory, corresponding to the modern realities.

Network scientific and practical edition
"Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
Registration certificate Эл № ФС77-83459 of 15.06.2022

Editorial committee and founder address:
394018 Russia, Voronezh, Universitetskaya square, 1
Tel.: +7 (432) 2208276
<https://journal.ru>
E-mail: journal@mail.ru
First issue publication date: 28.12.2022

When using the materials of the Journal the reference to the networking scientific and practical edition "Journal of Legal Anthropology and Conflictology" is required

The materials of the Journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International

© Voronezh State University, 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Махина С. Н.**, доктор юридических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии юридического факультета ВГУ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Заместители главного редактора: **Малиновская Н. В.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Завьялова И. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Ответственный секретарь – **Шелестов Д. С.**, кандидат юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж). Члены редакционной коллегии: **Алексеева Т. А.**, кандидат юридических наук, профессор, Высшая школа экономики (Россия, г. Москва); **Архипов В. В.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, г. Санкт-Петербург); **Баев М. О.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Баулин О. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Бирюков П. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Васильев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Россия, г. Барнаул); **Власенко Н. А.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Российский университет дружбы народов (Россия, г. Москва); **Гамбарян А. С.**, доктор юридических наук, профессор, Российско-Армянский (Славянский) университет (Армения, г. Ереван); **Демичев А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Нижегородская академия МВД России (Россия, г. Нижний Новгород); **Дорская А. А.**, доктор юридических наук, профессор, Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия (Россия, г. Санкт-Петербург); **Зражевская Т. Д.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Ломакина И. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Малько А. В.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Россия, г. Саратов); **Михайлов А. М.**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия, г. Москва); **Носырева Е. И.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Павлов В. И.**, кандидат юридических наук, доцент, Академия МВД Республики Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск); **Панько К. К.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Сазонникова Е. В.**, доктор юридических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Раззоков Б. Х.**, доктор юридических наук, профессор, Таджикский государственный университет коммерции (Республика Таджикистан, г. Душанбе); **Романовская В. Б.**, доктор юридических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Россия, г. Нижний Новгород); **Сорокина Ю. В.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Стариллов Ю. Н.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж); **Честнов И. Л.**, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ (Россия, г. Санкт-Петербург); **Шеменева О. Н.**, доктор юридических наук, профессор, Воронежский государственный университет (Россия, г. Воронеж).

EDITORIAL COMMITTEE OF JOURNAL

Chief editor – **Makhina S. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology of VSU Law Faculty, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Executive editors: **Malinovskaya N. V.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Zavyalova I. S.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Executive secretary – **Shelestov D. S.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*. Members of editorial committee: **Alexeeva T. A.**, *Candidate of Legal Sciences, Professor, Higher School of Economics (Russia, Moscow)*; **Arhipov V. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg State University (Russia, Saint-Petersburg)*; **Baev M. O.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Baulin O. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Birukov P. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Vasiliev A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Altai State University (Russia, Barnaul)*; **Vlasenko N. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation, Peoples' Friendship University of Russia (Russia, Moscow)*; **Gambaryan A. S.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Russian-Armenian (Slavic) University (Armenia, Yerevan)*; **Demichev A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russia, Nizhny Novgorod)*; **Dorskaya A. A.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, The Northwestern Branch of Russian State University of Justice (Russia, Saint-Petersburg)*; **Zrazhevskaya T. D.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Lomakina I. B.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg)*; **Malko A. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Povolzhsky Institute (branch) of All-Russian State University of Justice (Russia, Saratov)*; **Mikhailov A. M.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations (University) Russian Foreign Ministry (Russia, Moscow)*; **Nosyreva E. I.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Pavlov V. I.**, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Academy of Ministry of Internal Affairs of Republic of Belarus (Republic of Belarus, Minsk)*; **Panko K. K.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Sazonnikova E. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Razzokov B. H.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Tajik State University of Commerce (Republic of Tajikistan, Dushanbe)*; **Romanovskaya V. B.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod)*; **Sorokina Yu. V.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Starilov Yu. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*; **Chestnov I. L.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Saint-Petersburg)*; **Shemeneva O. N.**, *Doctor of Legal Sciences, Professor, Voronezh State University (Russia, Voronezh)*.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Махина С. Н.</i> Юридическая антропология и конфликтология – неразрывные грани правовой реальности.....	7
--	---

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

<i>Честнов И. Л.</i> Антропология как методология постсовременной юриспруденции.....	21
--	----

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА – ИЗ АРХАИКИ В XXI ВЕК

материалы Первой международной научной междисциплинарной конференции памяти профессора М. Г. Коротких «Мировая эволюция в памятниках права: генезис и эволюция первоисточников правовых систем»

<i>Саракаева Э. А.</i> Легенда о судьбе Бао и конфуцианский идеал судопроизводства.....	27
---	----

<i>Sarakaeva E. A.</i> The Legend of Judge Bao and the Confucian ideal of justice.....	33
--	----

<i>Есаева Е. А.</i> Первые памятники права во Вьетнаме.....	38
---	----

<i>Саракаева А. А.</i> Убийство неподкупного инспектора. Нравственное сознание и правоприменительная практика в цинском Китае.....	46
--	----

<i>Сазонникова Е. В.</i> Письменные памятники права Воронежской губернии, собранные и изданные Н. И. Второвым и К. О. Александровым-Дольником.....	59
--	----

<i>Федюшкина А. И.</i> Юридико-технические особенности построения правового материала в иллюминированных рукописях Саксонского зеркала.....	70
---	----

<i>Малиновская Н. В.</i> Принцип эквивалента в древнеиудейском праве.....	81
---	----

<i>Серегина В. В.</i> Феномен этнического обычая в регулировании общественных (этносоциальных) отношений.....	89
---	----

<i>Кузьмин М. О.</i> Кредитно-банковские отношения в Древней Руси.....	97
--	----

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

<i>Завьялова И. С.</i> Правовые технологии разрешения юридических конфликтов в России: общий анализ с позиции качества и эффективности.....	104
---	-----

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

<i>Беляев М. А.</i> Новейшая систематизация юридической антропологии (рец. на кн.: The Oxford Handbook of Law and Anthropology / ed. by M.-C. Foblets, M. Goodale, M. Sapijnoli, O. Zenker. – Oxford University Press, 2022. – 950 p.).....	118
---	-----

СТРАНИЧКА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

<i>Жомирук М. А.</i> Развитие и становление института принудительного исполнения.....	129
---	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	138
-------------------------------------	-----

CONTENTS

<i>Makhina S. N.</i> Legal anthropology and conflictology as unbreakable edges of legal reality.....	7
--	---

ANTHROPOLOGICAL PROBLEMS OF LAW

<i>Chestnov I. L.</i> Anthropology as a methodology of postmodern jurisprudence.....	21
--	----

EVOLUTION OF LAW – FROM THE ARCHAIC TO THE 21ST CENTURY

The materials of the First International Scientific Multidisciplinary Conference in memory of professor M. G. Korotkih “World Evolution in Monuments of Law: Genesis and Evolution of the Original Sources of Legal Systems”

<i>Sarakaeva E. A.</i> The legend of judge Bao and the confucian ideal of justice.....	27
--	----

<i>Sarakaeva E. A.</i> The legend of judge Bao and the confucian ideal of justice.....	33
--	----

<i>Esaeva E. A.</i> The first monuments of law in Vietnam	39
---	----

<i>Sarakaeva A. A.</i> The murder of an incorruptible inspector. On moral consciousness and legal practice in the Qing China.....	46
---	----

<i>Sazonnikova E. V.</i> Written monuments of law of Voronezh province, collected and published by N. I. Vtorov and K. O. Aleksandrov-Dolnik.....	59
---	----

<i>Fedyushkina A. I.</i> Features of the construction of legal norms in the illuminated manuscripts of the Sachsenspiegel (Saxon Mirror).....	70
---	----

<i>Malinovskaya N. V.</i> The principle of equivalence in the ancient Judaic law.....	81
---	----

<i>Seregina V. V.</i> The phenomenon of ethnic custom in the regulation of public (ethno-social) relations	89
--	----

<i>Kuzmin M. O.</i> Banking relations in Ancient Russia.....	97
--	----

CONFLICTOLOGICAL PROBLEMS OF LAW

<i>Zavyalova I. S.</i> Legal technologies of juridical conflicts resolution in Russia: general analysis from the standpoint of quality and efficiency.....	104
--	-----

REVIEWS, CRITIQUES

<i>Belyaev M. A.</i> The newest systematization of legal anthropology (Review of the Book: The Oxford Handbook of Law and Anthropology / ed. by M.-C. Foblets, M. Goodale, M. Sapignoli, O. Zenker. – Oxford University Press, 2022. – 950 p.).....	118
---	-----

PAGE OF THE YOUNG SCIENTISTS

<i>Zhomiruk M. A.</i> Development and formation of the institute of compulsory execution.....	129
---	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	138
--------------------------------------	-----

ЮРИДИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И КОНФЛИКТОЛОГИЯ – НЕРАЗРЫВНЫЕ ГРАНИ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Махина Светлана Николаевна

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 21 октября 2022 г.

Аннотация: в статье анализируется взаимосвязь юридической антропологии и юридической конфликтологии как двух самостоятельных направлений правовых исследований, обращение к которым способно расширить представления о современном праве и государстве, месте личности в системе правового регулирования. Подчеркивается, что антропологическое направление юридической науки нуждается в дополнительном развитии и в перспективе может привести к формированию более гармоничной модели взаимоотношений государства и общества. Обосновывается, что конфликтологический подход должен использоваться в юридической антропологии, поскольку способствует изучению сущности права через практику его применения при разрешении конфликтных ситуаций. Комбинированное использование антропологического и конфликтологического подхода к анализу правовых явлений способствует выявлению места и роли человека в государственном строительстве и позволяет сформировать эффективные конструкции правовых норм, отвечающих вызовам современной реальности.

Ключевые слова: юридическая антропология, правовая конфликтология, право, юридическая доктрина, индивид, государство, правовая реальность.

LEGAL ANTHROPOLOGY AND CONFLICTOLOGY AS UNBREAKABLE EDGES OF LEGAL REALITY

S. N. Makhina

Voronezh State University

Abstract: the article examines the correlation between legal anthropology and legal conflictology as two independent legal research directions, the exploration of which can broaden the views on the modern law and state, and the role of individuality in the system of legal regulation. It is underlined, that anthropological branch of juridical science needs to be further developed and can eventually lead to formation of a more harmonious model of relationship between state and law. It is justified, that conflictological approach can be

used in legal anthropology as it helps to study the essence of law through the practice of its application in conflict resolution. The combined usage of both anthropological and conflictological approaches to the research of the legal phenomena helps to clarify the place and the role of a human in forming of a state and allows to form effective constructs of legal norms, which correspond with the challenges of the modern reality.

Key words: legal anthropology, legal conflictology, law, juridical doctrine, individual, state, legal reality.

XXI век, начавшийся и продолжающийся бурными геополитическими трансформациями, требует существенного переосмысления множества социальных институтов, парадигм общения и взаимодействия наций, народов, государств, социальных общностей, индивидов, механизмов наднационального, международного и национального регулирования общественных отношений, в том числе – правовых.

Вопросам правового обустройства жизни, правового регулирования, юридической обеспеченности параметров существования индивида в обществе традиционно уделяется много внимания не только правоведами, но и философами, политиками, социологами, историками, обществоведами, специалистами иных общественно-гуманитарных направлений научного познания, что является абсолютно объективной закономерностью, обусловленной развитием социума в рамках правовой реальности.

Современную правовую реальность можно охарактеризовать как некую «живую» субстанцию, в которой, с одной стороны, отражается социальная эволюция, а с другой – которая сама формирует векторы такой эволюции. Как справедливо отмечает А. В. Стомба, анализируя научные воззрения С. И. Максимова, «правовая реальность не представляет собой какую-то субстанциальную часть реальности, а является лишь способом организации и интерпретации определенных аспектов социальной жизни, бытия человека...»¹.

Казалось бы, вполне очевидно, что в отрыве от человека, его воли и функционирования правовая реальность немыслима. Однако в данном постулате бесспорным является лишь само наличие правовой реальности, порождаемой интеллектуальной составляющей человеческого бытия. А вопросы пределов и содержания правовой реальности, ее системы и структуры, компонентов, взаимосвязанности с процессами трансформации социума и воздействия на социальные процессы, как и ряд других, не менее значимых аспектов, по-прежнему остаются сложными и дискуссионными, меняющими свою содержательную основу в различных социальных общностях и различных правовых (философско-право-

¹ См. подробнее: *Стомба А. В.* Реальна ли правовая реальность? // Правоведение. 2016. № 4 (327). С. 145–154.

вых) школах и концепциях². И тем не менее, думаю, что отправной точкой для всех исследователей является то, что истоки, первооснова правовой реальности суть именно в интеллектуальном аспекте человеческого бытия, в человеческом измерении явлений и событий. И здесь возникает ряд интересных и, на мой взгляд, пока еще недостаточно глубоко изученных вопросов о «человеческом компоненте» правовой реальности:

– формируется ли правовая реальность для блага человека? социальных общностей? человечества?

– есть ли и, если есть, то каковы основные закономерности эволюции правовой реальности?

– каковы критерии воздействия формирующейся и изменяющейся правовой реальности на созидательное развитие человека? социальных общностей? человечества?

– может ли воздействовать отдельный индивид на правовую реальность или «обречен» лишь претерпевать ее воздействие?

Вопросов такого плана можно привести значительное число, причем, чем их больше, тем сложнее процесс их осмысления, уходящий в философские и исторические концепты и требующий комплексного познавательного инструментария. И в связи с этим хотелось бы обратить внимание правоведов на юридико-антропологический подход в научной работе с таким сложным и многогранным социальным феноменом, как правовая реальность, который способен привести в научные исследования искомую полноту научной картины для формирования максимально обоснованных выводов и концепций.

Юридическая антропология, к сожалению, до настоящего времени так и не заняла своего четкого места в системе правовых наук. Как весьма образно заметил еще в 2014 г. А. И. Ковлер, «антропология права – “гадкий утенок” российского правоведения»³. С грустью констатирую, что современная ситуация изменилась не сильно, хотя исследования как самого феномена «юридическая антропология», так и его назначения и

² См., напр.: *Белянская О. В.* К вопросу о понимании правовой реальности // Актуальные проблемы государства и права. 2018. Т. 2. № 6. С. 5–15; *Бернацкий Г. Г.* Реальна ли правовая реальность : научная дискуссия // Правоведение. 2013. № 3 (308). С. 238–271; *Горлова О. В.* О понятии правовой реальности // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2006. № 4 (44). С. 435–438; *Малько А. В., Слободнюк С. Л.* Правовая жизнь, правопорядок и правовая реальность : проблемы соотношения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 1 (90). С. 11–15.

В различных ракурсах правовую реальность исследовали и многие другие авторы, причем не только правоведы, но и специалисты в области философии, социологии, политологии и других общественных наук.

³ См.: *Ковлер А. И.* Антропология права – «гадкий утенок» российского правоведения : тезисы доклада // Тезисы конференции «Актуальные аспекты анализа и обобщения современного правоведения». М., 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://istina.msu.ru/collections/8508849/> (дата обращения: 15.06.2022 г.).

содержания на протяжении последнего столетия с разной степенью интенсивности проводятся более-менее регулярно.

Определяя огромное значение юридической антропологии и ее методов (методологии)⁴ при исследовании правовой реальности как в целом, так и ее отдельных элементов, хочу в обоснование привести весьма справедливое высказывание Ю. А. Веденева: «Антропология права объединяет в своем предмете исследования как вопросы эволюции права (бытия права) (*становление и развитие правовой реальности* – комментарий курсивом мой. – С. М.), так и вопросы эволюции представлений о праве (образы права) в их взаимных связях и определениях (*«человеческий» компонент правовой реальности* – комментарий курсивом мой. – С. М.). Это позволяет раскрыть важнейший аспект общественного развития, связанный с практиками признания или отрицания социальной ценности правовых институтов в различных культурно-исторических контекстах и модусах их формирования и существования»⁵. При этом представляется, что все основные подходы к пониманию правовой антропологии, во-первых, имеют свое собственное значение и назначение и, во-вторых, одинаково важны, полезны и могут быть весьма продуктивны для исследовательских целей, поскольку в самом общем (обобщенном) виде сводятся к одной цели – исследованию «человеческой», а не организационно-технической или же собственно регулятивно-юридической плоскости правовой реальности. То есть, как в предисловии к книге Н. Рулана «Юридическая антропология» отмечал профессор, академик РАН В. С. Нерсесянц, «юридическая антропология – наука о человеке как социальном существе в его правовых проявлениях, измерениях, характеристиках. Она изучает правовые формы общественной жизни людей от древности до наших дней»⁶.

Однако при всей справедливости приводимых выше характеристик юридической антропологии все они (как и многие другие) определяют предмет этой области научного знания чрезвычайно широко и, главное, не конкретизированно, а предлагаемые учебные материалы включают в системы курсов значительное число блоков вопросов смежных отраслей, например истории права (российского и зарубежного), философии права, социологии права, сравнительного правоведения, юридической этнографии и др.⁷

⁴ Вопрос о научно-отраслевой и методологической оценке юридической антропологии в настоящее время является дискуссионным, что будет затронуто далее.

⁵ Веденев Ю. А. Антропология права : между социокультурными традициями и нововведениями // *Lex russica* (Русский закон). 2016. № 9 (118). С. 9–23.

⁶ Нерсесянц В. С. Юридическая антропология как наука и учебная дисциплина : предисловие // Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999. С. 1–7.

⁷ См., напр.: Ковлер А. И. Антропология права : учебник для вузов. М., 2019; Рулан Н. Указ. соч. 310 с.

Бесспорно, определить предмет той или иной науки полностью обособленно от иных – нереально. Однако при унификации здесь идет речь о соотношении объема собственного круга вопросов предмета отрасли и круга вопросов, смежных с предметами иных отраслей. И здесь в системе предмета юридической антропологии пока четкости не наблюдается. Думаю, что именно эта проблема лежит в основе дискуссии о сущности юридической антропологии: является ли она самостоятельной отраслью науки или же только методологией правовых исследований.

В работе «Юридическая антропология в поисках парадигмы» П. И. Костогрызов, системно проанализировав сложившиеся направления формирования антрополого-правовых воззрений, пришел к выводу о том, что в России антропология права развивается по двум параллельным линиям. Одна из них существует относительно давно (ее «основы были заложены еще в XIX в.) как субдисциплина социальной (культурной) антропологии, в предмет которой входит круг вопросов обычного права и юридического быта коренных народов. Другая линия – гораздо более молодая – начала формироваться во второй половине 1990-х гг. внутри научного сообщества юристов, и процесс ее становления до сих пор не завершен. Исследователи, представляющие это направление, чаще всего рассматривают юридическую антропологию как одну из юридических наук или «отрасль в рамках общей юриспруденции»⁸.

И далее в этой же работе автор отмечает, что в рамках второй концепции существуют две точки зрения. «Сторонники первой, в частности А. И. Ковлер и В. С. Нерсисянц, видят в антропологии права самостоятельную научную и учебную дисциплину наряду с другими фундаментальными юридическими науками... Ученые, придерживающиеся второй точки зрения, не признают за антропологией права подобного статуса, настаивая, что она представляет собой особый мировоззренческий и методологический подход в сфере общей теории права и юридической науки в целом. На такой позиции стоят, например, авторы недавно вышедшей монографии «Социокультурная антропология права»⁹, которая является, пожалуй, самым фундаментальным на сегодняшний день трудом по данной проблематике в отечественной науке. Для них «социокультурная антропология права – это не самостоятельная институционализованная научная дисциплина, а специфический подход к анализу и репрезентации правовой реальности, более глубокий, нежели исповедуемый догматической юриспруденцией...»¹⁰.

⁸ См. подробнее: *Костогрызов П. И.* Юридическая антропология в поисках парадигмы // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 81–99.

⁹ См.: *Социокультурная антропология права* : коллективная монография / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. СПб., 2015. 840 с.

¹⁰ *Костогрызов П. И.* Указ. соч. С. 81–99.

Разделяя в целом справедливость проведенного анализа юриди-ко-антропологических концепций, добавлю лишь, что все более ши-рокий круг правоведов сегодня признает значимость правовых иссле-дований, осуществляющихся с учетом антропологической составля-ющей правовой реальности. Более того, современная трансформация мировых геополитических процессов в своей динамике все активнее оперирует как цивилизационным концептом, так и категориями, ко-торые без антропологического подхода познать, а значит – опреде-лить в более-менее устойчивых границах, что позволит оперировать ими в процессе развития новых правовых механизмов, просто невоз-можно: «человеческие ценности», «ценностные ориентиры», «наци-ональная идентичность», «суверенность наций и народов», «самоо-пределение» и т.п.

Здесь же следует отметить, что современный мир в своем развитии делает невероятно динамичный эволюционный скачок. Это не может не отразиться на эволюции правовой реальности. Выступая на пленар-ной сессии Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) в июне этого года, Президент России В. В. Путин констатировал, что мир не будет прежним, а изменения в мире «носят фундаменталь-ный, поворотный и неумолимый характер»¹¹, что, на мой взгляд, абсо-лютно объективно.

Новая правовая реальность, выстраиваемая без учета «человеческого измерения права», не имеет потенциала для решения целого спектра за-дач, которые «вырастают» перед современными государствами. Поэто-му уверена, что развитие антропологии права (и как методологии, и как отрасли научного познания) сейчас актуально как никогда.

При этом важно, чтобы весьма значительный накопленный исследо-вательский опыт не был отвергнут, дабы избежать повторного «изобрете-ния “юридико-антропологического” колеса». Из обращения к прошлому может быть сформирован весьма крепкий фундамент правовой антро-пологии новейшей истории. Тем не менее «старые» основы, даже самые качественные и глубокие, не могут разрешить современных задач. Поэто-му необходимы новые исследования, новые концепты, новые модели и идеи, отражающие суть происходящих геополитических преобразова-ний, в которых человек, его ценностное значение и ориентиры не долж-ны быть потеряны.

Антропологический ракурс, бесспорно, способствует более комплекс-ному познанию современной правовой реальности. Однако научные пер-спективы данного подхода более глубоки: уяснение «человекоразмерно-

---

¹¹ См.: Пленарное заседание Петербургского международного экономического фору-ма // Официальный сетевой ресурс Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669>

сти» составляющих элементов действующих моделей правового регулирования, анализ степени их соответствия накопленному правовому опыту и особенностям восприятия обществом являются залогом эффективного управления правовой реальностью. Государство при формировании новых и изменении действующих правовых конструкций должно учитывать социальные практики регулирования отношений, отражающие потребности общества в самых различных сферах жизнедеятельности. Будучи порождением общества, государство в силу своей природы имеет тенденцию к обособлению от него¹². С течением времени и изменением характера и структуры государственной власти эта тенденция может лишь усиливаться. В таком случае только учет и соотнесение между собой предшествующих и действующих социальных практик как основы конструирования издаваемых государством норм может препятствовать закрытости государственно-политической системы и тем самым не допускать формирования оторванных от реальности правовых норм, которые не будут действенными. Безусловно, государство, создавая нормативные правовые акты, стремится к отражению в них, в первую очередь, своей воли (воли определенной управленческой элиты). Однако даже самое высокоуровневое юридико-техническое оформление такой воли не сможет обеспечить ее эффективное исполнение в отсутствие учета интересов общества. И, напротив, включение потребностей и практик отдельных социальных групп в правовое регулирование будет способствовать повышению доверия к государственным институтам и укреплять авторитет права как социального регулятора в общественном сознании. Однако для этого необходимы фундаментальные антропологические исследования, которые на данный момент необоснованно недооцениваются.

С позиций новой научной рациональности государство рассматривается отнюдь не как застывшая структура, а как «постоянно воспроизводимый действиями конкретных людей процесс»¹³. И в настоящее время в условиях развития демократической государственности особенно важно сформировать у людей понимание необходимости и органичности их вовлеченности в государственное управление, в формирование позитивных (в ракурсе правопорядка) моделей поведения как на общегосударственном, так и на локальном уровнях. Веками в общественном сознании вырабатывалась установка на отчуждение государства от общества, отсутствие необходимости общественного контроля за государством и самодостаточность последнего. Современные демократические

¹² Пашенцев Д. А. Антропология государства : очеловечивание правовой реальности как вызов Левиафану // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. 2020. № 3. С. 37.

¹³ Честнов И. Л. Государство в контексте дискурса социальных представлений // Образ государства в современном правосознании. Восьмые Спиридоновские чтения. СПб., 2008. С. 7.

институты далеко не всегда способствуют преодолению политического отчуждения, поскольку участие массы людей в государственном управлении также воспринимается со стороны отдельного индивида как нечто самоорганизуемое и самодостаточное. Нечто, способное происходить помимо его активного участия, которое замещается эффективно некоего абстрактного «большинства».

Соглашаясь с мнением Д. А. Пашенцева о первоочередной необходимости для правовой доктрины и юридической практики «поиска оптимальных путей сочетания государственных и негосударственных форм социальной организации, баланса между ними»¹⁴, отмечу, что залогом результативности такого поиска могут быть именно антропологические исследования, обращение к человеку и последовательное обоснование его в качестве цели государственной деятельности. В таком случае действительно можно говорить об «антропологии государства»¹⁵ как исследованиях, ориентированных на более глубокий индивидуализм, нежели чем просто на функционирование гражданского общества, в котором субъект растворяется в различных организационных структурах, опосредующих его интересы. Подобного рода антропологические исследования будут способствовать формированию такой модели взаимоотношений публичной власти и индивида, при которой каждый человек будет ощущать свою роль в повседневной деятельности государства, осознавать свою включенность в управленческие механизмы, понимать зависимость властных решений от социальных потребностей и интересов.

Поиск новых моделей взаимодействия человека, общества и государства порождают вызовы современного мира, проявляющиеся во множественных конфликтах на самых разных уровнях взаимоотношений субъектов права. Без преувеличения можно утверждать, что конфликт лежит в основе эволюции социума и является первопричиной развития права и государства. Ученые, проводившие первые антропологические исследования дописьменных обществ (Б. Малиновский, И. Шапера), приходили к широкой трактовке права и закона, предлагая понимать под ними фактически любые нормы, которые обеспечиваются «общественной солидарностью и общественным принуждением»¹⁶. Но при этом они закономерно столкнулись с проблемой механизма выявления этих норм. Путь к решению данной проблемы был предложен использовавшим идеи школы правового реализма Э. Хобелем, который предложил совершенно иной подход к изучению права и механизмов формирования норм – подход

¹⁴ Пашенцев Д. А. Указ. соч. С. 36.

¹⁵ Там же. С. 38.

¹⁶ Горбун Г. С. Антропология права и «антропологический поворот» в истории права // Vox medii aevi. 2005. № 2–3. С. 14.

конфликтологический¹⁷. Хобель утверждал, что право полностью проявляет себя исключительно в момент разрешения конфликтных ситуаций, а потому главным методом для антропологов в его понимании должно было стать изучение механизмов урегулирования конфликтов, и конкретно – судопроизводства. В дальнейшем эту мысль развил Ф. Шейет, прямо указавший на необходимость переосмысления исторической сущности и механизмов действия права сквозь призму разрешения юридических конфликтов¹⁸. Обращаясь к примеру Средневековья, Шейет справедливо отметил, что в этот исторический период действовали весьма специфические способы урегулирования конфликтов, которые не могут быть отождествлены с современными. И только в контексте изучения данных способов, проявлявшихся в процессуальных особенностях рассмотрения дел, возможно правильное понимание таких основополагающих категорий, как «право» и «закон».

Таким образом, глубокие антрополого-правовые исследования должны иметь в основе так называемые *case-studies*, т.е. изучение конфликтных ситуаций и юридических механизмов их разрешения. Такое утверждение обусловлено самой природой конфликта как особого социального феномена, раскрывающего и глубокие внутриличностные противоречия, и обостренные групповые и межличностные проблемы. Конфликт как явление кризисное, эмоциональное и в определенной мере спонтанное способен наиболее ярко и, подчас, весьма неожиданно раскрыть и продемонстрировать проблемы нормативного текста права, практики его применения, а также и восприятия права социумом, степень доверия и уважения к нему.

Антропологические и конфликтологические исследования механизма действия права имеют в своей основе ценности человека, социальной группы, общества в целом. Именно комбинированное проведение таких исследований может выявить глубинные противоречия между социальными ценностями, утверждаемыми государством в позитивном праве, и подлинными ценностями социума, которые действуют на практике.

Антропологический ракурс правовых исследований выводит на первый план ценности субъекта, в то время как конфликтологический – соотносит их с формальными правовыми границами, установленными в норме¹⁹. Изучение юридических конфликтов, их причин, поводов и практики разрешения на различных уровнях позволяет не только выявить

¹⁷ Hoebel E. A., Llewellyn K. N. *The Cheyenne Way : Conflict and Case Law in Primitive Jurisprudence*. Norman, 1941. 360 p.; Hoebel E. A. *The Law of Primitive Man : A Study in Comparative Legal Dynamics*. Cambridge, 1954. 368 p.

¹⁸ Cheyette F. L. *Suum cuique tribuere // French Historical Studies*. 1970. Vol. 6, № 3. P. 287–299. URL: <https://doi.org/10.2307/286060>

¹⁹ См.: Васильченко В. А. *Антропология правового конфликта : дис.... канд. филос. наук*. Ставрополь, 2002. 153 с.

проблемы правосознания и правовой культуры, но и смоделировать варианты их возможного разрешения. В то же время рассмотрение конфликтологической правовой практики не должно носить исключительно формализованного характера, но должно опираться на индивидуальные, субъектные начала и причины конфликтов, а также оценку готовности субъекта к отдельным способам и процедурам их разрешения.

В современном обществе, потребности и, как следствие, конфликты которого усложняются в гипердинамичной прогрессии, юридическая антропология и правовая конфликтология выступают важнейшими направлениями осмысления процессов правовой трансформации. Они представляют собой те самые перспективные механизмы, которые потенциально способны обратить создаваемые новые модели правовой реальности на благо не только общества, но, в первую очередь, отдельного человека. Поиск баланса «индивид – власть», «личное – общественное», «уникальное – обобщенное» необходимо начинать именно с позиций антропологического и конфликтологического подходов.

Объединение юридико-антропологических исследований и исследований в области правовой конфликтологии, не лимитируя самостоятельности данных наук в своей основе, позволит комплексно исследовать место человека в современном мире, определить контуры и наметить парадигму его дальнейшего развития. Вызовы активно развивающейся цифровой среды, искусственного интеллекта, трансгендерности, клонирования биологических организмов неизбежно порождают конфликты привычного, устоявшегося – с одной стороны, и нового, «ультрасовременного» – с другой. Они требуют разработки принципиально новых форм и моделей правового регулирования, способного гармонично сочетать коллективные (в том числе – публичные) и индивидуальные (частные) интересы, чему, по нашему глубокому убеждению, и должны способствовать взаимодополняющие друг друга антропологические и конфликтологические юридические исследования.

В целях проведения и популяризации антропологических и конфликтологических научно-познавательных подходов в 2021 г. на базе юридического факультета Воронежского государственного университета был создан Научно-образовательный центр юридической антропологии и конфликтологии, который занимается вопросами:

- создания и реализации интегрированных программ научных исследований;
- формирования унифицированного правового поля межгосударственного взаимодействия в условиях формирующейся новой государственно-правовой реальности;
- развития юридико-антропологических исследований существующих, трансформирующихся и новых социальных институтов;

- изучения природы юридических конфликтов и формирования эффективных правовых технологий их предупреждения и разрешения, в том числе в цифровой среде;
- внедрения полученных новых научных знаний в области юридической антропологии и конфликтологии в образовательные программы и технологии;
- создания блока инновационных цифровых образовательных услуг (инновационных образовательных продуктов);
- формирования эффективной инновационной среды научно-практического сотрудничества и взаимодействия в области государственно-правового строительства, цифровизации и противодействия юридическим конфликтам.

Реализуя названные цели, Центр активно сотрудничает с научными и образовательными организациями, ведущими отечественными и зарубежными правоведами, практикующими юристами и специалистами в области антропологии и конфликтологии. Для этого на базе Центра создана и функционирует дискуссионная площадка «Из архаики в XXI век», на которой проводятся регулярные научные и научно-практические (в том числе – междисциплинарные) конференции, круглые столы и форумы, мастер-классы и семинары, способствующие объединению юридического сообщества и формированию единого поля антропологических и конфликтологических правовых исследований с целью определения места индивида в стремительно трансформирующемся мировом пространстве XXI века.

Проводимые научные изыскания получают свое отражение в сетевом научно-практическом издании – «Журнале юридической антропологии и конфликтологии», первый выпуск которого приурочен к знаковому событию в деятельности юридического факультета Воронежского государственного университета – 60-летию со дня создания кафедры теории и истории государства и права.

Коллектив Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии приглашает к сотрудничеству и взаимодействию коллег из высших учебных заведений, юристов-практиков, молодых ученых и всех интересующихся проблемами юридической антропологии и конфликтологии, а также вопросами сущности и назначения права в современном мире и поиска оптимальных моделей правового регулирования в различных отраслях права. Уверена, что юридическая антропология и правовая конфликтология являются именно теми направлениями современной юридической науки, которые смогут дать новый импульс в развитии правовой доктрины и практики, а также будут способствовать осмыслению и формированию концептов юридизации новых, ранее не известных человечеству социальных процессов, аккумуляции

руя объединенные усилия специалистов различных отраслей и направлений научного познания.

Библиографический список

Белянская О. В. К вопросу о понимании правовой реальности / О. В. Белянская // Актуальные проблемы государства и права. – 2018. – Т. 2, № 6. – С. 5–15.

Бернацкий Г. Г. Реальна ли правовая реальность : научная дискуссия / Г. Г. Бернацкий // Правоведение. – 2013. – № 3 (308). – С. 238–271.

Васильченко В. А. Антропология правового конфликта : дис. ... канд. филос. наук / В. А. Васильченко. – Ставрополь, 2002. – 153 с.

Веденеев Ю. А. Антропология права : между социокультурными традициями и нововведениями / Ю. А. Веденеев // Lex russica (Русский закон). – 2016. – № 9 (118). – С. 9–23.

Горбун Г. С. Антропология права и «антропологический поворот» в истории права / Г. С. Горбун // Vox medii aevi. – 2005. – № 2-3. – С. 13–18.

Горлова О. В. О понятии правовой реальности / О. В. Горлова // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2006. – № 4 (44). – С. 435–438.

Ковлер А. И. Антропология права : учебник для вузов / А. И. Ковлер. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. – 480 с.

Ковлер А. И. Антропология права – «гадкий утенок» российского правоведения : тезисы доклада / А. И. Ковлер // Тезисы конференции «Актуальные аспекты анализа и обобщения современного правоведения». – М. : ИП РАН, 2014. URL: <https://istina.msu.ru/collections/8508849/> (дата обращения: 15.06.2022 г.).

Костогрызов П. И. Юридическая антропология в поисках парадигмы / П. И. Костогрызов // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2017. – Т. 17, вып. 4. – С. 81–99.

Малько А. В. Правовая жизнь, правопорядок и правовая реальность : проблемы соотношения / А. В. Малько, С. Л. Слободнюк // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 1 (90). – С. 11–15.

Нерсесянц В. С. Юридическая антропология как наука и учебная дисциплина : предисловие / В. С. Нерсесянц // Рулан Н. Юридическая антропология / Н. Рулан. – М. : НОРМА, 1999. – С. 1–6.

Пашенцев Д. А. Антропология государства : очеловечивание правовой реальности как вызов Левиафану / Д. А. Пашенцев // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. – 2020. – № 3. – С. 34–39.

Рулан Н. Юридическая антропология / Н. Рулан. – М. : НОРМА, 1999. – 310 с. Социокультурная антропология права : коллективная монография / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. – СПб. : ИД «Алеф-Пресс», 2015. – 840 с.

Стовба А. В. Реальна ли правовая реальность? / А. В. Стовба // Правоведение. – 2016. – № 4 (327). – С. 145–154.

Честнов И. Л. Государство в контексте дискурса социальных представлений / И. Л. Честнов // Образ государства в современном правосознании. Восьмые Спиридоновские чтения. – СПб., 2008. – С. 7–13.

Cheyette F. L. Suum cuique tribuere / F. L. Cheyette // French Historical Studies. – 1970. – Vol. 6. – № 3.

- Hoebel E. A.* The Law of Primitive Man : A Study in Comparative Legal Dynamics / E. A. Hoebel. – Cambridge, 1954. – 368 p.
- Hoebel E. A.* The Cheyenne Way : Conflict and Case Law in Primitive Jurisprudence / E. A. Hoebel, K. N. Llewellyn. – Norman : University of Oklahoma Press, 1941. – 360 p.

References

- Belyanskaya O. V.* To the question of understanding of legal reality / O. V. Belyanskaya // Actual problems of state and law. – 2018. – Vol. 2, № 6. – Pp. 5–15. (In Rus)
- Bernatskiy G. G.* Whether the legal reality is real : a scientific discussion / G. G. Bernatskiy // Pravovedenie. – 2013. – № 3 (308). – Pp. 238–271. (In Rus)
- Vasilchenko V. A.* The anthropology of legal conflict : dis. ... Candidate of Philosophical Sciences / V. A. Vasilchenko. – Stavropol, 2002. – 153 p. (In Rus)
- Vedeneev Yu. A.* Anthropology of law : between the sociocultural traditions and innovations / Yu. A. Vedeneev // Lex russica (Russkii zakon). – 2016. – № 9 (118). – Pp. 9–23. (In Rus)
- Gorbun G. S.* Anthropology of law and an “anthropological turn” in the history of law / G. S. Gorbun // Vox medii aevi. – 2005. – № 2–3. – Pp. 13–18. (In Rus)
- Gorlova O. V.* To the concept of the legal reality / O. V. Gorlova // Proceedings of Tambov University. Series: Humanitarian Sciences. – 2006. – № 4 (44). – Pp. 435–438. (In Rus)
- Kovler A. I.* Anthropology of law : textbook for universities / A. I. Kovler. – Moscow : Norma : INFRA-M, 2019. – 480 p. (In Rus)
- Kovler A. I.* Anthropology of law as the “ugly duckling” of Russian jurisprudence / A. I. Kovler // Theses of the conference “Actual aspects of analysis and generalization of the modern jurisprudence”. – Moscow : IGP RAN, 2014. – URL: <https://istina.msu.ru/collections/8508849/> (Date of access: 15.06.2022). (In Rus)
- Kostogryzov P. I.* Legal anthropology in the search of a paradigm / P. I. Kostogryzov // Scientific Annual of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Part of Russian Academy of Sciences. – 2017. – Vol. 17, Iss. 4. – Pp. 81–99. (In Rus)
- Malko A. V.* Legal life, legal order and legal reality : problems of relation / A. V. Malko, S. L. Slobodnyuk // Proceedings of Saratov State Legal Academy. – 2013. – № 1 (90). – Pp. 11–15. (In Rus)
- Nersesyants V. S.* Legal anthropology as a science and academic discipline : introduction / V. S. Nersesyants // Rulan N. Legal anthropology. – Moscow : NORMA, 1999. – Pp. 1–6. (In Rus)
- Pashentsev D. A.* Anthropology of a state : the humanization of legal reality as a challenge to Leviathan / D. A. Pashentsev // Proceedings of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. – 2020. – № 3. – Pp. 34–39. (In Rus)
- Rulan N.* Legal anthropology / N. Rulan. – Moscow : NORMA, 1999. – 310 p. (In Rus)
- Sociocultural anthropology of law : collective monograph / ed. by N. A. Isaev, I. L. Chestnov. – Saint-Petersburg : Publishing House “Alef-Press”, 2015. – 840 p. (In Rus)
- Stovba A. V.* Is the legal reality real? / A. V. Stovba // Pravovedenie. – 2016. – № 4 (327). – Pp. 145–154. (In Rus)

Chestnov I. L. The state in the context of discourse of social views / I. L. Chestnov // The image of the state in the modern legal consciousness. The 8th Spiridonov's Readings. – Saint-Petersburg, 2008. – Pp. 7–13. (In Rus)

Cheyette F. L. Suum cuique tribuere // French Historical Studies. – 1970. – Vol. 6, № 3. – Pp. 287–299. – URL: <https://doi.org/10.2307/286060>

Hoebel E. A. The Law of Primitive Man : A Study in Comparative Legal Dynamics / E. A. Hoebel. – Cambridge, 1954. – 368 p.

Hoebel E. A. The Cheyenne Way : Conflict and Case Law in Primitive Jurisprudence // E. A. Hoebel, K. N. Llewellyn. – Norman : University of Oklahoma Press, 1941. – 360 p.

Для цитирования:

Махина С. Н. Юридическая антропология и конфликтология – неразрывные грани правовой реальности // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 7–20.

Recommended citation:

Makhina S. N. Legal anthropology and conflictology as unbreakable edges of legal reality // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2022. № 1. Pp. 7–20.

Сведения об авторе

Махина Светлана Николаевна – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии, главный редактор сетевого научно-практического издания «Журнал юридической антропологии и конфликтологии»

E-mail: svetlana_mahina@mail.ru

Information about author

Makhina Svetlana Nikolayevna – Head of Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Professor, Head of the Scientific and Educational Center of Legal Anthropology and Conflictology, Chief editor of the network scientific and practical edition “Journal of Legal Anthropology and Conflictology”

E-mail: svetlana_mahina@mail.ru

УДК 340.11

АНТРОПОЛОГИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ПОСТСОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

И. Л. Честнов

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

Поступила в редакцию 25 июня 2022 г.

Аннотация: в статье показаны перспективы социокультурной антропологии права. Антропология права формируется как ответ на вызовы постмодерна. Социокультурная антропология права анализируется автором как методологическая программа. Основным методом антропологии права является метод включенного наблюдения. Он дополняется культуральным анализом обусловленности права. Антропологическая методология задает соответствующую онтологию права. Основными ее характеристиками является механизм конструирования и воспроизводства права человеком, социализированным в соответствующей правовой культуре.

Ключевые слова: антропология права, методология права, правовая культура.

ANTHROPOLOGY AS A METHODOLOGY OF POSTMODERN JURISPRUDENCE

Chestnov I. L.

*St. Petersburg Law Institute (branch) of the University
of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*

Abstract: the article shows perspectives of sociocultural anthropology of law. Anthropology of law formulating as an answer on challenges of postmodernism. Sociocultural anthropology of law analysed by a writer as a methodological program. The main method of anthropology of law is the method of enabled surveillance. It's supplemented by a cultural analysis of the conditionality of law. Anthropology method sets the appropriate law ontology. The main characteristics of it are: mechanism of construction and reproduction of law by humans, socialized in the appropriate legal culture.

Key words: anthropology of law, methodology of law, legal culture.

© Честнов И. Л., 2022

Социокультурная антропология права, основывающаяся на постклассической методологии, – это, в определенном смысле, ответ на вызов, который был брошен науке (и юридической в том числе) постмодернизмом и другими «пост»-течениями (постпозитивизмом и постструктурализмом) в конце XX в. Релятивизм, несоизмеримость, проблематизация критериев научности – эти и другие положения вошли в постсовременную эпистемологию и требуют адекватного реагирования научного сообщества. Такая реакция может быть консервативной – не замечать вызова. Но отмахнуться от действительно сложных (сложнейших) вопросов, которые задают П. Фейерабенд, Р. Рорти, Ж. Деррида и другие критики классического науковедения, уже невозможно. Поэтому наука (и юриспруденция) должна искать позитивную программу выхода из тупика субъективизма деконструкции и методологического анархизма. Одним из вариантов позитивной научно-исследовательской программы переосмысления основ классического правоведения с позиций постсовременности как раз и является методология социокультурной антропологии права.

Основная идея постклассической социокультурной антропологии права состоит в «очеловечивании» правовой реальности¹. Любой (каждый) социальный институт и процесс существует через практики – ментальные и поведенческие – людей. Именно люди их конструируют и наполняют содержанием, которое состоит в социальных представлениях, значениях и смыслах, приписываемых этому институту (процессу), и в действиях, которыми институт (или процесс) воспроизводится. В то же время любой человек социализирован культурным контекстом и поэтому содержание правовой реальности обусловлено правовой культурой, понимаемой как знаковое опосредование (осмысление и означивание) всего того, что окружает человека. Таким образом, антропология права, в качестве «позитивной» программы, предполагает исследование правовой реальности с точки зрения действующих акторов, что характерно для исследования социальности как таковой с позиций социокультурной антропологии. Основным методом при этом является «включенное наблюдение», дополняемое методиками этнометодологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики, дискурс-анализа, конверсационного анализа, нарративной лингвистики, анализа речевых актов и диалога.

Право (как и любой социальный институт) конструируется людьми исходя из того, как именно они воспринимают социальные проблемы. Поэтому методология антропологии права, прежде всего, нацелена на анализ механизма конструирования элитой и референтной группой новых образцов юридически значимого поведения, включая процесс их легитимации широкими народными массами. Одновременно эв-

¹ См. подробнее: Социокультурная антропология права. Коллективная монография / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. СПб., 2015.

ристически важным является анализ практик воспроизводства правовой инновации правоприменителями и «обывателями», приписывания юридических значений типичным правовым ситуациям (фрейм-анализ). Поэтому анализ юридической повседневности – важное направление методологии антропологии права. Антропология права акцентирует внимание также на процессе правовой социализации, производимом в контексте правовой культуры «властью-знанием» (М. Фуко). «Культурологическая» составляющая определяет содержание правовой мультикультурности, характерной для сложноструктурированного современного социума.

Таким образом, антропология права – это применение антропологической методологии к праву. При этом существует несколько вариантов (подходов) в рамках самой антропологии: философская, биологическая, социальная, культуральная. Философская антропология является составной частью философских доктрин и осмысляет экзистенциальные вопросы бытия человека в мире. В то же время, если в учении И. Канта философская антропология достаточно четко выделяется как относительно самостоятельное направление или часть его философского учения, то у Ж.-П. Сартра или М. Хайдеггера провести такое различие между, например, онтологией и антропологией, уже невозможно. Биологическая антропология и ее продолжение в эволюционной эпистемологии акцентируют внимание на генезисе человека в контексте общих эволюционных процессов. Социальная антропология акцентирует внимание на человеческом измерении социального мира, а культуральная – на процессах аккультурации человека. Каждое из этих направлений, несомненно, имеет право на существование и перспективы своего развития. В принципе, эти подходы или направления можно представить в виде их взаимодополнительности – философские и биологические основания преломляются в социокультурную конкретику. Однако возможно и самостоятельное их существование как отдельных научных (и учебных) дисциплин. К современной постклассической юриспруденции ближе всего социокультурная антропология, сформировавшая «человекоразмерную» онтологию и соответствующую методологию описания социальности. Как утверждал К. Гирц, социальный мир – (и в этом антропология сближается с социальной феноменологией) – это не люди, их действия, предметы, которыми они оперируют, и последствия действий, а значения и смыслы, приписываемые людям, действиям, предметам и последствиям действий. Адекватно изучение таковых методом включенного наблюдения, т.е. с позиции действующих акторов в соотношении с позицией внешнего наблюдателя, или «насыщенного описания».

В связи с этим возникает сложный, требующий специального рассмотрения, вопрос о соотношении социокультурной антропологии и соци-

ологии. Полагаю, что само по себе размежевание этих дисциплин не так уж и значимо в теоретическом смысле (хотя важно для институционализации социокультурной антропологии). В принципе, если социолог применяет методологию включенного наблюдения (или насыщенного описания), то он проводит социокультурное антропологическое исследование (как это делали, например, представители социологии знания, погружаясь в лабораторию – проводя в ней «полевое исследование» с использованием антропологических методик). Так, изучение П. Бурдые кабилских крестьян – это скорее антропологическое предприятие (как он сам считал), а основанный на той же методологии анализ поля университетского образования – это, как считается, скорее социология, а, по большому счету, и то, и другое – социально-антропологическое (или антрополого-социальное, антрополого-культуральное) исследование². Стоит заметить, что сегодня антропология (именно социокультурная ее версия) используется не только при исследовании культур «экзотических» народов, но и для анализа субкультур постсовременного социума, включая их нормативно-правовую регуляцию.

Социокультурная антропология права – это постклассическое «человекообразное» измерение правовой реальности³. При этом предполагается, что человек, а не структура (например, норма права) – это основание правовой системы общества, которая конструируется и воспроизводится практиками людей, социализированных в соответствующей правовой культуре. Любой правовой институт, включая норму права, с точки зрения социокультурной антропологии права характеризуется «человеческим измерением»: в формальном его – института – выражении как абстрактные свойства человека вообще (во многих конституционных принципах) или более конкретные качества, требуемые нормой права для, например, государственного служащего; при реализации института в правовом порядке – в действиях людей «из плоти и крови» (по терминологии Б. Мелкевика), носителей статуса субъектов права. Эти два момента – формальный и деятельностный – взаимодополняют друг друга: институт (и правовой институт) существует или действует в социолого-антропологическом смысле, только если реализуется в практиках, включающих ментальные, психические представления о юридически должном и значимом конкретных людей (в противном случае можно говорить о «мертворожденной» норме или институте). С другой стороны, официальное провозглашение юридической значимости необходимо для мотивации (хотя она не сводится только к осознанию и осмыслению формальности

² Бурдые П. Начала. Choses dites: пер. с фр. М., 1994. С. 19–20, 143 и др.

³ «Человекомерность» – главный признак антропологии права, по мнению В. И. Павлова. См.: Павлов В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций : история формирования : монография. М., 2021. С. 29–30.

права, а включает потребности, интересы и ценности) и, соответственно, юридической практики.

Таким образом, социокультурная антропология права, основанная на постклассической методологии, конструирует онтологию права, в которой акцентируется внимание на «человеке юридическом» в культуре и на культурных различиях применительно к праву. **Право в такой картине (представлении) правовой реальности – это феномен культуры.** Это же касается и любого другого социального явления. Собственно, социальным какое-либо действие, процесс, явление, даже объект становятся только тогда, когда осмысляются человеком с позиций системы значений, образующих содержание культуры данного социума. Поэтому право не существует вне и без человека, социализированного в соответствующей правовой культуре. Постклассическая социокультурная антропология права утверждает **сконструированность права активностью человека, а не данность, и его – права – воспроизводимость практиками людей.** Это не отрицает объективность права, но пересматривает ее как практическую intersубъективность. **Право – релятивный, т. е. обусловленный социумом и всеми другими социокультурными явлениями, феномен.** Его существование проявляется только вместе с психическими, культурными, экономическими, политическими и т. д. явлениями. Назначение права – это та роль или функция, которую оно выполняет в обществе. **Содержание и формы права не универсальны, но исторически и социокультурно контекстуальны:** они обусловлены типом культуры данного общества и исторической эпохой.

Представленная программа антропологической методологии права, как видится, является наиболее адекватной постсовременному социуму и нуждается в дальнейших интенсивных научных исследованиях.

Библиографический список

Бурдьё П. Начала. Choses dites : пер. с фр. / П. Бурдьё. – М. : Социологос, 1994. – 288 с.

Павлов В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций : история формирования : монография / В. И. Павлов. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 560 с.

Социокультурная антропология права. Коллективная монография / под ред. Н. А. Исаева, И. Л. Честнова. – СПб. : Алф-Пресс, 2015. – 840 с.

References

Bourdieu P. The beginnings. Choses dites : translated from French / P. Bourdieu. – Moscow : Sociologos, 1994. – 288 p. (In Rus)

Pavlov V. I. Anthropology of law in the context of legal, philosophical and religious traditions: the history of formation: monograph / V. I. Pavlov. – Moscow : Yurлитinform, 2021. – 560 p. (In Rus)

Sociocultural anthropology of law. Collective monograph / ed. by N. A. Isaev, I. L. Chestnov. – Saint-Petersburg : Alef-Press, 2015. – 840 p. (In Rus)

Для цитирования:

Честнов И. Л. Антропология как методология постсовременной юриспруденции // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 21–26.

Recommended citation:

Chestnov I. L. Anthropology as a methodology of postmodern jurisprudence // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2022. № 1. Pp. 21–26.

Сведения об авторе

Честнов Илья Львович – профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

E-mail: ichestnov@gmail.com

Information about author

Chestnov Ilya Lvovich – Professor of Department of Theory and History of State and Law of St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

E-mail: ichestnov@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВА – ИЗ АРХАИКИ В XXI ВЕК
материалы Первой международной научной
междисциплинарной конференции
памяти профессора М. Г. Коротких
«Мировая эволюция в памятниках права:
генезис и эволюция первоисточников правовых систем»

УДК 930.85

**ЛЕГЕНДА О СУДЬЕ БАО И КОНФУЦИАНСКИЙ
ИДЕАЛ СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Э. А. Саракаева

Хайнаньский институт экономики и бизнеса

Поступила в редакцию 18 июня 2022 г.

Аннотация: Судья Бао Чжэн, по прозвищу Бао Драконовая Печать или Бао Чистое Небо, прославившийся в XI в. н. э. справедливым и беспристрастным ведением судебных дел, стал с веками образцом идеального конфуцианского чиновника и персонажем многочисленных художественных произведений, кодифицирующих его образ как образ идеального судьи. На основе легенд и художественного нарратива о судьбе Бао автор анализирует конфуцианское видение справедливого судопроизводства. Автор показывает, что в рамках конфуцианской системы ценностей судье нет необходимости быть особенно умным и проницательным – ему достаточно быть справедливым, неподкупным и любить простой народ, а все остальное, согласно конфуцианским представлениям, сделают за него Небо и люди, притянутые к нему силой его добродетели.

Ключевые слова: Бао Чжэн, конфуцианское мировоззрение, судопроизводство в средневековом Китае, идеальный судья, «Трое храбрых, пятеро справедливых», корпус легенд о судьбе Бао.

**THE LEGEND OF JUDGE BAO
AND THE CONFUCIAN IDEAL OF JUSTICE**

E. A. Sarakaeva

Hainan college of Economics and Business

Abstract: Judge Bao Zheng, nicknamed Bao the Dragon Seal or Bao the Pure Sky, who became famous in the 11th century AD for the fair and impartial conduct of judicial affairs, became over the centuries a model of an ideal

© Саракаева Э. А., 2022

Confucian official and a character in numerous works of fiction that codify his image as an ideal judge. Based on the legends and the artistic narrative about Judge Bao, the author analyses the Confucian vision of a fair trial. The author shows that under the Confucian value system, a judge does not need to be particularly clever and insightful – it is enough to be fair, incorruptible and to love the common people, and everything else, according to Confucian ideas, is done for him by Heaven and people drawn to him by the power of his virtue.

Key words: Bao Zheng, Confucian worldview, judicial procedure in medieval China, ideal judge, "Three Heroes and five Gallants", corpus of legends about Judge Bao.

У многих народов существуют предания, фольклорные или литературные, о расследовании загадочных преступлений и справедливом наказании преступников, и в центре такого рода преданий всегда стоит фигура гениального и беспристрастного сыщика или судьи. В китайской культуре таких фигур две: судья Ди (образ создан на основе реально существовавшего чиновника X в. Ди Жэнцзе) и судья Бао – персонаж скорее легендарный, чьи деяния относят к периоду правления династии Сун, примерно в XII в. Но тогда как Ди как литературный образ впервые появляется под пером европейского писателя Роберта ван Гулика и отражает европейское же понимание преступления и наказания, наложенное на китайские реалии, судья Бао, Бао Чжэн по прозвищу Драконова Печать или Чистое Небо, – истинно плоть от плоти китайской культуры и китайского мировоззрения, поэтому мы в настоящей работе именно на этом образе исследуем конфуцианское видение справедливого суда.

Бао Чжэн – главный герой нескольких циклов произведений, в том числе множества новелл минского времени (XIV–XVII вв.) и театральных пьес, окончательно же канон сведений о нем складывается в знаменитом авантюрном романе XIX в. «Трое храбрых, пятеро справедливых» писателя-сказителя Ши Юй-куня. В наше время продолжает выходить множество романов, фильмов и телесериалов о приключениях и расследованиях судьи Бао и его верных помощников – рыцарей.

Но прежде чем анализировать смысловое и ценностное наполнение этого образа, кратко расскажем о системе следственной и судебной власти в традиционном Китае. Бао Чжэн, согласно историям о нем, – глава столичной управы. А поскольку в Китае функции следствия по уголовным делам и судопроизводства так никогда и не выделились из общих административных обязанностей местных чиновников, то нужно предполагать, что служебный функционал судьи Бао включал в себя сбор налогов, организацию работ, мобилизацию рекрутов и многое другое, о чем, однако, в новеллах и романах не сказано ни слова. Перед читателем Бао Чжэн предстает лишь в одной ипостаси – как следователь и судья. Зато его следствия зачастую проводятся далеко не только в столичном округе Кайфыне, но и по всей стране.

На практике организация следствия и суда выглядела так: к управе местного чиновника являлся истец или любой человек, который хотел доложить о преступлении, и стучал в большой барабан, специально для этого поставленный перед воротами. На этот звук ворота управы открывались, и все желающие могли войти внутрь, чтобы присутствовать на открытых слушаниях. Истец преклонял колени перед судьей и излагал свою жалобу. Судья вызывал в управу подозреваемых и свидетелей, за которыми тотчас отправлялись стражники управы, возглавляемые одним или несколькими офицерами. Начальник управы проводил допросы, полагаясь, в отсутствие каких-либо криминалистических методов, в основном на показания соседей (что было вполне рабочим инструментом в условиях крайне плотной застройки и скученного проживания), на собственное понимание человеческой психологии, на запугивание подозреваемых и, в исключительных случаях, – на пытки.

Отличительной особенностью китайской судебной системы было то, что правоприменение в ней находилось в руках людей, которые законов не изучали. Дело в том, что должности в старом Китае замещались людьми, успешно выдержавшими государственные экзамены, поэтому чиновники были, как правило, эрудитами и интеллектуалами. Однако экзаменационный материал не включал в себя многочисленные кодексы и уложения, ограничиваясь, по большей части, конфуцианскими философскими и нравственно-политическими трактатами. Чтобы помочь чиновникам разобраться в юридических сложностях, при управе служили так называемые «писари», в чьи обязанности входило ведение протоколов, а главное – консультирование начальника по всем юридическим вопросам и помощь в организации расследования.

Судья Бао в романе Ши Юй-куня окружен буквально плеядой одаренных помощников, его писарь – Гунсун – человек редкостной наблюдательности и ума, его офицерами становятся прославленные бойцы Чжан Чжао и братья-мышь. Причем интересно, что герою не приходится тратить силы и время на поиск и отбор этих помощников, они приходят к нему сами и выражают желание ему служить. В точности так же, без особых усилий со стороны Бао Чжэна, являются к нему свидетели преступлений, и даже духи мертвых людей приходят сами, чтобы поведать о своей насильственной смерти и попросить восстановить справедливость. И это нельзя считать исключительно авторским стилем Ши Юй-куня, потому что в других произведениях о судье Бао герой тоже постоянно получает подсказки от Неба: то на крышу его дома садятся вороны, чтобы отвести его к нужному для его следствия месту, то ему подадут бумаги с игрой слов, в которой зашифрован ответ на важный вопрос. Мы полагаем, что в данном случае авторы новелл и романов не просто облегчают жизнь своему герою – нет, они выражают свою внутреннюю, основан-

ную на конфуцианском мировоззрении, уверенность, что гуманному и добродетельному человеку благоволит само Небо и не оставляет его без помощи. Как вода всегда течет вниз, это ее естество, так и люди всегда повинуются гуманному правителю, таково их естество. В рамках конфуцианской системы ценностей судьбе, по сути дела, нет даже необходимости быть особенно умным и проницательным – ему достаточно быть справедливым, неподкупным и любить простой народ, а все остальное сделают за него Небо и люди, притянутые к нему силой его добродетели.

Еще одной своеобразной чертой образа Бао Чистое Небо стали необычные обстоятельства его рождения и детства: он родился от уже слишком старой матери и имел столь темную кожу, что его отец испугался, сочтя, что этот ребенок станет великим злодеем и погубит всю семью, а потому велел выбросить его на съедение диким зверям. Однако через три дня старший брат младенца случайно увидел, что его бережет и греет телом тигр, и забрал ребенка в собственный дом. Этот рассказ напоминает бытующий во многих культурах сюжет о чудесном младенце, чье рождение сопровождалось необычными явлениями. Есть такие предания и в Китае, и всегда ребенок, о котором идет речь, вырастает и превращается либо в культурного героя (как Хоу Цзи, Князь-зерно, научивший свой народ сельскому хозяйству), либо в великого завоевателя и основателя династии (как, например, первый император династии Хань Лю Бан). И только в случае Бао Чжэна ребенок, вырастая, становится просто честным и мудрым судьей. И это может говорить о профанации самого сюжета, его низведении до обычного развлекательного поворота, или о высочайшем запросе общества на неподкупность и профессионализм администрации.

Мы склоняемся ко второй из названных интерпретаций, поскольку для общества и государства периода Цин, когда окончательно сформировался корпус текстов о судьбе Бао, важнейшей проблемой была коррумпированность администраций. Коррупция была вплетена в саму ткань госслужбы цинского Китая, она была не уродливым искажением, а сердцевиной чиновной карьеры. Цинские чиновники просто не получали достаточного финансирования для осуществления своих прямых обязанностей и были вынуждены регулярно облагать население и подчиненных дополнительными поборами. И, разумеется, в такой атмосфере не брать денег лично для себя и не дарить их вышестоящим было практически невозможно. И писатели-реалисты того времени это прекрасно понимали. В великих реалистических романах цинской эпохи, «Сне в красном тереме» и «Неофициальной истории конфуцианцев», есть по одному эпизоду, в которых новоназначенный чиновник решает быть честным и не брать взятку, а в результате становится врагом всему чиновному корпусу, от него увольняются почти все служащие и стражники, он вынужден все-таки позволить оставшимся брать взятки в ограниченном размере,

они его ненавидят, и в конце концов его обвиняют в ненадлежащем исполнении обязанностей и увольняют со службы. Причем этот человек авторами изображается безо всякого сочувствия, как слабый романтичный дурак, который ни чести не соблюл, ни места не сохранил.

А вот в корпусе историй о судье Бао вообще как-то обойдена стороной эта тема: как же Бао Чжэн сумел подняться так высоко при полной кристальной принципиальности, как он мог заставить своих людей служить, если не за деньги, почему его не ненавидели сослуживцы и начальники и т. д.? Можно, конечно, объяснить это разницей жанров: серьезные реалистические романы vs. развлекательная литература, и/или разницей аудитории: образованная элита, знавшая, как на самом деле устроен чиновный мир, vs не-элитная аудитория.

Но можно посмотреть и глубже, на разницу ценностных установок. «Неофициальная история» и «Сон в красном тереме» – произведения принципиально антиконфуцианские, в них нет и не может быть надежды на улучшение ситуации в этом мире путем активного гражданского служения, единственное спасение – трансценденция, выход из порочного круговорота вообще. Тогда как образ судьи Бао – порождение конфуцианского мировоззрения. Хотя легенды о Бао насыщены явлениями духов и прочими чудесами, все же в них спасение от социального зла и страдания предстает как социальное же добро, активное следование своему долгу. И также, в соответствии с конфуцианской антропологией, причина всякого зла в обществе видится не как неправильное устройство самого общества, а как недостаток добродетели у власть имущих. С известным упрощением можно сказать, что для конфуцианского менталитета причина коррупции – не в том, что чиновник поставлен в такие условия, когда не брать взятки нельзя, а исключительно в злой направленности его воли, в том, что он недостаточно честен или хорошо воспитан, или непросвещен добродетелью вышестоящего чиновника или лично государя. Поэтому судья Бао с его честностью и неумением идти на компромиссы – не просто человек, преодолевший болезнь своего века и окружения, он сам – лекарство от этой болезни, своеобразный мессия чиновного мира, по чьему примеру и другие люди исправляют свои пути. «Правление есть исправление», как когда-то Конфуций сформулировал суть служения государству.

Библиографический список

Ши Юй-кунь. Трое храбрых, пятеро справедливых / Ши Юй-кунь. – М. : Художественная литература, 1974. – 141 с.

Cao Xueqin. The Dream of the Red Chamber / Cao Xueqin. – Hangzhou : Tuttle Classics, 2010. – 329 p.

Hegel R. E. The Art of Persuasion in Literature and Law / R. E. Hegel // Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment / R. E. Hegel & K. Carlitz. – Seattle & London : University of Washington Press, 2007. – Pp. 81–106.

Park N. E. Corruption in Eighteenth-century China / N. E. Park // *The Journal of Asian Studies*. – 1997. – 56, №4. – Pp. 967–1005.

Youd D. M. Beyond Bao. Moral Ambiguity and the Law in Late Imperial Chinese Narrative Literature / D. M. Youd // *Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment* / R. E. Hegel & K. Carlitz. – Seattle & London : University of Washington Press, 2007. – Pp. 215–233.

Wu Zingji. Der Weg zu den Weißen Wolken. Geschichten aus dem Gelehrtenwald / Wu Zingji. – Beijing : Chinese Foreign Language Publishing House, 2015. – 529 s.

References

Shi Yu-Kun. Three heroes and five gallants / Shi Yu-Kun. – Moscow : Hudozhestvennaya literatura, 1974. – 141 p.

Cao Xueqin. The Dream of the Red Chamber / Cao Xueqin. – Hangzhou : Tuttle Classics, 2010. – 329 p.

Hegel R. E. The Art of Persuasion in Literature and Law / R. E. Hegel // *Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment* / R. E. Hegel, & K. Carlitz. – Seattle & London : University of Washington Press, 2007. – Pp. 81–106.

Park N. E. Corruption in Eighteenth-century China / N. E. Park // *The Journal of Asian Studies*. – 1997. – 56, №4. – Pp. 967–1005.

Youd D. M. Beyond Bao. Moral Ambiguity and the Law in Late Imperial Chinese Narrative Literature / D. M. Youd // *Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment* / R. E. Hegel & K. Carlitz. – Seattle & London : University of Washington Press, 2007. – Pp. 215–233.

Wu Zingji. Der Weg zu den Weißen Wolken. Geschichten aus dem Gelehrtenwald / Wu Zingji. – Beijing : Chinese Foreign Language Publishing House, 2015. – 529 s.

Для цитирования:

Саракаева Э. А. Легенда о судьбе Бао и конфуцианский идеал судопроизводства // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 27–32.

Recommended citation:

Sarakaeva E. A. The legend of Judge Bao and the Confucian ideal of justice // *Journal of Legal Anthropology and Conflictology*. 2022. № 1. Pp. 27–32.

Сведения об авторе

Саракаева Элина Алиевна – доцент кафедры русского языка факультета гуманитарных специальностей Хайнаньского института экономики и бизнеса (Китайская Народная Республика, г. Хайкоу), кандидат филологических наук
E-mail: 2689655292@qq.com

Information about author

Sarakaeva Elina Aliyevna – Assistant Professor of the Department of Russian Language of the Faculty of Humanities of Hainan College of Economics and Business (People's Republic of China, Haikou), Candidate of Philological Sciences
E-mail: 2689655292@qq.com

THE LEGEND OF JUDGE BAO AND THE CONFUCIAN IDEAL OF JUSTICE

E. A. Sarakaeva

Hainan college of Economics and Business

Submitted for publication on 18 June 2022

Abstract: Judge Bao Zheng, nicknamed Bao the Dragon Seal or Bao the Pure Sky, who became famous in the 11th century AD for the fair and impartial conduct of judicial affairs, became over the centuries a model of an ideal Confucian official and a character in numerous works of fiction that codify his image as an ideal judge. Based on the legends and the artistic narrative about Judge Bao, the author analyses the Confucian vision of a fair trial. The author shows that under the Confucian value system, a judge does not need to be particularly clever and insightful – it is enough to be fair, incorruptible and to love the common people, and everything else, according to Confucian ideas, is done for him by Heaven and people drawn to him by the power of his virtue.

Key words: Bao Zheng, Confucian worldview, judicial procedure in medieval China, ideal judge, "Three Heroes and five Gallants", corpus of legends about Judge Bao.

In many cultures there are legends, folkloric or literary, about the investigation of mysterious crimes and just punishment of criminals. The core image of such legends there is always a figure of a brilliant and impartial detective or judge. There are two such figures in Chinese culture: Judge Di, whose literary and cinematographic image is based on the real-life 10th-century official Di Renjie, and Judge Bao, a real life official turned legendary character, whose deeds are attributed to the Song dynasty, around the 12th century. But while Di Renjie as a literary character first appeared under the pen of the European writer Robert Van Gulik and reflects the European understanding of crime and punishment superimposed on the Chinese realities, Judge Bao, Bao Zheng nicknamed Dragon Seal or Pure Heaven, is truly flesh and blood of the Chinese culture and the Chinese worldview. In this work I will explore the Confucian vision of a fair trial based on the image of this legendary judge.

But I will start with a short historical reference.

Bao Zheng (999 – July 3, 1062) was a famous minister of the Northern Song Dynasty. In the fifth year of Tiansheng (1027), Bao Zheng was admitted to the Imperial Academy. He was promoted to the position of imperial historian and

was made responsible for the training of soldiers and the selection of generals, which would surprise modern readers, for he has never been a military himself. This kind of civil service was, as I believe, part of a government's attempt to control the army commanders through civil ministers. Later Bao Zheng served as a judge of the Household Department, then he joined the court as a deputy envoy where he became known as one of initiators of free salt trading. Then he was in charge of the "admonishing court" – a unique and ever dangerous position that the Chinese governmental system worked out to balance tyranny. To put it simply, his job was to point out the Emperor's mistakes and to criticize the courtiers. Bao Zheng took his appointment in earnest and repeatedly impeached the powerful. In 1061, he was promoted to the position of Deputy Counsellor. In the seventh year of Jiyou (1062), Bao Zheng died at the age of 64. He was posthumously awarded the title of Minister of Rites and given the posthumous title of "Xiaosu".

Bao Zheng was renowned for his honesty and impartiality, his perseverance, wisdom and determination, and his willingness to seek justice for the common people. Later generations worshiped him as a deity, believing him to be the reincarnation of a god Kui Xing¹, he was called Bao Gong, the last word meaning literally "a prince" but used when referring to deities.

Bao Zheng is the protagonist of several cycles of literary works, including many short stories of the Ming period (XIV–XVII centuries) and theatrical plays, but the present canon of information about him is formed in the famous adventure novel of the XIX century "Three heroes and five gallants" by the storyteller Shi Yükun. Numerous novels, films, and television series about the adventures and investigations of Judge Bao and his faithful assistant knights enjoy unceasing interest of modern Chinese audience.

But before discussing the the semantic and value contents of Bao Zheng's image, let us briefly observe the system of investigative and judicial power in traditional China. Bao Zheng, according to the canon, is the head of the metropolitan government. And since in China the functions of criminal investigation and judicial proceedings were never separated from the general administrative duties of local officials, we must assume that Judge Bao's official functions included collecting taxes, organizing works, mobilizing recruits, and much more, but the short stories and novels do not say a word about this. Bao Zheng appears to the reader in only one capacity, as an investigator and judge. But his investigations often take place not only in the capital city of Kaifeng, but all over the country.

In practice, the organization of the investigation and trial was as follows: a plaintiff or any person who wanted to report a crime came to the local official's

---

¹ Youd D. M. Beyond Bao. Moral Ambiguity and the Law in Late Imperial Chinese Narrative Literature // Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment / R. E. Hegel & K. Carlitz. Seattle & London, 2007. P. 216.

office and beat on a large drum, specially placed in front of the gate for this purpose. At that sound, the gates of the office would open, and anyone who wished to do so could go inside to attend the public hearing. The plaintiff would kneel before the judge and state his complaint. The judge summoned suspects and witnesses to the board, and the guards of the board, led by one or more officers, were sent to fetch them. The head of the police department conducted interrogations relying, in the absence of any forensic methods, mainly on the testimony of neighbours (which was quite a working tool considering extremely dense buildings and crowded housing), on his own understanding of human psychology, on intimidation of suspects, and, in exceptional cases, on torture.

A distinctive feature of the Chinese judicial system was that law enforcement was in the hands of people who had not studied the law. The fact is that positions in old China were filled by people who had successfully passed state examinations, so officials were, as a rule, erudites and intellectuals. However, the examination material did not include numerous codes and statutes, being limited for the most part to Confucian philosophical and moral-political treatises. To help officials understand legal complexities, the offices had so-called “scribes” whose duties included writing down the protocols of court procedures, and, most importantly, advising the chief on all legal matters and helping to organize investigations².

In Shi Yükun's novel *Judge Bao* is surrounded by a galaxy of gifted assistants, his clerk Gongsun is a man of rare observation and intelligence, his officers are the powerful swordsman Zhang Zhao and other famous fighters³. Judge Bao does not need to waste time and energy looking for and selecting these assistants, they come to him on their own and express a desire to serve him. In the same way, without any particular effort on Bao Zheng's part, witnesses of crimes appear before him to give evidence. Even spirits of dead people come by themselves to report their violent deaths and ask for justice.

This feature is not only typical to Shi Yükun's author style: in other works of fiction about Judge Bao the hero always receives hints from Heaven. Sometimes crows would sit on the roof of his house to lead him to the right place for his investigation, sometimes he would find papers with a game of words, which encrypts the answer to an important question. I believe that the authors of short stories and novels do not simply make life easier for their hero – no, they express their inner, based on the Confucian worldview, confidence that the humane and virtuous man is favoured by the very Heaven, so the Heaven does not leave him without help: “As water always flows downwards, this is its nature, so people always obey the humane ruler, this is their nature”. Under

² *Hegel R. E. The Art of Persuasion in Literature and Law // Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment / R. E. Hegel & K. Carlitz. Seattle & London, 2007. P. 81–106.*

³ *Shi Yu-Kun. Three heroes and five gallants. Moscow, 1974.*

the Confucian system of values, a judge does not even need to be particularly clever and shrewd – it is enough to be just, incorruptible and love the common people. Then Heaven and the people, drawn to him by the power of his virtue, will do the rest for him.

Another peculiar feature of Bao's image is the unusual circumstances of his birth and childhood: he was born of an already too old mother and had very dark skin. His father was frightened, believing that the child would become a great villain and ruin the whole family, so he ordered him to be thrown into the wildness to be eaten by wild beasts. Three days later, the baby's elder brother accidentally saw the baby being cared for and warmed by a tigress, and took it for the sign from above. He carried the baby back to his own home and brought him up as his own son. The story is reminiscent of the popular story of a miraculous baby, whose birth was accompanied by some miraculous apparitions. There are such tales in China as well, and always the child in question grows up to become either a cultural hero (like Hou Ji, the Prince of Grain, who taught his people farming) or a great conqueror and founder of a dynasty (as, for example, the first emperor of the Han dynasty, Liu Bang). It is only in the case of Bao Zheng that the child, having grown up, becomes simply an honest and wise judge. And this may speak to the profanity of the story itself, its relegation to a mere entertainment twist. Or rather it signifies the highest public demand for incorruptibility and professionalism of the administration, the explanation which I find more relevant.

I chose the second of these interpretations, because for the Qing period society and state, when the corpus of texts on Justice Bao was finally formed, the most important problem was the corruption of administrations. Corruption was woven into the very fabric of the Qing Chinese civil service; it was not an ugly distortion, but the core of an official career. The Qing officials simply did not receive sufficient funding to carry out their direct duties, and were forced to regularly impose additional extortions on the population and their subordinates⁴. And of course, in such an atmosphere, it was virtually impossible not to take money for themselves personally and give it as bribes to the higher-ranking officials.

The writers of the time were well aware of this situation. In the great realist novels of the Qing era, "The Dream in the Red Chamber" and "The Unofficial History of the Confucians", there are episodes – one in each novel – describing a newly appointed official who decides to be honest and not take bribes. As a result, the honest official becomes an enemy of the entire official corps, almost all the officials and guards leave him, so he is still forced to let those who remain take bribes in a limited amount. Yet everyone hates him, and in the end, he is accused of improper performance of duties and dismissed from

---

⁴ Park N. E. Corruption in Eighteenth-century China // The Journal of Asian Studies. 1997. 56, № 4. P. 967–1005.

service. This man is portrayed by the authors without any sympathy, as a weak romantic fool who has neither kept his honour nor his place⁵. So deep and so far goes the corruption of the system, that it's not possible to fulfil one's duty without being corrupt.

The corpus of stories about Judge Bao, however, somehow sidesteps this theme altogether: how did Bao Zheng manage to rise so high with complete crystal-clear integrity, how could he get his men to serve him, if not for money, why was he not hated by his fellow officers and superiors? One can, of course, explain this by the difference in genres: serious realist novels vs. entertainment literature, and/or the difference in audience: the educated elite who knew how the official world really works vs. the non-elite audience.

But one can also look deeper, at the difference in values. "The Unofficial History" and "Dream in the Red Chamber" are works of principle anti-Confucianism. In the world they describe there is no hope and cannot be hope for improvement through active civic service, the only salvation is transcendence, a way out of the vicious circle in general. The image of Judge Bao, though, is a product of the Confucian worldview. Although the legends of Bao are filled with apparitions, spirits and other miracles, salvation from social evil and suffering is represented as social good, and the way to achieve harmony is actively pursuing one's duty – a core Confucian idea. Besides, in accordance with Confucian anthropology, the cause of all evil in society is seen not as a wrong organization of society itself, but as a lack of virtue in those in power. With a certain simplification I can say that for the Confucian mentality the cause of corruption is not that the official is put in such conditions when he cannot not take bribes, but exclusively in the evil direction of his will, that he is not honest or well mannered, or unenlightened by virtue of a higher official or the sovereign personally. Judge Bao, with his honesty and inability to compromise, is therefore not just a man who has overcome the disease of his age and surroundings, he himself is the cure for this disease, a kind of Messiah of the official world, by whose example others are correcting their ways. "Governance is correction", as Confucius once formulated the essence of service to the state.

References

Shi Yu-Kun. Three Heroes and five gallants / Shi Yu-Kun. – Moscow : Hudozhestvennaya literatura, 1974. – 141 p. (In Rus)

Cao Xueqin. The Dream of the Red Chamber / Cao Xueqin. – Hangzhou : Tuttle Classics, 2010. – 329 p.

Hegel R. E. The Art of Persuasion in Literature and Law / R. E. Hegel // Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment / R. E. Hegel & K. Carlitz. – Seattle & London : University of Washington Press, 2007. – Pp. 81–106.

---

⁵ *Cao Xueqin*. The Dream of the Red Chamber. Hangzhou : Tuttle Classics, 2010. And also: *Wu Zingji*. Der Weg zu den Weißen Wolken. Geschichten aus dem Gelehrtenwald. Beijing : Chinese Foreign Language Publishing House, 2015.

Park N. E. Corruption in Eighteenth-century China / N. E. Park // The Journal of Asian Studies. – 1997. – 56, №4. – Pp. 967–1005.

Youd D. M. Beyond Bao. Moral Ambiguity and the Law in Late Imperial Chinese Narrative Literature / D. M. Youd // Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment / R. E. Hegel & K. Carlitz. – Seattle & London : University of Washington Press, 2007. – Pp. 215–233.

Wu Zingji. Der Weg zu den Weißen Wolken. Geschichten aus dem Gelehrtenwald / Wu Zingji. – Beijing : Chinese Foreign Language Publishing House, 2015. – 529 s. (In German)

Recommended citation:

Sarakaeva E. A. The legend of Judge Bao and the Confucian ideal of justice // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2022. № 1. Pp. 33–38.

Information about author

Sarakaeva Elina Aliyevna – Assistant Professor of the Department of Russian Language of the Faculty of Humanities of Hainan College of Economics and Business (People's Republic of China, Haikou), Candidate of Philological Sciences

E-mail: 2689655292@qq.com

ПЕРВЫЕ ПАМЯТНИКИ ПРАВА ВО ВЬЕТНАМЕ

Е. А. Есаева

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского*

Поступила в редакцию 20 июня 2022 г.

Аннотация: в статье анализируется ряд норм вьетнамских феодальных кодексов XI–XV вв. Изучается фольклор как источник отражения общественного сознания. Выделяются и описываются факторы формирования вьетнамского национального законодательства. Подчеркивается влияние ранних правовых источников на законодательство XX в. и правовую культуру современного общества.

Ключевые слова: казао, феодальные кодексы, кодекс Ле, культ предков.

THE FIRST MONUMENTS OF LAW IN VIETNAM

E. A. Esaeva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract: the article analyzes a number of norms of the Vietnamese feudal codes of the 11th–15th centuries. Folklore is studied as a source of reflection of public consciousness. The factors of the formation of the Vietnamese national legislation are singled out and described. The influence of early legal sources on the legislation of the 20th century and the legal culture of modern society is emphasized.

Key words: kazaо, feudal codes, Le code, cult of ancestors.

В древних вьетнамских государствах широко использовалось обычное право. Простая организация государственной администрации, престиж местной «знати» (вожди, старейшины) способствовали распространению устного права. В народных легендах содержатся стихи, свидетельствующие о наличии законов в период Хунг-вьонгов. В китайской летописи Хоу Хань Шу V в. указано: «Законы Вьетнама, в сравнении с законами Ханя, были различны более чем по десяти пунктам»¹. Этот отрывок говорит о возможном существовании письменного древневьетнамского законодательства. При этом доцент Ханойского университета Фу Тзи Фунг отмечает, что «по сохранившимся документам исследователи сошлись во мнении, что до династии Ли во Вьетнаме не было писано-

¹ Нгуен Хьу Конг. Кодекс Ле – выдающийся памятник права в истории вьетнамского общества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 25.

© Есаева Е. А., 2022

го закона... Первым письменным сводом законов являлся Кодекс династии Ли»². Так как оригинальные вьетнамские тексты древнего периода и времен северной зависимости не дошли до наших дней, вопрос о существовании древнейших, вьетнамских, письменных источников права остается открытым.

Источниками права первых государств являлись устные указы монарха, народный быт, деревенские правила. Обычное право регулировало многие социальные отношения. Содержание некоторых обычаев косвенно отражено в фольклоре. Во время феодального периода было разработано письменное законодательство, но обычаи и практика продолжали существовать. Правовая практика отражала остаток первобытного общества, в литературе её называют «чистым нравственным обычаем»³. В правовую практику входили правила, регулирующие деятельность судов, сформированные в процессе разрешения дел, и устные приказы правителей, которые становились общеобязательными и их выполнение гарантировалось принуждением. В более поздние периоды правовую практику дополняли нормы конфуцианства.

Современные вьетнамские исследователи с помощью местного фольклора и изучения древних сооружений пытаются восстановить первые правовые нормы государств Ванланг и Аулак. Так, легенда о драконе Лак Лонг Куане и фее Ау Ко⁴ свидетельствует о высоком, по сравнению с Китаем, положении женщины во вьетнамском обществе. Кроме того, исследователи предположили, что в древний период существовало равноправие мужчин и женщин. «Разделение детей поровну» в легенде о Лак Лонг Куане и Ау Ко, по-видимому, отражает равноправную семейную систему, в которой права наследования могут передаваться как по материнской, так и по отцовской линии⁵.

² *Vũ Thị. Phụng. Những bộ luật cổ Việt Nam và một số giá trị đối với đương đại* (на вьет. языке «Соотношение древних законов и современных ценностей»). [Электронный ресурс]. URL: http://www.hids.hochiminhcity.gov.vn/c/document_library/get_file?uuid=468d7ba4-020d-45b4-b696-265eba595e57&groupId=13025 (дата обращения: 12.12.2021 г.).

³ *Bản chất của pháp luật thời nhà nước Văn Lang* (на вьет. языке «О природе вьетнамского закона»). [Электронный ресурс]. URL: <https://thegioiluat.vn/bai-viet-hoc-thuat/ban-chat-cua-phap-luat-thoi-nha-nuoc-van-lang-11984/> (дата обращения: 12.12.2021 г.).

⁴ Легенда о фее Ау Ко и драконе Лак Лонг Куане: предки вьетов селились на берегах рек, поэтому почитали крокодилов. Образ дракона сложился из образов крокодилов, ящериц, птиц. Дракон символизирует силу, рост, жизнь. Лак Лонг Куан по легенде был морским полудраконом. Однажды он увидел, как чудовище гонится за дочерью короля птиц – феей Ау Ко. Лак Лонг Куан спас фею, и они влюбились друг в друга. Они поженились (вода и горы соединились друг с другом). Фея-птица отложила 100 яиц, из которых потом вылупились 100 сыновей – прародителей вьетнамских народов. Дракон учил своих детей сажать рис и делать шелк. Но ему было сложно жить в горах с Ау Ко. Супруги расстались. Дракон с 50 сыновьями ушел в море, а фея Ау Ко с оставшимися детьми поднялась высоко в горы.

⁵ *Taylor Keith Weller. The birth of Vietnam, Revision of thesis (PhD). University of Michigan, 1976. P. 11.*

Жених и невеста не имели свободного выбора. Как отмечает доктор Нгуен Тхи Нгует, преподаватель Университета культуры в Хошимине, «традиционный вьетнамский брак – это не просто союз двух человек, а вопрос двух семей (родов)»⁶. С распространением конфуцианства в обществе закрепилось понимание брака как союза двух родов. Во вьетнамском казао можно найти подтверждения приоритета родительской воли в выборе супруга для своего ребёнка: «Мы похожи на колосья: подходим друг к другу, но не родителям»⁷.

Феодальные кодексы закрепляли вьетнамские традиции заключения брака. Согласно ст. 314 Кодекса Ле «жених, который не принес достаточно свадебного подарка в дом родителей невесты и справляет свадьбу ненадлежащим образом, подвергнулся понижению в ранге на 1 ступень и платит штраф родителям, а невеста подвергается наказанию в виде 50-ти ударов плети»⁸. В фольклоре сохранилось несколько «казао», отражающих влияние родителей, социального положения и размера подарков на помолвку: «Короткие руки не достанут потолка. Мои родители бедны, не могу на тебе жениться»⁹.

При этом законодатели указывали, что размер свадебных подарков должен был соответствовать социальному положению семей, вступающих в брак.

Благополучие рода и семьи зависело от женщины. От женщин требовалось рождение здорового и многочисленного потомства, которое справится с ведением сельского хозяйства в тяжелых климатических условиях. Поэтому неблагоприятным, согласно традициям и конфуцианской морали, считалось проживание семейной пары без наследников. Отчасти такие устои объясняют полигамность мужчины в браке. Если женщина рожала только девочек или не могла родить, то муж мог оставить такую жену либо взять наложницу (жену второго ранга). Несмотря на господство конфуцианской модели, первые феодальные кодексы Вьетнама закрепляли относительно равноправное положение в имущественных отношениях супругов. Например, при разводе не по вине женщины совместно нажитое имущество делилось поровну¹⁰.

По мнению исследователей культуры, семья в традиционном вьетнамском обществе не отделима от деревни и страны¹¹. Государство Ванланг

⁶ *Lâm Viên*. Phong tục hôn nhân xưa và nay (на вьет. языке «Брачные обычаи прошлого и настоящего»). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.baodongnai.com.vn/dong-nai-cuoituan/202006/phong-tuc-hon-nhan-xua-va-nay-3007972/> (дата обращения: 12.12.2021 г.).

⁷ Доан Тхи Хоа. Женщина Вьетнама и России в XV – начале XVIII вв. : источниковедческие основы гендерного исследования : дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. С. 101.

⁸ Нгуен Хью Конг. Кодекс Ле – выдающийся памятник права в истории вьетнамского общества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 197.

⁹ Доан Тхи Хоа. Указ. соч. С. 112.

¹⁰ Нгуен Хью Конг. Указ. соч. С. 212.

¹¹ *Lâm Viên*. Phong tục hôn nhân xưa và nay (на вьет. языке «Брачные обычаи прошлого и настоящего»). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.baodongnai.com.vn/dong-nai->

представляло собой союз племен. Некоторые вьетнамские исследователи называют такое государство супердеревней, так как семейные и внутриобщинные связи оставались сильны, а деревня и государство были тесно связаны. Появилась концепция: «Дела деревни – дела государства». Деревня сохранила элементы самоуправления, поддерживая интересы государства.

С X по XV в., после освобождения от китайского господства, во Вьетнаме начался период укрепления национального духа. Древние легенды интерпретировались по-новому и поддерживались государственной идеологией. Старший сын феи Ау Ко, согласно легенде, стал первым королем Хунгом¹². Короли Хунги олицетворяли могущество вьетнамского народа и поддерживали распространенный во Вьетнаме культ предков на государственном уровне. Традиция почитания предков каждой семьей отразилась в земельном законодательстве. Для отправления ритуальных обрядов выделялись специальные земли. Например: ст. 391 Кодекса Ле устанавливала, что размер выделяемой земли равен 1/20 от всех земель умершего.

Вышеупомянутый Кодекс Ле являлся выдающимся памятником вьетнамского права. Его основой послужил китайский Кодекс династии Тан (618–907). В то же время Кодекс Ле отражал национальные культурно-правовые ценности вьетнамцев. При разработке колониального законодательства в XX в. французская администрация большое внимание уделяла изучению положений Кодекса Ле, так как более поздний Кодекс династии Нгуен был скопирован с Кодекса китайской династии Цин, утратив национальный характер.

Тексты более ранних феодальных кодексов не сохранились в полном объеме. В начале XV в. армия китайской династии Мин вторглась в Дайвьет. Многие ценные документы и книги вывозились в Китай, где их след затерялся. Содержание ранних кодексов («Свод уголовных уложений» династии Ли XI в. и «Уголовный кодекс государства» династии Чан XIII в.) можно частично восстановить, используя «Истории хартий феодальных династий» (*Lich Trieu Hien Chuong Loai Chi*) Фан Хюи Чу¹³ и другие вьетнамские исторические документы более позднего периода.

Кодексы династий Ли и Чан создавались с целью укрепления феодального строя государства, стабилизации общества и защиты сельскохозяй-

cuoi-tuan/202006/phong-tuc-hon-nhan-xua-va-nay-3007972/ (дата обращения: 12.12.2021 г.).

¹² Короли Хунги – первые легендарные правители древнего Вьетнама. Современные исследователи указывают, что легенда о королях Хунгах появилась примерно в XIII в.

¹³ Фан Хюи Чу – Phan Huy Chú (1782–1840) – вьетнамский ученый, историк. В научной литературе встречаются транскрипции имени Фан Зюи Тю. Разница в написании возникает из-за особенностей транскрипции «Нуу», которая в русском языке является исключением из общего правила из-за неблагозвучности русского эквивалента.

ственного производства¹⁴. Они устанавливали суровые наказания. Однако на феодальное законодательство оказывал влияние буддизм, что проявлялось в гуманизации системы наказания. Во времена правления Ли Тхай-тонга считалось, что эффективнее наказания обучение людей добродетелям¹⁵. Пожилым людям старше 70 лет, детям в возрасте до 15 лет, инвалидам, лицам, имеющим государственные заслуги, наказания заменяли штрафами, если их преступления не входили в список особо тяжких преступлений, более известных как «10 зол»¹⁶.

Законодательство династии Ли отражало нужды сельского хозяйства и старые обычаи. В частности, правители династии Ли сохранили церемонию вспашки монархами лично части рисового поля в честь бога земледелия.

Династия Чан продолжила законодательную традицию династии Ли. В целом первые феодальные кодексы содержали в себе национальные нормы, отражающие обычаи предков, несмотря на влияние китайского права во времена «северной зависимости».

Таким образом, несмотря на попытки китаизации вьетнамского общества во времена китайского господства, обычаи, сложившиеся в древности, сохранились. Многие из них были закреплены в феодальных кодексах. Кроме того, на правовые нормы оказали влияние верования вьетнамцев. Национальные и гуманистические ценности, содержащиеся в древних законах, являются основой правосознания современных вьетнамцев.

Библиографический список

Доан Тхи Хоа. Женщина Вьетнама и России в XV – начале XVIII вв. : историко-правовые основы гендерного исследования : дис. ... канд. ист. наук / Доан Тхи Хоа. – М., 2003. – 298 с.

Нгуен Хыу Конг. Кодекс Ле – выдающийся памятник права в истории вьетнамского общества : дис. ... канд. юрид. наук / Нгуен Хыу Конг. – М., 1998. – 232 с.

Taylor Keith Weller. The birth of Vietnam, Revision of thesis (PhD.) / Taylor Keith Weller. – University of Michigan, 1976. – 397 p.

¹⁴ *Bình Luận.* Vị vua ban hành Bộ luật Hình sự đầu tiên của Việt Nam (на вьет. языке «Монарх, обнародовавший первый Уголовный кодекс Вьетнама»). [Электронный ресурс]. URL: <https://tapchitoaan.vn/bai-viet/nhan-vat-su-kien/vi-vua-ban-hanh-bo-luat-hinh-su-dau-tien-cua-viet-nam> (дата обращения: 12.12.2021 г.).

¹⁵ King Ly Thai Tong issued the first written laws of our country (на англ. языке). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hoangthanhthanglong.vn/en/ly-thai-tong-nguoi-ban-hanh-bo-luat-thanh-van-dau-tien-cua-nuoc-ta/241> (дата обращения: 12.12.2021 г.).

¹⁶ Термин «особо тяжкие преступления», по сохранившимся данным, не использовался в Законах династии Ли. Вероятно, в Законах династий Ли и Чан не существовало общего понятия преступления. В статье это условное название группы деяний, которые строго карались, и откуп за них был невозможен. Например, за государственную измену полагалась смертная казнь исполнителю и его родственникам».

Binh Luận. Vì vua ban hành Bộ luật Hình sự đầu tiên của Việt Nam (на вьет. языке «Монарх, обнародовавший первый Уголовный кодекс Вьетнама») / *Binh Luận.* [Электронный ресурс]. – URL: <https://tapchitoaan.vn/bai-viet/nhan-vat-su-kien/vi-vua-ban-hanh-bo-luat-hinh-su-dau-tien-cua-viet-nam> (дата обращения: 12.12.2021 г.).

Lâm Viên Phong tục hôn nhân xưa và nay (на вьет. языке «Брачные обычаи прошлого и настоящего») / *Lâm Viên.* [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.baodongnai.com.vn/dong-nai-cuoi-tuan/202006/phong-tuc-hon-nhan-xua-va-nay-3007972/> (дата обращения: 12.12.2021 г.).

Vũ Thị Phụng Những bộ luật cổ Việt Nam và một số giá trị đối với đương đại (на вьет. языке «Соотношение древних законов и современных ценностей») / *Vũ Thị Phụng.* [Электронный ресурс]. – URL: http://www.hids.hochiminhcity.gov.vn/c/document_library/get_file?uuid=468d7ba4-020d-45b4-b696-265eba595e57&groupId=13025 (дата обращения: 12.12.2021 г.).

References

Doan Thi Hoa. A Woman in Vietnam and in Russia in the 15th – the Beginning of the 18th Centuries : the Source Study Basics of Gender Research (PhD Thesis) / *Doan Thi Hoa.* – Moscow, 2003. – 298 p. (In Rus)

Nguyen Hiu Kong. The Code of Le – the Famous Monument of Law in the History of Vietnamese Society (PhD Thesis) / *Nguyen Hiu Kong.* – Moscow, 1998. – 232 p. (In Rus)

Taylor Keith Weller. The birth of Vietnam, Revision of thesis (PhD) / *Taylor Keith Weller.* – University of Michigan, 1976. – 397 p.

Binh Luan. The Monarch who Published the First Criminal Code of Vietnam / *Binh Luan.* [Electronic source]. – URL: <https://tapchitoaan.vn/bai-viet/nhan-vat-su-kien/vi-vua-ban-hanh-bo-luat-hinh-su-dau-tien-cua-viet-nam> (Date of access: 12.12.2021) (In Vietnamese).

Lam Vien. Marriage Customs of the Past and the Future / *Lam Vien.* [Electronic source]. – URL: <http://www.baodongnai.com.vn/dong-nai-cuoi-tuan/202006/phong-tuc-hon-nhan-xua-va-nay-3007972/> (Date of access: 12.12.2021) (In Vietnamese).

Vu Thị Phụng The Correlation between the Ancient law and Modern VN những bộ luật cổ Việt Nam và một số giá trị đối với đương đại (In Vietnamese “The correlation between ancient laws and modern values”) / *Vu Thị Phụng.* [Electronic source]. – URL: http://www.hids.hochiminhcity.gov.vn/c/document_library/get_file?uuid=468d7ba4-020d-45b4-b696-265eba595e57&groupId=13025 (Date of access: 12.12.2021) (In Vietnamese).

Для цитирования:

Есаева Е. А. Первые памятники права во Вьетнаме // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 39–45.

Recommended citation:

Yesaeva Y. A. The first monuments of law in Vietnam // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2022. № 1. Pp. 39–45.

Сведения об авторе

Есаева Екатерина Андреевна – преподаватель кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

E-mail: Еаесаева1221@gmail.com

Information about author

Yesaeva Yekaterina Andreyevna – Assistant of the Department of Theory and History of State and Law of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: Еаесаева1221@gmail.com

УБИЙСТВО НЕПОДКУПНОГО ИНСПЕКТОРА. ПРАВСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В ЦИНСКОМ КИТАЕ

А. А. Саракаева

Хайнаньский университет

Поступила в редакцию 17 июня 2022 г.

Аннотация: статья написана в жанре казусной истории. На материале подробно задокументированного уголовного дела 1809 г. автор рассматривает такие вопросы, как коррупция в рядах китайского чиновничества; эффективность круговой поруки для профилактики преступности; способы совершения и расследования уголовных преступлений и уровень осведомленности населения об этих способах; принципы наложения наказаний; тема преступления и наказания в массовом сознании китайцев конца XVII – начала XIX в. Отдельного внимания заслуживает такое примечательное явление, как беллетризация реального происшествия в отчетах свидетелей, внесение в него популярных морально-дидактических и религиозно-мистических мотивов, широко известных по фольклору и художественной литературе того времени.

Ключевые слова: позднеимперский Китай, династия Цин, казусная история, преступление и наказание.

THE MURDER OF AN INCORRUPTIBLE INSPECTOR. ON MORAL CONSCIOUSNESS AND LEGAL PRACTICE IN THE QING CHINA

A. A. Sarakaeva

Hainan University

Abstract: the article is a case history study. Basing on a well-documented criminal case of 1809, the author explores such issues as corruption in the ranks of Chinese officials; effectiveness of severe punishments for crime prevention; the methods criminal offences were committed and investigated in the Qing empire, and the level of public awareness of these methods; principles of sentencing; and the issue of crime and punishment in the mass consciousness of the Chinese in the late XVII and early XIX centuries. Special attention is paid to a remarkable phenomenon of fictionalizing of a real incident in witness reports, i.e. the introduction of popular moral, didactic and religious motifs widely known in the folklore and literature of that time.

© Саракаева А. А., 2022

Key words: *Late Imperial China, Qing dynasty, case history, crime and punishment.*

В современном китайском кинематографе, в его популярном жанре костюмного детектива, одним из наиболее часто описываемых преступлений является убийство честного чиновника его коллегами или начальниками-коррупционерами. Фактически, всякий раз, когда жертвой загадочного убийства становится чиновник, зритель уже примерно понимает, кто тут убийца, и лишь ждет, каким же образом его разоблачат. Однако в реальной судебной практике позднеимперского времени такие дела крайне малочисленны. Дело 1809 г. – один из редчайших примеров, в нем даже инспекторы, командированные для проведения следствия, и столичная судебная палата до конца не могли поверить, что заговор на убийство действительно организован начальником уезда. Но нетипичность самого преступления не означает, что это изолированный случай, ничего не говорящий об обществе и государстве империи Цин; напротив, в нем, как в капле воды, отражены многочисленные тенденции и особенности нравственного, правового и даже религиозного сознания китайского народа.

В 1808 г. уроженец Шаньдуна Ли Ючан выдержал государственные экзамены на высшую ученую степень, цзиньши, и получил свое первое назначение: в это время в южной провинции Цзянсу произошло наводнение, и нужны были инспекторы для контроля за расходованием государственных фондов на помощь пострадавшим. Но, прибыв в Цзянсу, в уезд Шаньян, Ли Ючан весьма скоро погиб таинственным образом – его слуги утром обнаружили его тело висящим на балке, а местный коронер, вызванный на осмотр, назвал причиной смерти самоубийство. Начальник уезда, Ван Шэньхань, забрал все бумаги покойного, но, по его утверждению, не нашел в них ничего, указывающего на причину такого отчаянного поступка. Поэтому тело инспектора в закрытом гробу было передано его дяде, Ли Тайцину, и увезено на родину.

В семейном доме дядя и вдова покойного стали разбирать его вещи и с удивлением обнаружили, что на форменной одежде Ли Ючана, которая лежала в отдельном сундуке, есть небольшие пятна крови с внутренней стороны рукавов, на манжетах. Они сделали логическое умозаключение, что такие пятна могут появиться только в одном случае – если у человека шла горлом кровь, и он вытирал ее рукавами, чего, разумеется, самоубийца в петле делать никак не мог. Тогда они вскрыли гроб, сами осмотрели тело своего мужа и племянника и убедились, что на его лице есть пятна от лаймового сока, который использовался, чтобы посмертно отбелить кровоподтеки на труп; к телу приклеена желтая бумажная лента с даосским заклинанием, а в одежду покойника спрятано маленькое зеркальце, т. е. кем-то приняты меры предосторожности против ме-

сти разгневанного мертвеца. Кроме того, когда они поместили серебряную иглу в рот и пищевод покойника, то серебро почернело и не отмывалось, – а это в старом Китае считалось верным признаком отравления мышьяком. Тогда Ли Тайцин отправился в Пекин и принес властям формальную жалобу и просьбу расследовать смерть племянника.

Довольно скоро это дело дошло даже до самого императора Цзяцина и стало предметом едва ли не ежедневной корреспонденции между ним и его министрами в августе и сентябре 1809 г. Началось курируемое из столицы следствие.

Первые важные показания дали слуги покойного Ли Ючана, сопровождавшие его в роковой инспекционной поездке. Они рассказали, что в последний вечер своей жизни их господин был приглашен на ужин к уездному начальнику Вану, и они заметили, что Ван вел какие-то загадочные разговоры с одним из своих подчиненных чиновников. Что до Ли Ючана, то он, согласно показаниям слуг, был необычно рассеян и даже стал заговариваться, спросив слугу, принес ли он свое одеяло в уездное управление, что, по всей видимости, должно было навести следователя на мысль о начинавшемся душевном расстройстве у жертвы. Когда же Ли Ючан вернулся в тот монастырь, в котором квартировал во время инспекции, то напился чаю, отпустил людей и стал работать над документами. Утром же его якобы нашли уже повешенным. Еще одной важной деталью, сообщенной слугами, стало известие о весьма формальном осмотре тела уездным коронером, который приехал в монастырь вместе с начальником Ваном и правителем области, бегло посмотрел на труп и даже не стал его раздевать, удовлетворившись тем, что спустил чулок с одной ноги. С ними же приехал и «специалист по инь и ян», который приклеил к телу заклинание на желтой бумаге и положил в гроб зеркальце, и слуги не посмели спрашивать о причинах и необходимости этих действий.

Коронер признал свою небрежность, но сослался на приказ начальника уезда Вана, который заявил ему, что «не нужно идти дальше»¹. Сам Ван Шэньхань, пожилой чиновник почти восьмидесяти лет, выдержал несколько допросов, но потом, под пыткой, которая состояла в выкручивании ушей и стоянии коленями на цепях, рассказал, что он придумал и успешно осуществлял схему по присвоению государственных средств, выделяемых на помощь жертвам наводнения: он завышал количество пострадавших, чтобы разницу положить себе в карман. Приехавшему с инспекцией Ли Ючану он предложил поучаствовать в этой схеме, но тот с негодованием отказался. Более того, подкупив одного из слуг Ли Ючана, Ван узнал, что молодой инспектор уже пишет донесение о его преступной деятельности. И тогда он запаниковал и решил, что единственный его выход – убить Ли.

¹ См.: *Hegel R. E. True Crimes in Eighteenth-century China. Twenty Case Histories.* Seattle & London, 2009. P. 231.

Слуги Ли Ючана под пытками подтвердили эту версию событий. Тот же подкупленный слуга, Ли Сян, подсыпал своему хозяину мышьяк в чай. Однако спустя несколько часов, когда от уездного начальника пришел его доверенный человек Бао Сян справиться, удалось ли задуманное, то выяснилось, что Ли Ючану очень плохо, но он жив, и неизвестно, умрет ли вообще. Тогда Бао Сян посулил Ли Сяну и его товарищам по сотне ляннов серебра, если они немедленно убьют инспектора. Поразительна реакция одного из слуг, Ма Ляньшэня. Узнав, что Ли Сян, оказывается, уже отравил господина, он восклицает: «Зачем ты решил погубить нашего хозяина? Я пойду и позову кого-нибудь на помощь!» Но они возражают ему: «Если ты позовешь на помощь, то тебя припугают к этому делу. А если не позовешь – значит, ты, и в самом деле, в нем участвуешь!»² И этого оказалось достаточно, чтобы Ма Ляньшэнь оставил все возражения и последовал за подельщиками в спальню Ли Ючана, где четверо слуг схватили и повесили несчастного инспектора. Кстати, согласно их утверждению, деньги за убийство им так и не были выплачены. Вместо того уездный начальник Ван подарил огромные суммы своему начальнику – правителю области, а также коронеру и некоторым своим подчиненным. Причем он настаивал на том, что не делился с ними планами по убийству инспектора, а подарки делал просто на всякий случай, чтобы они были более расположены доверять ему и не вмешиваться в его дела.

Император был в ярости и потребовал жесточайшего из возможных по закону наказаний для преступников. 21 августа 1809 г. были вынесены приговоры, согласно которым слуга уездного начальника Бао Сян должен быть немедленно обезглавлен; слуги инспектора Ли, отнявшие жизнь у собственного господина, должны быть препровождены в Шаньдун на его могилу, где подвергнуты мучительной казни, а их головы должны быть принесены в жертву духу убитого. В тот же день было вынесено административное постановление, снимавшее с должностей за небрежение служебными обязанностями непосредственного начальника Ван Шэньхэня и генерал-губернатора провинции Лянцзян, который проводил расследование первым и не выяснил всю истину сразу. Более того, этот неудачливый следователь отправился в ссылку в Урумчи, на крайний запад империи, как и старший сын Ван Шэньхэня, – в соответствии с законом, распространявшим наказание за особо тяжкие преступления на ближайших родственников преступника. А вот дальнейшего расследования коррупции при распределении государственной помощи не проводилось, к тому же суд полностью поверил в непричастность других чиновников провинции Цзянсу и уезда Шаньян к убийству инспектора Ли. Парадоксально при этом, что сам организатор убийства получил, на наш взгляд, непропорционально легкое наказание: формально он был приго-

² См.: Hegel R. E. Op. cit. P. 234.

ворен к отрублению головы с отсрочкой исполнения приговора до осени, но поскольку он был уже очень стар, традиция предписывала смягчить его наказание на одну степень. Так что на практике Вана приговорили к ста ударам тяжелой палкой и ссылке на три тысячи ли от дома, что в его случае, как ни странно, привело преступника почти в столицу – в город Шуньтянь под Пекином.

Убитого инспектора император почтил лично сочиненным стихотворением «Горюю о преданном»³.

Данное уголовное дело интересно для исследователя в нескольких аспектах. Во-первых, это коррупция в цинском чиновничестве и отношение центрального правительства к коррупционерам на местах. Цинские законы о коррупции были чрезвычайно строги, они рассматривали как взятку любое получение чиновником выгоды, будь то подарок к празднику или прямая оплата заранее оговоренных услуг. Отдельной статьёй закона оговаривалась так называемая «торговля влиянием», под которым имелось в виду одаривание частным лицом или нижестоящим чиновником вышестоящего, не сопровождающееся какими-либо просьбами или условиями и совершаемое ради установления хороших отношений, которые можно было бы использовать в будущем. Такое деяние тоже трактовалось как взятка и влекло за собой уголовное наказание как для взяткодателя, так и для администратора, принявшего подобный дар⁴. Многочисленные денежные подарки Ван Шэньхэя своему областному правителю, коллегам и коронеру вполне можно было бы рассматривать как «торговлю влиянием» и соответственно карать. Почему же это не было сделано, даже несмотря на явный гнев главы государства и его желание сурово разделаться со всеми виновниками происшествия?

Дело в том, что реальная правоприменительная практика в цинском Китае иногда разительно отличалась от писаного закона. В частности, правительство предпочитало, по большей части, игнорировать коррупцию в рядах чиновничества. Как показывает Нэнси Парк в своей работе «Коррупция в Китае восемнадцатого века», фактически все громкие коррупционные дела этого времени были политически мотивированы: обвинения во взяточничестве, вымогательстве, незаконных поборках и расточительстве выдвигались только и исключительно против тех членов правящей элиты, которые оказались не по ту сторону политических баррикад, тогда как всем другим аналогичные поступки в вину не ставились⁵.

Одной из причин такого расхождения между кодифицированным законом и его практическим применением можно считать китайскую

³ См.: *Hegel R. E.* Op. cit. P. 226–241.

⁴ См.: *Park N. E.* Corruption in Eighteenth-century China // *The Journal of Asian Studies.* 1997. 56, № 4. P. 970–972.

⁵ См.: *Ibid.* P. 997–998.

культуру в целом, придающую и всегда в истории придававшую огромное значение дарообмену, – в ней и до сих пор почти невозможно выразить уважение и доброжелательность к другому человеку или установить близкие отношения без регулярного обмена подарками к каждому празднику или значимому событию в жизни одариваемого. Другой, не менее значимой, причиной толерантного отношения цинского правительства к сановным взяточникам была собственная экономическая выгода правительства. Оно попросту не платило своим чиновникам достаточного жалования и не выделяло достаточного финансирования для исполнения их рутинных служебных обязанностей, и потому у местных администраций не оставалось иного выхода, кроме как облагать население и подчиненных частыми дополнительными поборами – если не в собственную пользу, то хотя бы на проведение необходимых работ. И даже сами императоры Великой Цин не брезговали пополнять свою казну подобным образом. Так, например, император Цяньлун специальным эдиктом запретил чиновникам объезжать подведомственные территории для сбора подношений с местного населения и в то же время совершил – и вероятно, с этими же целями – 72 путешествия по империи, из которых 6 самых длительных были по богатейшему в Китае региону Цзяннани. По свидетельству современников, эти путешествия буквально разорили Цзяннань, но сам император числил их, наряду с завоеванием Синьцзяна, главными достижениями своего царствования⁶. Именно такая политическая культура препятствовала правительству карать взяточников по всей строгости закона, ведь тем самым это парализовало бы работу административного аппарата в масштабах всей страны.

Другим обращаящим на себя особое внимание аспектом вышеизложенной истории является статусный, обусловленный конфуцианской идеологией принцип наложения наказаний. Согласно конфуцианскому учению, все отношения между людьми описываются в терминах статусных пар: подданный и государь, отец и сын, старший и младший братья, муж и жена. Эти пары организованы по иерархическому принципу, равенство в них исключено, и именно само неравенство прав и обязанностей рассматривается как залог социальной стабильности. И хотя на декларативном уровне признается, что основная ответственность в паре лежит на вышестоящем ее члене, на практике такое неравенство всегда возлагает повышенные обязанности на нижестоящего – это он (или она) должен подчиняться, служить, жертвовать и получать суровые наказания за неисполнение своего долга. Во всех китайских кодексах с древнейших времен убийство нижестоящим членом статусной пары вышестоящего трактовалось как самое тяжкое из всех возможных престу-

⁶ См.: *Elliot M. Emperor Qianlong. Son of Heaven, Man of the World. N.Y., 2009. P. 69.*

плений⁷. Поэтому из четырех непосредственных исполнителей убийства инспектора Ли лишь один – Бао Сян – подвергся сравнительно легкой казни через отрубление головы, ведь он был слугой другого человека, он не поднимал руки на собственного хозяина. Три остальных исполнителя рассматривались как особо опасные преступники и получили максимальное наказание – пытку и казнь. На этом фоне тем более выделяется та снисходительность, с которой закон отнесся к организатору и заказчику убийства – уездному начальнику Ван Шэньханю, который остался в живых и получил возможность доживать свой век в относительно комфортных условиях под столицей. Можно предположить, что, с точки зрения цинских судей и одобрившего приговор императора, чиновник, организовавший убийство другого чиновника, был уродливой аберрацией, исключением из обычного порядка вещей, он был, скорее, примером морального падения, чем реальной социальной опасностью. Тогда как слуги, убившие своего господина, были общественной угрозой, вызовом всем устоям государства, социума и космоса.

Однако в данном случае мы видим, что суровость закона к злоумышлениям низшего против высшего отнюдь не гарантировала законопослушности, круговая порука не служила эффективной профилактикой преступлений. Не может не впечатлять та легкость, с которой слуга Ма Ляньшэнь согласился участвовать в убийстве своего хозяина. Он пошел убивать человека, который не сделал ему ничего плохого и за чье убийство, в случае разоблачения, он должен был подвергнуться мучительной казни просто для того, чтобы избежать допросов в управе и подозрений в соучастии. И все-таки мы настаиваем, что это фатальное решение не было результатом одной лишь глупости слуги Ма, это было осознанной и, в общем, рациональной стратегией поведения для человека, попавшего в такое положение.

Как мы уже доказывали в одной из своих предшествующих работ, ведущей реакцией простых китайцев на любую проблему, требующую привлечения государства в дела частных лиц, был страх в диапазоне от спокойного избегания до ужаса⁸. И это объяснимо: ведь согласно закону и сложившейся судебной практике свидетелей и истцов могли подвергнуть судебной пытке для верификации их показаний; вся система ведения допроса была основана на психологическом давлении и запугивании, когда судья обязан был демонстрировать недоверие к любым показаниям и требовать от всех участников процесса немедленно прекратить

⁷ См.: Zhang T. Kinship Hierarchies and Property Institutions in Late Qing and Republican China // Chinese Law. Knowledge, Practice, and Transformation / L. Chen & M. Zelin. N.Y., 2011. P. 47.

⁸ См.: Саракаева А. А. Рука закона и тело семейного коллектива. Семья, страх и суд в цинском Китае // Corpus Mundi. 2021. № 2. С. 114.

лгать и сознаться во всем; а главное – все ключевые фигуры процесса на период между слушаниями помещались в тюрьму, чтобы обеспечить их явку на следующее заседание, и могли, таким образом, провести в тюрьме несколько месяцев, оставив свои семьи без пропитания. Так что, подсыпав яд в чай инспектора Ли, его слуга Ли Сян поставил двух других своих товарищей перед чрезвычайно тяжелым выбором: либо *post factum* одобрить его действия и принять участие в убийстве, либо побежать за помощью, а впоследствии оказаться свидетелями, а то и обвиняемыми на суде, где сам Ли Сян и его сообщник Бао Сян, несомненно, заявляли бы о причастности жалобщика к заговору, а судьей, по всей вероятности, выступал бы лично Ван Шэньхань, т. е. заказчик преступления. Другими словами, этот выбор можно было бы описать так: либо гарантированные пытки и гибель в неочевидном случае разоблачения, либо гарантированное судебное разбирательство с пытками и возможной гибелью. Так что выбор Ма Ляньшэня в пользу убийства хозяина был по-своему вполне логичен, так как давал ему хоть какой-то шанс не пострадать вообще.

Довольно интересной деталью этого дела нам представляется также небрежность и некоторая наивность убийц в сокрытии своего преступления, и напротив – осведомленность родственников жертвы о способах совершения преступлений. Готовя убийство в спешке и панике, Ван Шэньхань, возможно, и не имел времени выяснить, в какие сроки действует на человека мышьяк и в каком количестве его нужно дать, чтобы жертва быстро умерла. Но после смерти Ли Ючана все действия Вана выглядят подозрительными, начиная от откровенного захвата бумаг покойника до магических ритуалов, призванных умиротворить обиженный дух убитого и предотвратить его месть. При этом он все же отдал родне Ли Ючана не только гроб с его телом (и с пятнами лайма на лице), но даже и запачканную кровью одежду. При ознакомлении с этими деталями трудно не согласиться с цинскими следователями, считавшими, что чиновник в роли убийцы – это какая-то редкость и диковина. Достаточно очевидно, что Ван Шэньхань, сам по долгу службы расследовавший и судивший уголовные преступления, тем не менее, не знал, как скрыть свое собственное злодеяние, или же был абсолютно уверен, что его высокое положение само по себе послужит ему достаточной защитой от любых подозрений.

А вот семья Ли, наоборот, знала не только признаки отравления мышьяком – их в Китае знали многие, так как мышьяк был единственным, зато широкодоступным отравляющим веществом, – но и способы, какими можно скрыть наличие синяков и ссадин на трупе. Также они смогли правильно интерпретировать характер и локализацию кровавых следов на одежде своего родственника. При этом Ли Тайцин был военным, его карьера никакого отношения не имела к уголовному следствию, а его не-

вестка и вовсе была домашней затворницей, как и положено было женщине из высшего класса в традиционном Китае. Поэтому мы, с известной долей допущения, могли бы предположить, что такие знания могли быть получены ими только из литературы.

И это подводит нас к последнему, но немаловажному выводу из рассматриваемого сюжета – а именно, к наблюдению о высокой роли литературы в подлинной жизни китайской интеллигенции и о беллетризации реальных происшествий в судебных отчетах и воспоминаниях участников.

На этот феномен уже обращали внимание такие исследователи китайской литературы и ее влияния на деловую документацию, как Роберт Хегел, под чьей редакцией вышел целый сборник научных работ «Литература и закон в позднеимперском Китае». Он отмечает: «Авторы юридических текстов проявляли креативный талант в составлении отчетов, адресованных вышестоящим инстанциям. Это не значит, что чиновники цинского Китая и их юридические консультанты сознательно искажали свой материал. Однако... они должны были редактировать важную информацию... что подразумевало творческое переписывание устных показаний»⁹. Дэниэл Юд в той же коллективной монографии исследует взаимное влияние художественной литературы и описаний подлинных судебных дел, в частности упоминает таких знаменитых писателей цинского времени, как Ли Юй (1610–1680) и Ли Люйюань (1707–1790), которые, помимо художественной прозы, составляли также судебные сборники или лично служили уездными чиновниками¹⁰. И все же эти ученые, в основном, сопоставляют стилистику юридических и художественных текстов, тогда как наш случай дает основание говорить о еще более глубоком проникновении литературы в область практической юриспруденции – о влиянии на уровне сюжетов и интерпретации реальности.

Во-первых, следует заметить упоминание о потемневшем серебре как индикаторе отравления мышьяком. На самом деле серебро не изменяет цвет при прикосновении к пищеводу жертвы отравления, так что крайне маловероятно, чтобы Ли Тайцин и его невестка могли наблюдать такой феномен. Также они вряд ли намеревались сознательно обмануть власти, к которым обращались с прошением, ведь целью их жалобы как раз и было возобновление следствия, т. е., в первую очередь, повторный осмотр трупа, при котором любая ложь была бы разоблачена. Тем не менее они с уверенностью утверждают, что серебро потемнело и не отмывалось. Эти

⁹ См.: *Hegel R. E. The Art of Persuasion in Literature and Law // Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment / R. E. Hegel & K. Carlitz. Seattle & London, 2007. P. 85.*

¹⁰ См.: *Youd D. M. Beyond Bao. Moral Ambiguity and the Law in Late Imperial Chinese Narrative Literature // Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment. P. 216.*

люди, знавшие из многочисленных литературных описаний, как должны выглядеть признаки отравления, просто смоделировали и осмыслили реальность в соответствии с литературным канонem.

Но еще более красочную сюжетную линию представляют собой дважды запротokolированные сведения о видениях Цзин Чунфа. Первый раз о них кратко повествует генерал-губернатор Те (тот человек, которого позже сошлют в Урумчи за неудачу в расследовании). В его отчете на высочайшее имя упомянуто, что 7 марта 1809 г. Цзин Чунфа, старый друг и однокашник инспектора Ли Ючана, вдруг стал вести себя странно, упал на землю и заявил: «Я Ли Ючан, я вернулся из Шаньяна, где погиб жестокой смертью!», – а потом принялся горько рыдать, пока не перестал дышать¹¹. К сожалению, неизвестно, откуда к генерал-губернатору поступила эта информация.

Второй раз об удивительном происшествии с Цзин Чунфа мы узнаем из показаний дяди убитого, Ли Тайцина, когда он явился в Пекин со своей жалобой. Он утверждал, что Цзин Чунфа ехал на осле по своему родному городу, когда навстречу ему попала процессия, несшая какого-то чиновника в портшезе. Цзин по обычаю спешился и приветствовал чиновника поклоном. Когда же тот вышел из портшеза, чтобы ответить на приветствие, Цзин с удивлением узнал в нем своего друга Ли Ючана, не так давно отбывшего по месту службы в Цзянсу. Ли пояснил, что направляется в родной уезд Цися, чтобы занять там место бога города. Из этого Цзин Чунфа понял, что разговаривает с покойником, пришел в ужас и побежал домой. Рассказав жене про свою страшную встречу, он пожаловался на острую головную боль и попросил чаю, но, когда она поднесла ему чашку, не смог пить: «Глядя на этот чай, я вспоминаю о том, как выпил того отравленного чаю и умер в муках!» Жене его голос показался незнакомым, и она спросила, кто он такой, на что он заявил: «Я Ли Ючан. Я направлялся по месту службы в уезд Цися, когда столкнулся со своим однокашником Цзин Чунфа, тогда я пригласил его с собой, чтобы он помогал мне в управлении». И с этими словами Цзин скончался. Так, согласно показаниям Ли Тайцина, рассказывала жена Цзин Чунфа¹².

Перед нами – популярный в китайской новеллистике сюжет: душа несправедно убиенного вселяется в другого человека, чаще всего в убийцу, чтобы покарать его, или же в любого постороннего, чтобы его устами пожаловаться на перенесенную обиду и добиться наказания обидчика по закону. Мы не станем подробно перечислять все варианты этого сюжета в произведениях китайских авторов, упомянем лишь несколько. Так, в повести минского писателя Фэн Мэнлуна (1574–1646) «Трижды ожив-

¹¹ См.: *Hegel R. E. True Crimes in Eighteenth-century China. Twenty Case Histories.* P. 227.

¹² См.: *Ibid.* P. 237.

ший Сунь» душа писаря, убитого своей женой, вселяется в служанку, чтобы попросить о помощи знаменитого судью Бао¹³. В сборнике цинского автора Цзи Юнь «Записки из хижины Великое в малом» это удивительное явление описывается и обсуждается на теоретическом уровне, здесь дух покойника «ищет себе замену», т. е. вселяется в тела других людей и подталкивает их к самоубийству, или же, будучи убитым, человек превращается в злого духа и бесчинствует до тех пор, пока его убийцу не разоблачают и не казнят, и тогда лишь успокаивается¹⁴. В романе Ши Юй-куня «Трое храбрых, пятеро справедливых» дух убитой женщины вселяется в мужчину, а дух убитого мужчины – в женщину, в надежде, что странное поведение одержимых привлечет внимание мудрого судьи, который и отомстит за их безвременную смерть¹⁵. Аналогично ведет себя и дух инспектора Ли Ючана в этом рапорте: он вселяется в тело старого друга, вероятно, получив такую возможность, поскольку друг уже был тайно болен, его жизненная энергия истощилась, и он был особенно близок к миру мертвых. Устами Цзин Чунфу он сообщает живым людям важную информацию: во-первых, про место и обстоятельства своей гибели, а во-вторых, о том, что посмертно он назначен богом города, и, следовательно, ему надо приносить жертвы и обращаться к нему с молитвами. Но после обнаружения истины и наказания виновных Ли Ючан более уже не вселяется в чужие тела и не взаимодействует с оставшимися в живых друзьями и родней, потому что несправедливость по отношению к нему уже исправлена.

Важно, что не только дядя убитого, но и даже генерал-губернатор провинции считают странное происшествие с Цзин Чунфу достаточно достоверным, а главное – достаточно характерным признаком совершенного втайне преступления и включают его в свои рапорты. Предполагая, что никто в данном случае откровенно не лжет, мы можем лишь догадываться, каким образом скорпостижная смерть одного друга оказалась совмещена в сознании окружающих с загадочной гибелью другого, как рассказ жены Цзина о последних минутах его жизни приобрел в изложении Ли Тайцина привычные черты уже знакомого всем по беллетристике сюжета о возвращении убитого с того света для обличения убийцы. Но, как бы конкретно это ни происходило, какие бы психологические механизмы ни были задействованы, под чьим пером ни переосмысливалась бы реальность, значимо то, что результатом стала беллетризация подлинного происшествия. И более того – сама литературная формула, очевидно, вошла в жизнь и сознание людей настолько прочно, что стала фактически незаметной для них са-

¹³ См.: Фэн Мэнлун. Трижды оживший Сунь // Прodelки Праздного Дракона : двадцать пять повестей XVI–XVII вв. М., 1989. С. 61–80.

¹⁴ См.: Цзи Юнь. Записки из хижины «Великое в малом». М., 1974. С. 342, 361.

¹⁵ См.: Ши Юй-кунь. Трое храбрых, пятеро справедливых. М., 1974. С. 15.

мих, ведь ни авторы, ни адресаты данных судебных рапортов не выражают ни малейшего сомнения в том, что столь литературные отчеты могут быть правдивы, а не порождены излишней начитанностью или воображением.

Итак, на материале всего одного судебного дела мы проследили, как в сознании китайцев начала XIX в. преломлялись социальные и межличностные конфликты, кого мораль и закон считали виновниками преступления, как мыслилось справедливое наказание за вину и заслуженное смертное воздаяние за добродетель.

Библиографический список

Саракаева А. А. Рука закона и тело семейного коллектива. Семья, страх и суд в цинском Китае / А. А. Саракаева // *Corpus Mundi*. – 2021. – № 2. – С. 84–119.

Фэн Мэнлун. Трижды оживший Сунь / Фэн Мэнлун // *Проделки Праздного Дракона* : двадцать пять повестей XVI–XVII вв. – М. : Художественная литература, 1989. – С. 61–80.

Цзи Юнь. Записки из хижины «Великое в малом» / Цзи Юнь. – М. : Наука, 1974. – 594 с.

Ши Юй-кунь. Трое храбрых, пятеро справедливых / Ши Юй-кунь. – М. : Художественная литература, 1974. – 141 с.

Elliot M. Emperor Qianlong. Son of Heaven, Man of the World / M. Elliot. – N.Y. : Longman, 2009. – 192 p.

Hegel R. E. The Art of Persuasion in Literature and Law / R. E. Hegel // *Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment* / R. E. Hegel & K. Carlitz. – Seattle & London : University of Washington Press, 2007. – Pp. 81–106.

Hegel R. E. True Crimes in Eighteenth-century China. Twenty Case Histories / R. E. Hegel. – Seattle & London : University of Washington Press, 2009.

Park N. E. Corruption in Eighteenth-century China / N. E. Park // *The Journal of Asian Studies*. – 1997. – 56, № 4. – Pp. 967–1005.

Youd D. M. Beyond Bao. Moral Ambiguity and the Law in Late Imperial Chinese Narrative Literature / D. M. Youd // *Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment* / R. E. Hegel & K. Carlitz. – Seattle & London : University of Washington Press, 2007. – Pp. 215–233.

Zhang T. Kinship Hierarchies and Property Institutions in Late Qing and Republican China / T. Zhang // *Chen L. & Zelin M. Chinese Law. Knowledge, Practice, and Transformation* / L. Chen & M. Zelin. – N.Y. : Brill, 2011. – Pp. 47–83.

References

Sarakaeva A. A. The Hand and the Body of Family Collective. The family, Fear and Trial in Qing China / A. A. Sarakaeva // *Corpus Mundi*. – 2021. – № 2. – Pp. 84–119. (In Rus)

Feng Menglong. Thrice revived Sun / Feng Menglong // *The Tricks of the Idle Dragon. Twenty-five Narratives from the 16th and 17th Centuries*. – Moscow : Hudozhestvennaya literatura, 1989. – Pp. 61–80. (In Rus)

Ji Yun. Tales of the Thatched Cottage / Ji Yun. – Moscow : Nauka, 1974. – 594 p. (In Rus)

Shi Yu-Kun. Three Heroes and five gallants / Shi Yu-Kun. – Moscow : Hudozhestvennaya literatura, 1974. – 141 p. (In Rus)

Elliot M. Emperor Qianlong. Son of Heaven, Man of the World / M. Elliot. – N.Y. : Longman, 2009. – 192 p.

Hegel R. E. The Art of Persuasion in Literature and Law / R. E. Hegel // Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment / R. E. Hegel & K. Carlitz. – Seattle & London : University of Washington Press, 2007. – Pp. 81–106.

Hegel R. E. True Crimes in Eighteenth-century China. Twenty Case Histories / R. E. Hegel. – Seattle & London : University of Washington Press, 2009.

Park N. E. Corruption in Eighteenth-century China / N. E. Park // The Journal of Asian Studies. – 1997. – 56, № 4. – Pp. 967–1005.

Youd D. M. Beyond Bao. Moral Ambiguity and the Law in Late Imperial Chinese Narrative Literature / D. M. Youd // Writing and Law in Late Imperial China. Crime, Conflict, and Judgment / R. E. Hegel & K. Carlitz. – Seattle & London : University of Washington Press, 2007. – Pp. 215–233.

Zhang T. Kinship Hierarchies and Property Institutions in Late Qing and Republican China / T. Zhang // *Chen L. & Zelin M.* Chinese Law. Knowledge, Practice, and Transformation / L. Chen & M. Zelin. – N.Y. : Brill, 2011. – Pp. 47–83.

Для цитирования:

Саракаева А. А. Убийство неподкупного инспектора. Нравственное сознание и правоприменительная практика в цинском Китае // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 46–58.

Recommended citation:

Sarakaeva A. A. The murder of an incorruptible inspector. On moral consciousness and legal practice in the Qing China // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2022. № 1. Pp. 46–58.

Сведения об авторе

Саракаева Ася Алиевна – доцент кафедры русского языка института иностранных языков Хайнаньского университета (Китайская Народная Республика, г. Хайкоу), кандидат исторических наук

E-mail: 1977487837@qq.com

Information about author

Sarakaeva Asya Aliyevna – Associate Professor of the Department of Russian Language of the School of Foreign Languages of Hainan University (People's Republic of China, Haikou), Candidate of History Studies

E-mail: 1977487837@qq.com

**ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ПРАВА
ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ, СОБРАННЫЕ
И ИЗДАННЫЕ Н. И. ВТОРОВЫМ
И К. О. АЛЕКСАНДРОВЫМ-ДОЛЬНИКОМ**

Е. В. Сазонникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 июня 2022 г.

Аннотация: статья посвящена вкладу Н. И. Второва и К. О. Александрова-Дольника в изучение и публикацию памятников права Воронежской губернии. Приведен пример царской грамоты XVII в. как источника русского права. Приведены некоторые юридические термины из старинных правовых актов.

Ключевые слова: Н. И. Второв, К. О. Александров-Дольник, Воронежская губерния, грамоты, источники права.

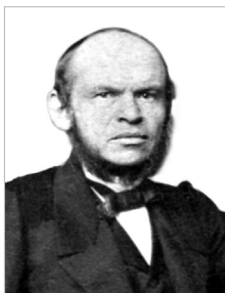
**WRITTEN MONUMENTS OF LAW OF VORONEZH
PROVINCE, COLLECTED AND PUBLISHED
BY N. I. VTOROV AND K. O. ALEKSANDROV-DOLNIK**

E. V. Sazonnikova

Voronezh State University

Abstract: the publication is dedicated to the contribution of N. I. Vtorov and K. O. Aleksandrov-Dolnik in the study and publication of monuments of law of the Voronezh province. An example of a royal charter of the 17th century is given as a source of Russian law. Some legal terms from the old legal acts are shown.

Key words: N. I. Vtorov, K. O. Aleksandrov-Dolnik, Voronezh province, certificates, sources of law.

Второв Николай Иванович (1818, Самара – 1865, Санкт-Петербург) – русский краевед, историк, этнограф, мемуарист, член Русского географического общества. С 1847 г. служил в Воронеже советником губернского правления. В 1853 г. был избран действительным членом губернского статистического комитета. С 1857 г. – в Санкт-Петербурге, служил вице-директором хозяйственного департамента Министерства внутренних дел, действительный статский советник (с 1861).

Источник изображения: VtorovNikolayIvanovich-2p - Второв, Николай Иванович – Википедия (wikipedia.org)

Александров-Дольник Константин Осипович (Казань, 1815–1899) – русский филолог, языковед, литературовед, краевед, член Русского географического общества, Воронежского губернского статистического комитета (с 1853), товарищ председателя Воронежской палаты гражданского суда (1848–1854), обер-секретарь департамента Сената (Москва, 1854).

Источник изображения: <http://mosjour.ru/2018099466>

Изучение правовых памятников в краеведческом ключе представляет собой одно из важнейших образовательных и научных направлений современного правоведения. В развитии краеведческого знания о правовых памятниках Воронежского края колоссальна заслуга Николая Ивановича Второва и Константина Осиповича Александрова-Дольника¹, судьбы которых пересекались с молодых лет: выпускники словесного отделения философского факультета Императорского Казанского университета, служившие затем в Санкт-Петербурге, оказавшиеся по воле судьбы в середине XIX в. в Воронеже, они к тому же еще и породнились: Н. И. Второв был женат на племяннице К. О. Александрова-Дольника.

¹ Сведения о Второве Н. И., Александрове-Дольнике К. О. и Средине В. А. приводятся по следующим источникам: *Акинъшин А. Н.* Исследователь земли Воронежской. Об историке, этнографе, статистике Николае Ивановиче Второве (1818–1865) // Московский журнал. 2018. № 9. С. 2–11. URL: <http://mosjour.ru/2018099466> (дата обращения: 14.12.2021); *Его же.* Второв Николай Иванович // Воронежская историко-культурная энциклопедия. ВИКЭ. Персоналии / гл. ред. О. Г. Ласунский. Воронеж, 2006. С. 85–86; *Его же.* Александров-Дольник Константин Осипович // Воронежская историко-культурная энциклопедия. ВИКЭ. Персоналии. С. 13; *Его же.* Средин Валентин Андреевич // Воронежская историко-культурная энциклопедия. ВИКЭ. Персоналии. С. 399–400; Губернское правление // Сайт МБУ «ГИЦ Воронежа». URL: <https://visit-voronezh.ru/guide/chto-posetit/monuments/gubernskoe-pravlenie.html> (дата обращения: 14.12.2021); *Загоровский В. П.* Воронежская историческая энциклопедия. Воронеж, 1992. С. 8; *Аббасов А. М.* Воронежская старина и ее исследователи. Воронеж, 2001. С. 15–16.

Н. И. Второв в 1849 г. переехал в Воронеж по семейным обстоятельствам (из-за смерти детей) и поступил на службу советником губернского правления. В 1853 г. был избран действительным членом губернского статистического комитета. К моменту переезда Н. И. Второва в Воронеж К. О. Александров-Дольник уже служил в Воронеже товарищем председателя Воронежской палаты гражданского суда (в 1848–1854 гг.).

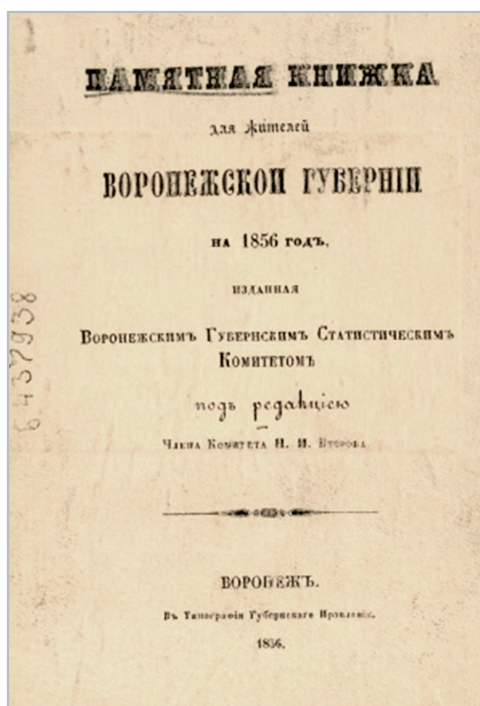
В Воронеже вокруг Н. И. Второва и К. О. Александрова-Дольника сгруппировался литературный и общественный кружок интеллигенции (так называемый «второвский кружок»), сыгравший большую роль в развитии культурной жизни Воронежского края. В него входил, например, поэт И. С. Никитин. Кружок объединял единомышленников по изучению истории Воронежского края, сотрудничеству в «Воронежских губернских ведомостях» и в губернском статистическом комитете.

По инициативе Н. И. Второва и К. О. Александрова-Дольника губернский статистический комитет стал издавать «Памятные книжки» – справочники по всем областям жизни города и губернии. Вышедшая в 1856 г. первая «Памятная книжка для жителей Воронежской губернии на 1856 г.» стала образцом для таких ежегодников в других губерниях.

В Воронеже Н. И. Второв и К. О. Александров-Дольник проделали огромную работу по разбору, изучению и публикации обнаруженных ими в подвалах губернского правления в 1849 г. архивных документов XVII – начала XVIII в. по истории Воронежской и соседних губерний.

Краеведам помогал редактор неофициальной части «Воронежских губернских ведомостей» Валентин Андреевич Средин.

В 1850–1853 гг. К. О. Александров-Дольник и Н. И. Второв издали три сборника документов тиражом 300 экземпляров под названием «Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и части Азова» (они же позже получили образные названия «Воронежские акты», «второвские акты», «второвские ко-

Титульный лист Памятной книжки для жителей Воронежской губернии на 1856 г. под редакцией Н. И. Второва.

Источник: <https://elilib.rgo.ru/handle/123456789/217656>

роба», «второвское собрание»), представляющие богатый материал для изучения истории Воронежского края, его административного устройства, экономики. При отъезде из Воронежа в Санкт-Петербург в 1857 г. Н. И. Второв передал древние акты на хранение в губернский статистический комитет.

В статье видного воронежского краеведа А. Н. Акинъшина приводится отрывок из воспоминаний К. О. Александрова-Дольника о том, как были обнаружены древние воронежские документы:

«[Мы] обратили внимание на архивы, рассмотрели кое-какие старинные бумаги, но ничего особенно интересного в них не находили. В одно прекрасное утро посланный для ревизии думы и полиции чиновник особых поручений министра внутренних дел граф Дмитрий Николаевич Толстой сидел у нас; мы слушали его интересные рассказы о прибалтийских делах. В это время является к нам седенький старичок, тридцать лет уже служивший архивариусом в губернском правлении, с известием, что под архивным помещением есть комната со сводами, в которой с незапамятных времен стоят три больших сундука, заколоченных гвоздями, и что в сундуках этих хранятся, как он слышал, старинные, очень старинные бумаги. Это известие так заинтересовало нас, что мы положили тотчас же отправиться все вместе в этот подвал и посмотреть, что заключается в этих таинственных сундуках. Вскрытие их мы решились принять на нашу ответственность. Сундуки оказались наполненными сверху донизу разного рода и разных времен бумагами, по большей части свитками петровских и допетровских времен»².

Благодаря воспоминаниям К. О. Александрова-Дольника современному читателю стало известно, что о «старинных бумагах» в «больших сундуках» рассказал «седенький старичок, тридцать лет уже служивший архивариусом в губернском правлении»; ни имени, ни изображения этого человека не сохранилось, только одно его описание, из которого явствует преданность своей службе архивному делу, а также большое его доверие к Н. И. Второву и К. О. Александрову-Дольнику как к высокодуховным профессионалам, которые не навредят старинным бумагам.

Как видно из обсуждений на современных форумах историков в сети Интернет, ещё 10–15 лет назад тексты древних воронежских актов не были доступны широкому кругу читателей, не были оцифрованы. Сегодня такая возможность появилась. Так, в сети Интернет на сайте библиотеки Русского географического общества можно ознакомиться со 2-й книгой из трех, опубликованных К. О. Александровым-Дольником и Н. И. Второвым³. Не-

² Акинъшин А. Н. Исследователь земли Воронежской. Об историке, этнографе, статистике Николае Ивановиче Второве (1818–865).

³ Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и части Азова. [Электронный ресурс] / собраны и изданы К. Александровым-Дольником и Н. Второвым. Воронеж, 1852 (2015). Кн. 2. XI, 202, 99, VIII с., 1 л. карт. Книга

которые фрагменты страниц этой книги представлены в данной публикации. Что касается самих древних свитков, то они хранятся в Государственном архиве Воронежской области в фонде Воронежской приказной избы.

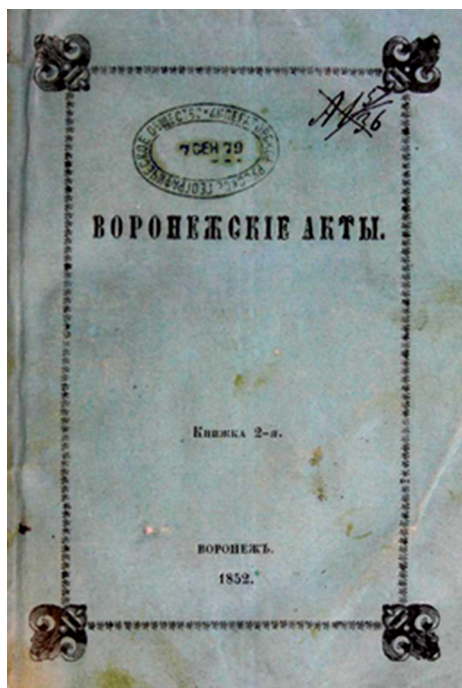
Н. И. Второв и К. О. Александров-Дольник познакомили современников и потомков с древнейшими актами Воронежской губернии (до 1725 г. имевшей название Азовской губернии; территория которой еще ранее, до 1708 г., входила в Белгородский столбовой разряд, образованный в 1658 г.).

Значительную часть 2-й книги составляют грамоты. Открывают книгу грамоты Михаила Фёдоровича (1596, Москва – 1645, Москва) – первого русского царя из династии Романовых, правившего с 1613 по 1645 г. Также в ней собраны грамоты царя Алексея Михайловича, царевича Алексея Алексеевича, царя Петра Алексеевича. Помимо грамот в книге опубликованы еще и такие документы, как памяти, отписки и прочие деловые бумаги. В книге напечатан план Воронежа с подробными пояснениями.

*Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся
Воронежской губернии и части Азова / собраны и изданы*

К. Александровым-Дольником и Н. Второвым. – Воронеж, 1852. – Кн. 2.

Источник: <https://elib.rgo.ru/handle/123456789/217656>

Обложка

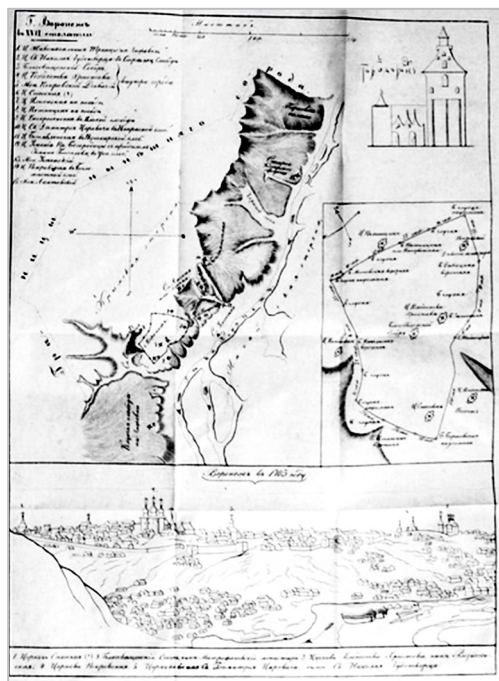
Фрагмент авантитула

размещена на сайте библиотеки Русского географического общества (<https://elib.rgo.ru/handle/123456789/217656>).

Титульный лист

План Воронежа XVII в. и вид его в 1703 г.

Грамота от Царя Михаила Федоровича в адрес Воронежских воевод
Ивана Волинского и Семена Усова 7133 г. (1625 г.)
Источник: <https://elibrary.ru/handle/123456789/217656>

Грамота Царя Михаила Феодоровича о наказаніи воронежцовъ Масалитина и Проскурнина за проъздъ заставы.

Отъ Царя і Великого Князя Михаила Федоровича всеа Русіи, на Вороначъ, Воеводамъ Нашимъ Ивану Васильевичю Волинскому да Семену Васильевичю Усову. Июля въ 15 день писали къ Намъ с Волуіки Околничей Нашъ Князь Григорей Волковской да Діакъ Тимоѣѣ Агѣевъ, что ѣхали з Дону воронажцы Степанко Масалитинъ, Устинко Проскурнинъ с товарищи одиннатцать человекъ, а станичники-де, которые ѣхали на Волуіку отъ Святыхъ Горъ, Ряшенинъ Микиѡорко Кузмищевъ с товарищи, тѣмъ воронажцомъ говорили, чтобъ

они по Нашему указу Волуіскихъ заставъ не проѣзжали, а стоялибъ за заставою до Нашего указу; і воронажцы Степанко Масалитинъ да Устинко Проскуринъ с товарищи Нашего указу не послушали, заставу проѣхали. И какъ к вамъ ся Наша грамота придетъ, і выбъ воронажцовъ Степанка Масалитина да Устинка Проскурнина с товарищи, сыскавъ, за то ихъ воровство, что они заставу

проѣхали, велѣли передъ собою, разболокши, битъ батогі нещадно, а бивъ батогі, выслалибъ есте ихъ за заставу і велѣли имъ быть за заставою до Нашего указу, чтобъ на то смотря инымъ не повадно было такъ воровать, заставы проѣзжать: да о томъ к Намъ отписали. Писанъ на Москвѣ лѣта 7133 (1625) июля въ 16 день.

Надпись: На Воронажъ, воеводамъ Нашимъ Ивану Васильевичю Волынскому да Семену Васильевичю Усову.

Помѣта: 133-го, июля въ 28 день, привезъ грамоту Илья Беляевъ.

О названии Воронеж в грамотах XVII в.

Воронежъ (1625) 2. (1699) 66.; въ большей части грамотъ изъ Розряда: Воронажъ (1625) 1. (1652) 133.; иногда Вороножъ (1625) 16. (1655) 140; также Воронежъ (1645) 72., Воронажъ (1625) 5., Вороняжъ (1625) 128., Вороньжъ (1655) 137 и Вороньшъ (1655) 135; Польскій городъ (1625) 28.; Городъ Бѣлогородскаго присуду, доставлявшій Бѣгородскому Воеводѣ годовыя смѣты людямъ, наряду, запасамъ, городовымъ и острожнымъ крѣпостямъ и пр. (1669) 91.

Положеніе г. Воронежа на Дону на р. Воронежѣ, недоѣзжая Богатаго Затона два днища; построение г. Воронежа вѣстѣ съ г. Ливнами въ 1586 году; цѣль построения спехъ городовъ: и каковы будутъ вѣсти на Ливнахъ про приходъ воинскихъ людей на Государевы украины, и съ Ливенъ посылати съ вѣстями на Воронежъ, а съ Воронежа потому жъ на Ливны съ вѣстями посылати (1586) 156.

Устаревшая юридическая лексика

ВЫТЬ—1) участокъ, доля. „А раздѣлять бы...то помѣстье... *новытно*, почетвертямъ.“ 174. 2) Денежное взысканіе за преступленіе. „Да на нихъ же (преступлякахъ) по *выти* на челоуѣка и съ *выти* пошлыны. 199.

МОЛКА—оговоръ, обвиненіе. „И тыбъ тѣхъ оговорныхъ людей по язычной *молкѣ* ималъ.“ 88.

ПРАВЕЖЬ—взысканіе денегъ или долга съ истязаніемъ. „За разоренные дворы тѣхъ денегъ править и ихъ и крестьянъ ихъ тѣмъ *правежемъ* разорить не велѣтъ.“ 145.

ПРАВИТИ—взыскивать. „И протаможья на нихъ велѣлъ *правити*.“ 47.

*РОЗВРОЩЕНІЕ—вредъ, нарушеніе. „Чтобъ отъ того мирному состоянію *розвощенія* не учинить.“ 63.

*ШЕРТОВАНЬЕ—приводъ къ присягѣ. „Допрашивалъ съ *шертованьемъ*.“ 61.

ЯВКА—пошлина, платившаяся при явкѣ товаровъ въ таможи и съ питій на кабакъ. „И съ питья *явку* платили.“ 46.

ЯЗЫЧНЫЙ—относящійся къ языку, т. е. къ лицу, дающему показаніе предъ судомъ. „И тыбъ тѣхъ оговорныхъ людей по *язычной молкѣ* ималъ.“ 88.

ЗАПОВѢДЬ—пена за варушеніе закона. „А что на комъ протаможья и *заповѣди* возмешь.“ 47. „И на тѣхъ людѣхъ (корчемникахъ) *заповѣди* велѣно имати по Нашему указу.“ 39.

ПОРУЧИКЪ—поручитель. „На *поручикахъ* ево доправить выть.“ 199.

ПРОТАМОЖЬЕ—пена, или штрафъ, за неявку и продажу товаровъ, неочищенныхъ пошлиною. „А которые люди учнутъ... торговать, или мимо...съ товары...пробзжати безношлинно,...пошлины и *протаможья* на нихъ правити.“ 47.

СОШНОЕ ПИСЬМО—межевая книга, содержащая въ себѣ исчисленіе земли по сохамъ. „Да съ

*СТАТЬЕ—вѣроятно явка къ суду, отъ гл. статья на судъ. „И Богдашка Тарасенка...воевода пзъ тюрьмы далъ на поруку въ *статьѣ*.“ 86.

СТОРОНЫ—посторонніе, чужіе люди. „И въ сборъ голову и цѣловальниковъ отъ *сторонъ* обегалъ.“ 46.

Исследования древних воронежских актов после отъезда из Воронежа Н. И. Второва и К. О. Александрова-Дольника в Воронеже продолжились усилиями других видных воронежцев.

Вейнберг Леонид Борисович (1849, Вильно – 1901, Санкт-Петербург). Источник: Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary B82 21-3 – Вейнберг, Леонид Борисович – Википедия (wikipedia.org)

Л. Б. Вейнберг (с 1884 по 1891 г.) – секретарь Воронежского губернского статистического комитета, один из ведущих исследователей Воронежского края, опасаясь гибели ветхих свитков старых воронежских актов, начал печатать документы в воронежской прессе тех лет. Оттиски объединялись в книжечки под названием «Материалы по истории Воронежской и соседних губерний» (16 выпусков, 1885–1890). Пересмотрев выпуски и отобрав из них 170 наиболее интересных текстов, Л. Б. Вейнберг объединил их в книгу под заголовком «Воронежские акты» (1887). В 1891 г. появился второй том «Материалов», содержащий документы московского архива⁴.

* * *

В 1851 г. Общество истории и древностей российских при Императорском Московском университете, «отдавая г. Второву должную справедливость его занятиям по изданию древних юридических актов, признало его своим членом-соревнователем». В 1852 г. Н. И. Второву, К. О. Александрову-Дольнику и В. А. Средину за проделанную работу объявил признательность министр внутренних дел граф Л. А. Перовский⁵.

С именами Н. И. Второва, К. О. Александрова-Дольника навсегда связана величайшая заслуга сохранения правового наследия Воронежской губернии как части историко-культурного наследия. Но нельзя забывать и о многих других людях, чьи имена не дошли до наших дней, но которые также своим деятельным участием на протяжении двух веков собирали и сохранили эти старинные документы до тех дней, когда они наконец-то попали в руки по призванию выдающихся историков-краеведов, а по долгу службы – государственных служащих – Н. И. Второва и К. О. Александрова-Дольника. Нельзя забывать о тех людях, которые участвовали в дальнейших работах по разбору и новым публикациям старинных воронежских актов, в популяризации воронежских

⁴ См.: Алленова В. А. Судьба «второвских коробов» в контексте архивного строительства в г. Воронеже // Воронежский вестник архивиста. Воронеж, 2004. Вып. 1. С. 133–150.

⁵ См.: Акинъшин А. Н. Исследователь земли Воронежской. Об историке, этнографе, статистике Николае Ивановиче Второве (1818–1865). С. 11.

древних актов и имен их исследователей. Дело нас, людей, живущих сегодня, сохранять память об этих выдающихся гражданах и об их вкладе в юридическую историю Воронежского края, передавать эти знания будущим поколениям.

Библиографический список

Аббасов А. М. Воронежская старина и ее исследователи / А. М. Аббасов. – Воронеж, 2001. – 119 с.

Акинъшин А. Н. Александров-Дольник Константин Осипович / А. Н. Акинъшин // Воронежская историко-культурная энциклопедия. ВИКЭ. Персоналии / гл. ред. О. Г. Ласунский. – Воронеж : Центр духовного возрождения Черноземного края, 2006. – 518 с.

Акинъшин А. Н. Второв Николай Иванович / А. Н. Акинъшин // Воронежская историко-культурная энциклопедия. ВИКЭ. Персоналии / гл. ред. О. Н. Ласунский. – Воронеж, 2006. – 518 с.

Акинъшин А. Н. Исследователь земли Воронежской. Об историке, этнографе, статистике Николае Ивановиче Второве (1818–1865) / А. Н. Акинъшин // Московский журнал. – 2018. – № 9. – С. 2–11. – URL: <http://mosjour.ru/2018099466> (дата обращения: 14.12.2021 г.).

Акинъшин А. Н. Средин Валентин Андреевич / А. Н. Акинъшин // Воронежская историко-культурная энциклопедия. ВИКЭ. Персоналии / гл. ред. О. Г. Ласунский. – Воронеж, 2006. – С. 399–400.

Алленова В. А. Судьба «второвских коробов» в контексте архивного строительства в г. Воронеже / В. А. Алленова // Воронежский вестник архивиста. – 2004. – Вып. 1. – С. 133–150.

Губернское правление // Сайт МБУ «ТИЦ Воронежа». – URL: <https://visitvoronezh.ru/guide/chto-posetit/monuments/gubernskoe-pravlenie.html> (дата обращения: 14.12.2021 г.).

Загоровский В. П. Воронежская историческая энциклопедия / В. П. Загоровский. – Воронеж : Истоки, 1992. – 251 с.

References

Abbasov A. M. Voronezh Antiquity and Its Researchers / A. M. Abbasov. – Voronezh, 2001. – 119 p. (In Rus)

Akinshin A. N. Aleksandrov-Dolnik Konstantin Osipovich / A. N. Akinshin // Voronezh Historical and Cultural Encyclopedia. VHCE. Personalities / chief editor O. G. Lasunskii. – Voronezh : Tzentr Duhovnogo Vozrozhdenia Chernozemnogo Kraya, 2006. – 518 p.

Akinshin A. N. Vtorov Nikolai Ivanovich / A. N. Akinshin // Voronezh Historical and Cultural Encyclopedia. VHCE. Personalities / chief editor O. G. Lasunskii. – Voronezh : Tzentr Duhovnogo Vozrozhdenia Chernozemnogo Kraya, 2006. – 518 p.

Akinshin A. N. The Researcher of Voronezh Land. About the Historian, Ethnographer, statistician Nikolai Ivanovich Vtorov (1818–1865) / A. N. Akinshin // Moscow Journal. – 2018. – № 9. – Pp. 2–11. – URL: <http://mosjour.ru/2018099466> (Date of access: 14.12.2021).

Akinshin A. N. Sreдин Valentin Andreyevich / A. N. Akinshin // Средин Валентин Андреевич // Voronezh Historical and Cultural Encyclopedia. VHCE. Personalities /

chief editor O. G. Lasunskii. – Voronezh : Tzentr Duhovnogo Vozrozhdenia Chernozemnogo Kraya, 2006. – 518 p.

Allenova V. A. The Destiny of “vtorov boxes” in the Context of the Archive Construction in Voronezh City / V. A. Allenova // Voronezh Proceedings of an Archivist. – 2004. – Issue 1. – Pp. 133–150.

Provincial Government // Site of Municipal Budget Institution “Voronezh Touristic and Informational Centre”. – URL: <https://visit-voronezh.ru/guide/chto-posetit/monuments/gubernskoe-pravlenie.html> (Date of access: 14.12.2021).

Zagorovskii V. P. Voronezh Historical Encyclopedia / V. P. Zagorovskii. – Voronezh : Istoki, 1992. – 251 p.

Для цитирования:

Сазонникова Е. В. Письменные памятники права Воронежской губернии, собранные и изданные Н. И. Второвым и К. О. Александровым-Дольником // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 59–69.

Recommended citation:

Sazonnikova Y. V. Written monuments of law of Voronezh province, collected and published by N. I. Vtorov and K. O. Aleksandrov-Dolnik // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2022. № 1. Pp. 59–69.

Сведения об авторе

Сазонникова Елена Викторовна – профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, доцент

E-mail: sazon75@mail.ru

Information about author

Sazonnikova Yelena Viktorovna – Full Professor of the Chamber of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Doctor of Law, Docent

E-mail: sazon75@mail.ru

ЮРИДИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ПРАВОВОГО МАТЕРИАЛА В ИЛЛЮМИНИРОВАННЫХ РУКОПИСЯХ САКСОНСКОГО ЗЕРЦАЛА

А. И. Федюшкина

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского*

Поступила в редакцию: 27 июня 2022 г.

Аннотация: в настоящей статье автором анализируются особенности изложения нормативного материала в группе иллюминированных рукописей Саксонского зеркала, относящихся к первой половине XIV в. Выделяются юридико-технические особенности построения иллюминированных рукописей, в частности, отмечается дублирование текста в миниатюрах на полях рукописи, наличие особой знаковой системы представления юридической терминологии, системы навигации по тексту правового памятника. Автор делает вывод, что миниатюры в манускриптах Саксонского зеркала выполняют не только декоративные функции, но должны рассматриваться как отдельный способ изложения нормативного материала.

Ключевые слова: обычное право, Саксонское зеркало, иллюминированные рукописи, Средние века, право Западной Европы.

FEATURES OF THE CONSTRUCTION OF LEGAL NORMS IN THE ILLUMINATED MANUSCRIPTS OF THE SACHSENSPIEGEL (SAXON MIRROR)

A. I. Fedyushkina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract: the article is devoted to the main features of presentation of normative material in the group of illuminated manuscripts of the Sachsenspiegel, dating back to the first half of the 14th century. The author highlights legal and technical features of the construction of illuminated manuscript, in particular, author notes a duplication of text in miniatures in the margins of the manuscript, the presence of a special sign system for representing legal terminology, and the presence of a navigation system for the text of a legal manuscript. The author concludes that the miniatures in

the manuscripts of the *Sachsenspiegel* have not only decorative functions, but should be considered as a separate way of presenting of legal norms.

Key words: customary law, *Sachsenspiegel* (Saxon Mirror), illuminated manuscripts, Middle Ages, Western European law.

Современным историкам права, исследующим правовую традицию Западной Европы, доступны оцифрованные рукописи многих нормативно-правовых актов и сборников норм обычного права, хранящиеся в библиотеках и университетах по всему миру. При этом среди множества рукописных книг периода Высокого и Позднего Средневековья особое место занимают иллюминированные рукописи правовых памятников, в которых текст сопровождается красочными миниатюрами, в той или иной степени дублирующими, а иногда и дополняющими нормативное содержание источника.

Иллюминированными в традиции исследования западноевропейских манускриптов называют рукописи, снабженные декоративными элементами, миниатюрами, инициалами. Сам термин «иллюминирование» происходит от латинского «*illumino*» (освещать, подсвечивать) и отражает богатое и сложное оформление манускрипта. Как правило, при изготовлении таких рукописей использовалось сусальное золото, а также различные минеральные и растительные красители (индиго, медь, цинк, киноварь, охра и др.). Современные исследователи, благодаря усилиям по оцифровке рукописных фондов¹, могут удаленно изучать украшенные богатыми миниатюрами рукописи многих источников европейского средневекового права, что открывает перспективы для новых исследований широко известных правовых памятников.

Массовое распространение рукописных книг светского содержания в средневековой Европе приходится на XII–XIV вв. и связано, в первую очередь, с формированием коммерческих ремесленных центров изготовления книг. В этот период монастыри утрачивают свою монополию на производство рукописей, активно развиваются коммерческие городские скриптории, особенно в крупных европейских городах с сильными университетами². В сфере изготовления и оформления рукописей очень рано происходит «разделение труда» и специализация мастеров. Если на ранних этапах развития книжной традиции перепиской текста и оформлением манускрипта мог заниматься один и тот же монах, то постепен-

¹ Так, большой массив рукописных источников был оцифрован в рамках проекта *Euroreana*, стартовавшего в 2008 г. Существуют также национальные проекты по оцифровке книг, манускриптов и других материальных источников (электронная библиотека Национальной библиотеки Франции «Галлика», цифровая библиотека Мюнхенского центра оцифровки (MDZ) и др.).

² *Christopher de Hamel*. *The British Library Guide to Manuscript Illumination History and Techniques*. Toronto, 2001. P. 45.

но отдельно обособляются роли линейщиков, разлиновывавших пергамен, переплетчиков, художников-иллюминаторов, «подсвечивавших» рукопись позолотой, орнаменталистов, оформлявших бордюры и рамки, рубрикаторов, работавших над инициалами, и др.⁵

В Высокое Средневековье перепись и изготовление манускриптов становятся важным источником дохода городских ремесленников. И именно к «ремесленному» периоду относится большинство иллюминированных рукописей правовых памятников. Особый интерес среди них представляет группа рукописей Саксонского зеркала, датируемых первой половиной XIV в.⁴: Гейдельбергская рукопись⁵ (1300/1315), Ольденбургская рукопись⁶ (1336), Дрезденская рукопись⁷ (1350), Вольфенбюттельская рукопись⁸ (1348, 1361/1371). Указанные четыре рукописи широко известны зарубежным исследователям, имеют хорошую сохранность и, вероятнее всего, являются списками с утраченного ныне протографа, датируемого 1292/1295 гг.⁹, о чем свидетельствует повторяемость форм и сюжетов миниатюр на полях всех четырех рукописей.

В структуре каждой из исследуемых рукописей можно выделить две части: текстовую, которая занимает правую часть каждой из страниц и воспроизводит нормы обычного саксонского права, и визуальную, в которой расположены красочные миниатюры. При этом доля страницы, отведенная для миниатюры, равна пространству, отведенному для текста (рис. 1). Такая группировка материала не позволяет воспринимать мини-

⁵ Киселева Л. И. Письмо и книга в Западной Европе в Средние века (лекции по латинской палеографии и кодикологии). СПб., 2003. С. 197–198; Куц Т. В. Книжная культура западноевропейского Средневековья : учеб. пособие. Екатеринбург, 2019. С. 100.

⁴ Датировка рукописей приводится по: Келлер О. Б. Сфера действия «Саксонского» и «Швабского зерцал» в центральной и восточной Европе // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. 2015. № 1. С. 28–29. Иные источники могут содержать другие сведения, вопрос датировки указанных рукописей Саксонского зеркала не имеет однозначного решения и по-прежнему исследуется учеными.

⁵ Eike <von Repgow>. Heidelberger Sachsenspiegel. Ostmitteldeutschland, Anfang 14. Jh. Universitätsbibliothek Heidelberg. [Электронный ресурс]. URL: <https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/cpg164> (дата обращения: 20.06.2022 г.).

⁶ Eike <von Repgow>. Sachsenspiegel. Oldenburg : Landesbibliothek Oldenburg, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.lb-oldenburg.de/urn:urn:nbn:de:gbv:45:1-3571> (дата обращения: 20.06.2022 г.).

⁷ Eike <von Repgow>. Die Dresdner Bilderhandschrift des Sachsenspiegels. SLUB Dresden. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.slub-dresden.de/werkansicht/dlf/6439/9> (дата обращения: 20.06.2022 г.).

⁸ Eike <von Repgow>. Der Sachsenspiegel und das sächsische Lehnrecht. Wolfenbüttel. Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sachsenspiegel-online.de/cms/> (дата обращения: 20.06.2022 г.).

⁹ Hüpper D. Funktionstypen der Bilder in den Codices picturati des Sachsenspiegels // Pragmatische Schriftlichkeit im Mittelalter. Erscheinungsformen und Entwicklungsstufen, hg. von Hagen Keller, Klaus Grubmüller und Nikolaus Staubach. Akten des Internationalen Kolloquiums 17–19 Mai 1989 (Münstersche Mittelalter-Schriften 65). München. 1992. S. 232.

Рис. 1. Вольфенбюттельская рукопись Саксонского зеркала, фрагмент (книга 1 Земского права, ст. 1–2). Структура рукописи

атюры на полях как простое дополнение текста рукописи и дает основания рассматривать их в качестве самостоятельного элемента, передающего правовое содержание. Картинка здесь хотя и производна от текста, но равнозначна ему. Визуальный образ, получивший в свою власть ровно половину от каждого листа рукописи, воспринимается читателем не как второстепенный, сугубо декоративный элемент, а как содержательная часть манускрипта, что делает его объектом для изучения.

В результате анализа нормативного содержания рассматриваемых рукописей можно выделить следующие юрико-технические особенности построения правового материала в этой группе источников.

1. Дублирование текста в миниатюрах.

В отличие от многих других иллюминированных правовых памятников периода Высокого Средневековья¹⁰ в исследуемых рукописях Саксон-

¹⁰ Например, Кутюм Тулузы, составленный между 1295 и 1297 гг., также содержит 19 миниатюр нормативного содержания, однако они не просто не дублируют текст, но, напротив, изображают ситуации, в тексте вовсе не описанные.

ского зеркала мы сталкиваемся с прямым совпадением текста и изображенного на миниатюре сюжета. При этом текст и миниатюру связывают красочные инициалы, которые позволяют быстро сопоставить отрывок статьи и иллюстрацию (рис. 2).

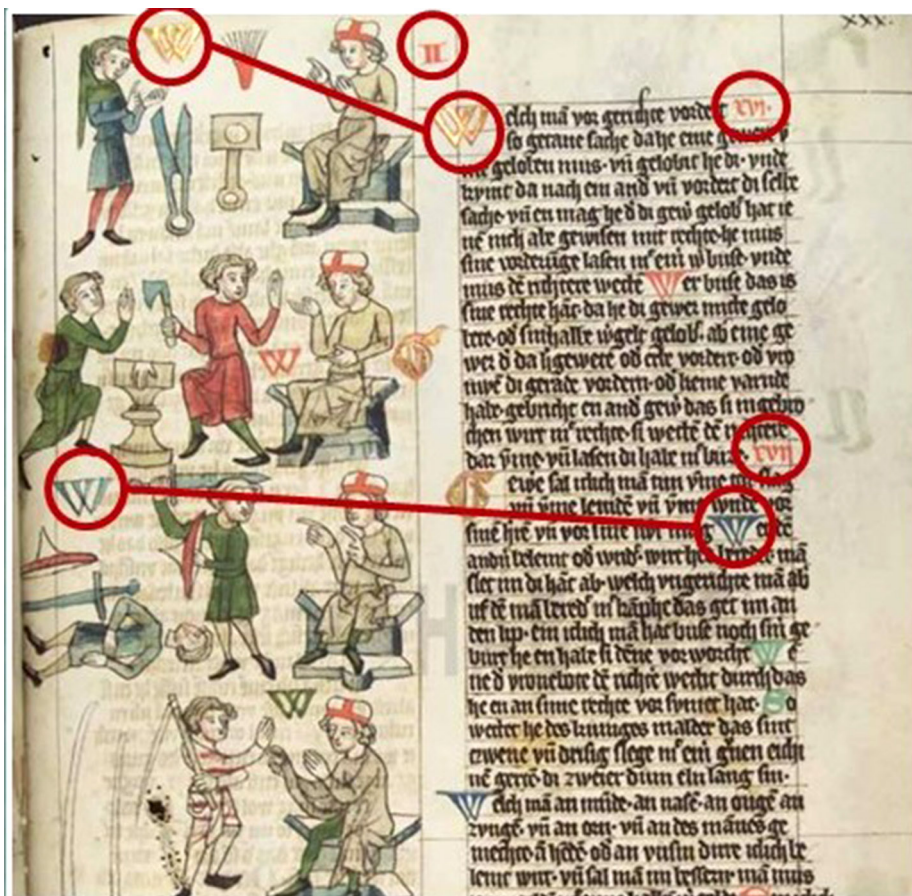

Рис. 2. Вольфенбюттельская рукопись Саксонского зеркала, фрагмент (книга 2 Земского права, ст. 26–27). Инициал на миниатюре и в тексте

Таким образом, каждая из представленных миниатюр является прямой иллюстрацией приводимой правовой нормы. При этом содержание правового предписания воспроизводится в миниатюре достаточно подробно. Например, миниатюра, сопровождающая норму о порядке взимания десятины (статья 48 книги 2 Земского права Саксонского зеркала) не просто схематично воспроизводит порядок уплаты повинности, но в точности дублирует текст. На страницах рукописи мы читаем: «Когда на поле вносится десятина по праву, то должен сдаваться каждый десятый

стог, одинаково хороший, или десятый сноп»¹¹, а на дублирующей текст миниатюре (рис. 3) мы видим ровно десять связок сжатых колосьев, одну из которых мужчина в сером платье передает в счет уплаты десятины.

Рис. 3. Вольфенбюттельская рукопись Саксонского зеркала, фрагмент (книга 2 Земского права, ст. 48). Уплата десятины с поля

Можно выделить следующие цели такого дублирования нормативного содержания правового материала в изображении. Во-первых, визуализация излагаемой нормы позволяет читателю быстрее уяснить ее смысл и лучше запомнить ее содержание. При этом не стоит воспринимать миниатюры как полную замену текста для неграмотных читателей. Исследуемые иллюминированные рукописи, и в том числе утраченный протограф 1292/1295 гг., по данным немецких историков¹², переписывались для крупных феодалов, которые использовали их во время судебного разбирательства. Основная цель создания Саксонского зеркала состояла в том, чтобы закрепить нормы обычного права и сделать их доступными для широкого круга правоприменителей. Конечно, речь идет не об открытости текста правового памятника для массового читателя: под «простым человеком» (*lude algeme*), который упоминается в прологе Саксонского зеркала, следует понимать скорее народных заседателей, участвующих в феодальных судах, гографов, сельских старост и иных лиц, которые сталкивались с необходимостью применения норм обычного права, но не были знатоками права, «мудрыми людьми» (*wisen lude*). Обоснованным выглядит предположение¹³, что иллюминированные манускрипты были для такого чита-

¹¹ Здесь и далее русский текст Саксонского зеркала приводится по изданию: Саксонское зеркало : памятник, комментарии, исследования / отв. ред. В. М. Корецкий ; авт. ст. Л. И. Дембо, Г. А. Аксененок, В. А. Кикоть. М., 1985. С. 70.

¹² См.: *Schmidt-Wiegand R. Text – Bild – Interpretation : Untersuchungen zu den Bilderhandschriften des Sachsenspiegels*. München, 1986; *Hüpper D. Op. cit.* S. 247–248.

¹³ *Manuwald H. Pictorial narrative in legal manuscripts? The Sachsenspiegel manuscript in Wolfenbuttel // Word & Image*. 2007. Vol. 23, № 3. P. 23.

теля своеобразной «визуальной глоссой». В этом отношении миниатюра выступает как бы переходным элементом от устной традиции передачи содержания правового предписания к письменной.

Во-вторых, с учетом наличия сквозной связи текста и миниатюры, изображение выступает визуальным заголовком для конкретной правовой нормы и позволяет при использовании манускрипта быстрее найти нужную статью. Изображение на полях, лаконично выражающее содержание правовой нормы, является одним из элементов навигации по тексту рукописи.

2. Наличие особой знаковой системы представления юридической терминологии.

Сопоставление миниатюр и текста рукописей показывает, что при иллюстрации правового памятника художник-иллюминатор не просто создавал визуальный образ, но и использовал особую знаковую систему, которая позволяла представить юридический термин в виде узнаваемого изображения. Указанные изображения-знаки повторялись по всему манускрипту и каждый раз представляли одно и то же понятие. Так, в миниатюрах, сопровождающих статьи с упоминанием так называемой «женской доли», т. е. мелкого движимого имущества, которое используется в быту преимущественно женщиной и наследуется по женской линии, изображались ножницы (рис. 4).

Схематически изображенные ножницы позволяли не воспроизводить на миниатюре все многообразие перечисленного при описании «жен-

Рис. 4. Вольфенбюттельская рукопись Саксонского зеркала, фрагмент (книга 1 Земского права, ст. 27). Ножницы в руке женщины – символическое изображение «женской доли»

ской доли» имущества и являлись обобщенным символом, визуальным представлением юридического термина. Всякий раз, когда на полях манускрипта читатель встречал изображение ножниц, он сразу же делал вывод, что речь в тексте идет о «женской доле», и безошибочно определял скрывающееся за этим символом содержание.

3. Наличие системы знаковой навигации по тексту правового памятника.

Текст Саксонского зеркала, изложенный в рукописях анализируемой группы, содержал различные вспомогательные инструменты, позволяющие ориентироваться по тексту рукописи. Помимо уже вошедшего в книжную традицию Высокого Средневековья содержания, манускрипт также содержит нумерацию книг и статей, выполненную красными римскими цифрами (рис. 5), красочные инициалы, выделяющие начало тех отрывков, которые проиллюстрированы на полях, а также непосредственно сами миниатюры, которые можно считать вспомогательным источни-

Рис. 5. Вольфенбюттельская рукопись Саксонского зеркала, фрагмент (книга 2 Земского права, ст. 49–52). Нумерация книг и статей

ком навигации по тексту правового памятника. Таким образом, мы видим, что исследуемый текст разделен на рубрики, что свидетельствует о достаточно высоком уровне развития юридической техники.

Исследование иллюминированных рукописей Саксонского зеркала приводит к выводу, что миниатюры по полям манускриптов должны восприниматься не только как художественное дополнение текста, но как самостоятельный способ изложения нормативного материала, заслуживающий внимания историков права.

Библиографический список

Келлер О. Б. Сфера действия «Саксонского» и «Швабского зеркал» в центральной и восточной Европе / О. Б. Келлер // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1. – С. 27–34.

Киселева Л. И. Письмо и книга в Западной Европе в Средние века (лекции по латинской палеографии и кодикологии) / Л. И. Киселева. – СПб. : Издательство «Дмитрий Буланин», 2003. – 310 с.

Куц Т. В. Книжная культура западноевропейского Средневековья : учебное пособие / Т. В. Куц. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 132 с.

Саксонское зеркало : памятник, комментарии, исследования / отв. ред. В. М. Корецкий ; авт. ст. Л. И. Дембо, Г. А. Аксененок, В. А. Кикоть. – М. : Наука, 1985. – 272 с.

Christopher de Hamel. The British Library Guide to Manuscript Illumination History and Techniques / de Hamel Christopher. – Toronto : British Library, 2001. – 92 p.

Eike <von Regow>. Heidelberger Sachsenspiegel. Ostmitteledeutschland, Anfang 14. Jh. Universitätsbibliothek Heidelberg. [Электронный ресурс] / Eike <von Regow>. – URL: <https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/cpg164> (дата обращения: 20.06.2022 г.).

Eike <von Regow>. Sachsenspiegel. Oldenburg: Landesbibliothek Oldenburg, 2012. [Электронный ресурс] / Eike <von Regow>. – URL: <https://digital.lb-oldenburg.de/urn/urn:nbn:de:gbv:45:1-3571> (дата обращения: 20.06.2022 г.).

Eike <von Regow>. Der Sachsenspiegel und das sächsische Lehnrecht. Wolfenbüttel. Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel. [Электронный ресурс] / Eike <von Regow>. – URL: <https://www.sachsenspiegel-online.de/cms/> (дата обращения: 20.06.2022 г.).

Eike <von Regow>. Die Dresdner Bilderhandschrift des Sachsenspiegels. SLUB Dresden. [Электронный ресурс] / Eike <von Regow>. – URL: <https://digital.slub-dresden.de/werkansicht/dlf/6439/9> (дата обращения: 20.06.2022 г.).

Hüpper D. Funktionstypen der Bilder in den Codices picturati des Sachsenspiegels / D. Hüpper // Pragmatische Schriftlichkeit im Mittelalter. Erscheinungsformen und Entwicklungsstufen, hg. von Hagen Keller, Klaus Grubmüller und Nikolaus Staubach. Akten des Internationalen Kolloquiums 17–19 Mai 1989 (Münstersche Mittelalter-Schriften 65). – München, 1992. – Pp. 231–249.

Manuwald H. Pictorial narrative in legal manuscripts? The Sachsenspiegel manuscript in Wolfenbüttel / H. Manuwald // Word & Image. – 2007. – Vol. 23, № 3. – Pp. 275–289.

Schmidt-Wiegand R. Text-Bild-Interpretation : Untersuchungen zu den Bilderhandschriften des Sachsenspiegels / R. Schmidt-Wiegand. – München, 1986. – S. 11–31.

References

Keller O. B. The Sphere of Action of “Saxon” and “Swabian Mirror” in Central and Eastern Europe / O. B. Keller // Proceedings of Polotsk State University. Series A. Humanitarian Sciences. – 2015. – № 1. – Pp. 27–34. (In Rus)

Kiseleva L. I. Writing and Book in Western Europe in the Middle Ages (Lectures in Latin Paleography and Codicology) / L. I. Kiseleva. – Saint-Petersburg : “Dmitriy Bulanin” Publishing, 2003. – 310 p. (In Rus)

Kushch T. V. Book Culture of Western European Middle Ages : textbook / T. V. Kushch. – Ekaterinburg : Ural State University Publishing, 2019. – 132 p. (In Rus)

Saxon Mirror : Monument, Commentary, Researches / ex. ed. V. M. Koretskiy ; auth. L. I. Dembo, G. A. Aksenok, V. A. Kikot. – Moscow : Nauka, 1985. – 272 p. (In Rus)

Christopher de Hamel. The British Library Guide to Manuscript Illumination History and Techniques / de Hamel Christopher. – Toronto : British Library, 2001. – 92 p.

Eike <von Reggow>. Heidelberger Sachsenspiegel. Ostmitteldeutschland, Anfang 14. Jh. Universitätsbibliothek Heidelberg / Eike <von Reggow>. – URL: <https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/cpg164> (Date of access: 20.06.2022 г.).

Eike <von Reggow>. Sachsenspiegel. Oldenburg: Landesbibliothek Oldenburg, 2012 / Eike <von Reggow>. – URL: <https://digital.lb-oldenburg.de/urn/urn:nbn:de:gbv:45:1-3571> (Date of access: 20.06.2022 г.).

Eike <von Reggow>. Der Sachsenspiegel und das sächsische Lehnrecht. Wolfenbüttel. Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel / Eike <von Reggow>. – URL: <https://www.sachsenspiegel-online.de/cms/> (Date of access: 20.06.2022 г.).

Eike <von Reggow>. Die Dresdner Bilderhandschrift des Sachsenspiegels. SLUB Dresden / Eike <von Reggow>. – URL: <https://digital.slub-dresden.de/werkansicht/dlf/6439/9> (Date of access: 20.06.2022 г.).

Hüpper D. Funktionstypen der Bilder in den Codices picturati des Sachsenspiegels / D. Hüpper // Pragmatische Schriftlichkeit im Mittelalter. Erscheinungsformen und Entwicklungsstufen, hg. von Hagen Keller, Klaus Grubmüller und Nikolaus Staubach. Akten des Internationalen Kolloquiums 17–19 Mai 1989 (Münstersche Mittelalter-Schriften 65). – München, 1992. – Pp. 231–249.

Manuwald H. Pictorial narrative in legal manuscripts? The Sachsenspiegel manuscript in Wolfenbuttel / H. Manuwald // Word & Image. – 2007. – Vol. 23, № 3. – Pp. 275–289.

Schmidt-Wiegand R. Text-Bild-Interpretation : Untersuchungen zu den Bilderhandschriften des Sachsenspiegels / R. Schmidt-Wiegand. – München, 1986. – S. 11–31.

Для цитирования:

Федюшкина А. И. Юридикo-технические особенности построения правового материала в иллюминированных рукописях Саксонского зеркала // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 70–80.

Recommended citation:

Fedyushkina A. I. Features of the construction of legal norms in the illuminated manuscripts of the Sachsenspiegel (Saxon Mirror) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2022. № 1. Pp. 70–80.

Сведения об авторе

Федюшкина Арина Игоревна – Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета, кандидат юридических наук
E-mail: a.i.fedyushkina@gmail.com

Information about author

Fedyushkina Arina Igorevna – Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law Faculty
E-mail: a.i.fedyushkina@gmail.com

ПРИНЦИП ЭКВИВАЛЕНТА В ДРЕВНЕИУДЕЙСКОМ ПРАВЕ

Н. В. Малиновская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 июля 2022 г.

Аннотация: в статье анализируется понятие эквивалента и его смысловое значение по отношению к древнему праву. Указывается, что наиболее распространенной была абсолютная форма эквивалента, требующая полного тождества положения для обеих сторон. Это находило свое проявление в институте кровной мести, который получил отражение в древнеиудейском праве. Система возмездия проявляет себя в разных формах в Пятикнижии Моисея, в числе которых и смертная казнь как особый вид эквивалента. Подчеркивается, что древнеиудейское право как изначально консервативное содержало в себе элементы гуманизма, не характерного для других древних правовых систем. И в дальнейшем развитие правовых норм в древнем иудаизме шло по пути гуманизации, опираясь на различные интерпретационные техники.

Ключевые слова: эквивалент, кровная месть, возмездие, наказание, смертная казнь, древнее право, интерпретация права, гуманизм, доведение до абсурда.

THE PRINCIPLE OF EQUIVALENCE IN THE ANCIENT JUDAIC LAW

N. V. Malinovskaya

Voronezh State University

Abstract: the article examines the concept of equivalence and its meaning according to the ancient law. It is stated, that the most widespread form of equivalence was the absolute one, which demanded the complete identity for both parties. It revealed in the institute of blood feud, which found its manifestation in the ancient Judaic law. The system of retribution manifests itself in the Pentateuch of Moses in different forms, among which is the death penalty as a special type of equivalence. It is underlined that the ancient Judaic law being conservative included the elements of humanism, which were not typical for other ancient legal systems. And furthermore the development of legal norms in ancient Judaism went on to their humanization, due to different interpretative techniques.

Key words: equivalent, blood feud, retribution, punishment, death penalty, ancient law, interpretation of law, humanism, bringing to the point of absurdity.

Праву в различные периоды его развития в условиях разных правовых систем было и остается присущим стремление к сохранению баланса интересов, гармонии человеческих взаимоотношений и социального компромисса. Одним из главных принципов, способствующих достижению данных целей, является принцип эквивалента, подразумевающий соответствие между потерями членов социальной группы и их компенсацией, а также воздаяние за внесенный в развитие общества вклад (что, по сути, также подразумевает некий расход ресурсов, нуждающихся в восполнении). Если в современном праве об эквивалентности говорят чаще всего как о сложном гражданско-правовом понятии, то древнее право, выстраивая минимальные ограничения пока довольно простых потребностей общества, рассуждало об эквиваленте с позиций возмездия.

Понятия «возмездие» и «воздаяние» с точки зрения аналитики древнего права отдельные ученые рассматривают в качестве сходных¹. Причем обе категории анализируются как пути достижения справедливости, антиподом которой выступает неэквивалентное возмездие. По нашему мнению, категории «возмездия» и «воздаяния» все же можно различать, поскольку по смысловому наполнению «возмездие» больше тяготеет к негативному эквиваленту, подразумевая уравнивание потерь членов общества, а не увеличение благ у какой-либо из сторон. При таком подходе понятие «воздаяние» даже может рассматриваться как более широкое, так как может включать воздаяние негативное (ответственность за правонарушения) и воздаяние позитивное (присвоение материальных благ за вклад в общественное развитие и благосостояние). Тем не менее, поскольку на начальных этапах развития общества были более развиты конструкции правовой ответственности за нарушения, то и понятие «воздаяние» содержательно было ориентировано, в первую очередь, на свой негативный компонент – привлечение к ответственности в тех или иных формах. У отдельных племен даже можно найти специфические словесные обозначения (*ndu'ua* – у аборигенов Соломоновых островов), подразумевающие возвращение сторон к первоначальной позиции социального развития с точки зрения как возмещения ущерба, причиненного преступлением, так и возврата долгов.

При этом эквивалент как исходный принцип конструирования правовых норм может иметь несколько форм. Как минимум, среди них можно различить полный или абсолютный эквивалент, выражаемый в формуле талиона «воздавай тем же самым за то же и в той же мере»², и иные

¹ Мальцев Г. В. Месть и возмездие в древнем праве. М., 2014. С. 229.

² Там же. С. 229.

формы эквивалента. Идеалом здесь будет являться полнейшее тождество по принципу «око за око», имеющее целью абсолютное уравнивание социальной ситуации для каждой из сторон. Именно такое в известной мере фанатичное стремление к «буквальной» справедливости определяло механизмы функционирования института кровной мести в древнем обществе. По мнению исследователей, члены племени-мстителя могли долгие годы ждать наступления подходящего для мщения социального положения враждебной группы. Это означало либо появление в последней мужчины, который соответствовал бы по качествам убитому, либо достижение сыном убийцы возраста и положения своего отца на момент совершения преступления. Отдельную роль играло совершение возмездия при аналогичных обстоятельствах³. Закономерно, что соблюдение всех перечисленных требований было довольно затруднительно, не всегда выдерживалось в точности и затягивало процесс мщения, продлеvalo негативное состояние вражды между социальными группами. По мнению Г. В. Мальцева, институт кровной мести «оформляется в нечто целостное» с тех пор как приобретает «внутреннюю устойчивую меру – эквивалент»⁴. По сути своей он имеет глубоко юридическую природу, которая конкретизируется первоначально в правовых обычаях, неукоснительно соблюдаемых племенами, а затем – в уголовной политике государств, в том числе – в первых законодательных актах.

Наиболее ярко действие принципа эквивалента проявляется в древнеиудейском праве, которое представляет собой совершенно особое, уникальное явление в масштабах истории возникновения и эволюции первых правовых норм. Одним из проявлений такой уникальности является в определенной степени вторичный характер государства по отношению к праву, когда у древних евреев создаются и закрепляются в официальном письменном источнике (Торе или Пятикнижии Моисея) первые и довольно подробные правовые нормы, в то время как государственность в виде территориальной целостности и обособленного аппарата управления и принуждения еще не сложилась. Тем самым иудейское право уже подразумевает потенциально высокий уровень развития правового регулирования, конструкции которого настолько соответствуют интересам общества, что способны функционировать какое-то время и без принудительной силы государства. Данный – удивительный по своей сути – феномен можно объяснить глубоким сакральным характером древнеиудейского права, суть которого можно отразить следующей фразой: «Судит не Моисей и назначенные им судьи, судит Бог»⁵. Имен-

³ Redfield R. Primitive law // Law and warfare. Studies in the anthropology of conflict / ed. by P. Bohannan. N.-Y., 1967. P. 7.

⁴ Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 244.

⁵ Мальцев Г. В. Культурные традиции права. М., 2013. С. 244.

но так иудейский народ воспринимает закон и именно фактором глубокого, неопровержимого авторитета объясняется механизм его исполнения. Сказанное не отменяет того, что несмотря на многочисленные сугубо религиозные правила, содержащиеся в Пятикнижии Моисея, законодательство включает, в том числе, и абсолютно рациональные в своей основе нормы, посвященные наследованию, правовому статусу рабов, отношениям займа и залога.

Судебные функции в древнеиудейском обществе выполняли, скорее, духовные лидеры – сам Моисей, назначенные им десятиначальники, стона начальники и тысяченачальники (Исх. 18:13-26)⁶, позднее – старейшины и «судьи» («шофтим»), являвшиеся преемниками Моисея и пользовавшиеся авторитетом не только ввиду приписываемого им непосредственного контакта с Богом, но и наиболее полного знания закона⁷. Последний представлял собой нормы, изложенные в книгах Исхода и Второзакония, и являлся не просто традиционным механизмом разрешения конфликтов и урегулирования споров, но составлял особую гордость еврейского народа. Так, древнеиудейский историк I в. Иосиф Флавий в ответ на упреки античных авторов в консерватизме евреев и застое в развитии отношений у них с другими народами (главным образом, из-за нежелания менять законы) говорил следующее: «...у нас вся деятельность общая, мысль одна, согласная с законом Божества... у нас же, кого ни спроси о законах, он легче перечислит их, чем назовет свое собственное имя... нарушитель закона у нас явление редкое; уклонение от наказания (за нарушение) у нас вещь невозможная»⁸. Суровость и стабильность древних законов при этом подчеркивались как неоспоримые достоинства, поскольку, по словам того же Иосифа Флавия, они препятствовали распространению порока, который давно уже пришел в право греков.

Одно из наиболее ярких подтверждений консерватизма древнеиудейского закона, в котором принцип эквивалента проявляется весьма подробно, – институт кровной мести, который в случае с древнеиудейским обществом урегулирован в правовом тексте довольно подробно. Во-первых, в текстах Пятикнижия описываются прямые акты мщения и, при том, довольно жестокого. Так, сыновья Иакова мстят за бесчестье своей изнасилованной Сихемом сестры Дины (Быт. 34:1–31), поскольку рассматривают данное деяние как бесчестье, нанесенное всему роду и даже более того – всему Израилю. И, несмотря на то, что Сихем и его родственники предлагают совершить обряд бракосочетания и даже соглашаются при-

⁶ Библия. Русский синодальный перевод. [Электронный ресурс]. URL: <https://bibleonline.ru/bible/rst78/> (дата обращения: 20.06.2022 г.)

⁷ Еврейская энциклопедия : в 16 т. / под общ. ред. Л. Каценельсона. СПб., [1913]. Т. 14. С. 608.

⁸ *Иосиф Флавий*. О древности иудейского народа. Против Апиона. СПб., 1895. С. 111–112.

нять иудейский обряд обрезания, это не действует на оскорбленный еврейский род и два сына Иакова – Симеон и Левий – убивают самого виновника и всех его родственников мужского пола. И, хотя данный акт не получает одобрения от Иакова, который указывает на то, что теперь он стал объектом ненависти для всех соседних народов, но в то же время и прямого осуждения он также не имеет, что лишь подтверждает сложившуюся практику кровной мести как обычая. Во-вторых, идея мщения присутствует в воле Бога в случае нарушения евреями законов: «наведу на вас мстительный меч в отмщение за завет» (Лев. 26:23–25), «не отмстит ли душа Моя такому народу, как этот?» (Иер. 5:9–11). Наконец, в-третьих, книги Исхода и Второзакония предусматривают предание смерти в качестве наказания за довольно большое число составов преступлений. И хотя в тексте не идет речь буквально о кровной мести, подразумевается именно она, поскольку еще не существуют органы власти, которые могли бы от имени государства исполнять подобные наказания.

Тем не менее, при всей жестокости, естественной для древнего права, нормы Пятикнижия отличаются высокой (для соответствующего исторического периода) степенью гуманизма. Это находит свое проявление, в первую очередь, в правилах применения смертной казни как особой формы эквивалента, определяемого нейтральной стороной – государством. Древнеиудейское право различает для преступника формы вины и устанавливает эквивалент, соответствующий степени виновности: «Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти; но если кто не злоумышлял, а Бог попустил ему попасть под руки его, то Я назначу у тебя место, куда убежать [убийце]; а если кто с намерением умертвит ближнего коварно [и прибежит к жертвеннику], то и от жертвенника Моего бери его на смерть» (Исх. 21:12–14). Логика нормы означает фактическое освобождение от ответственности в виде смерти за убийство без вины. Другим ярким примером является известная древневосточному праву конструкция нормы ответственности за халатность строителя, в результате упущений которого обрушился дом, под которым погиб сын хозяина дома. Аналогичная норма есть как в Законах Хаммурапи, так и в Ветхом Завете. Однако логика рассуждений законодателя и концепции ответственности здесь совершенно различные. По Законам Хаммурапи предлагается умертвить сына строителя, т. е. применить древнее стремление к абсолютному тождеству и помещению преступника в аналогичную до мельчайших подробностей ситуацию жертвы, что с правовой точки зрения означает объективное вменение, т. е. ответственность без вины.

Древнеиудейское право, напротив, прямо закрепляет принцип, по которому «отцы не должны быть наказываемы смертью за детей, и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов; каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление» (Втор. 24:16). И этот принцип

находит свое подтверждение в норме об ответственности, согласно которой за допущенную при строительстве халатность, повлекшую гибель сына хозяина дома под обломками, надлежит предать смерти непосредственного виновника – самого строителя.

Элементы архаичности и прогрессивного правового подхода сочетаются в конструкции нормы о бодливом воле (Исх. 21:28–29), когда вина хозяина рассматривается с точки зрения проявления им внимательности и предусмотрительности по отношению к собственному имуществу и степени его опасности для окружающих. С одной стороны, в данном случае действия животного, не наделенного разумом и способностями к осознанию, проецируются на человека, но с другой – эта проекция проводится исключительно на основе принципа вины.

В целом в древнеиудейском праве можно найти около 36 составов преступлений, эквивалентом за которые выступает смерть виновного. Такая ситуация была вполне нормальной для древнего права, в котором государство еще не присвоило себе функцию демонстративного умерщвления в качестве устрашающей кары за посягательства на основы системы управления в той или иной мере. Для сравнения, в Англии XVIII в. число составов, за которые назначалась смертная казнь, достигало 160.

Гуманистический характер древнеиудейского права подтверждается его последующим развитием, которым данная правовая система обязана активной интерпретационной деятельности субъектов, специально изучавших Священное Писание, – соферов и таннаев. Подобно опыту Древнего Рима, в среде этих толкователей-«книжников» возникали различные школы и направления, целью ряда которых была гуманизация архаичного закона и приведение принципа эквивалента в ответственности к сугубо правовому, максимально нейтральному и объективному содержанию.

В этих целях разрабатывались специальные приемы интерпретации, среди которых – умозаключение по аналогии, конструирование общей посылки для нескольких регулятивных норм, сравнение параллельных отрывков Священного Писания и прием доведения до абсурда. Так, при очевидно жестком подходе к родительской власти по отношению к детям, Пятикнижие не позволяет родителям самостоятельно распоряжаться жизнью и смертью их детей. Тем не менее, эквивалент за неповиновение родителям очень высок и означает смерть. Чтобы данное наказание было исполнено, родители должны привести «непокорного сына» к старейшинам города и предъявить обвинение публично, в присутствии жителей: «если у кого будет сын буйный и непокорный, неповинующийся голосу отца своего и голосу матери своей, и они наказывали его, но он не слушает их», то жители города должны забить его камнями до смерти (Втор. 21:18–21). Безусловно, формулировка самого обвинения в виде признаков «буйства» и «непокорности» не отличается конкретикой и при

широком толковании может быть распространена на деяния, которые неэквивалентны человеческой жизни. Устранить это противоречие стремились интерпретаторы – таннаи, которые вывели несколько условий для применения данной нормы: сын должен быть младше определенного возраста, т. е. до его «возмужания», оба родителя должны быть живы и оба согласны на умерщвление непокорного. Более того, право выдвинуть соответствующее обвинение возникало только у родителей равного социального происхождения (должны быть «достойны друг друга») и обладающих одинаковым тембром голоса⁹. Последнее представляет собой не что иное, как доведение смысла нормы до абсурда, продиктованное соображениями гуманизма и прогрессивного развития права.

Таким образом, принцип эквивалента, восходящий к догосударственному опыту развития права, последовательно проявляет себя в древнем иудаизме, будучи включенным в текст правовых норм как в виде кровной мести и талиона, так и в виде государственно определенной формы смертной казни или иных видов ответственности за правонарушения. Характерно, что архаическое понимание справедливости, присущее понятию эквивалента изначально, постепенно сменяется менее буквальным восприятием, учитывающим гуманистические начала права – ценность человеческой жизни и недопустимость произвольного распоряжения ею без объективных правовых предпосылок.

Библиографический список

Еврейская энциклопедия : в 16 т. / под общ. ред. Л. Каценельсона. – СПб. : Общество для Научных Еврейских Изданий и Издательство Брокгауз–Ефрон, [1913]. Т. 14. – 962 с.

Иосиф Флавий. О древности иудейского народа. Против Апиона / Флавий Иосиф. – СПб. : типо-лит. А. Е. Ландау, 1895. – 134 с.

Малиновская Н. В. Интерпретация в праве / Н. В. Малиновская. – М. : Проспект, 2011. – 184 с.

Мальцев Г. В. Культурные традиции права / Г. В. Мальцев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 608 с.

Мальцев Г. В. Месть и возмездие в древнем праве / Г. В. Мальцев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. – 736 с.

Redfield R. Primitive law / R. Redfield // Law and warfare. Studies in the anthropology of conflict / ed. by P. Bohannan. – N.-Y., 1967.

References

Jewish encyclopedia : in 16 vol. / ed. by L. Katsenelson. – Saint-Petersburg : Association for Scientific Jewish Publishings and Brockhouse–Efron Publishing, [1913]. Vol. 14. – 962 p. (In Rus)

Josephus. To the antiquity of the Jewish people. Against Apion / Josephus. – Saint-Petersburg : A. E. Landau, 1895. – 134 p. (In Rus)

⁹ *Малиновская Н. В.* Интерпретация в праве. М., 2011. С. 25–26.

Malinovskaya N. V. Interpretation in law / N. V. Malinovskaya. – Moscow : Prospekt, 2011. – 184 p. (In Rus)

Maltsev G. V. Cultural traditions of law / G. V. Maltsev. – Moscow : Norma : INFRA-M, 2013. – 608 p. (In Rus)

Maltsev G. V. Revenge and retribution in the ancient law / G. V. Maltsev. – Moscow : Norma : INFRA-M, 2014. – 736 p. (In Rus)

Redfield R. Primitive law / R. Redfield // Law and warfare. Studies in the anthropology of conflict / ed. by P. Bohannan. – New York, 1967.

Для цитирования:

Малиновская Н. В. Принцип эквивалента в древнеиудейском праве // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 81–88.

Recommended citation:

Malinovskaya N. V. The principle of equivalence in the ancient Judaic law // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2022. № 1. Pp. 81–88.

Сведения об авторе

Малиновская Наталья Владимировна – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук

E-mail: ilbas@mail.ru

Information about author

Malinovskaya Natalia Vladimirovna – Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences

E-mail: ilbas@mail.ru

ФЕНОМЕН ЭТНИЧЕСКОГО ОБЫЧАЯ В РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ (ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ) ОТНОШЕНИЙ

В. В. Серегина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 июля 2022 г.

Аннотация: в современной науке в последние годы активизировались два направления в изучении этнических обычаев: антропология права и юридическая этнология. Происходящие процессы требуют теоретического осмысления феномена этнического обычая, поскольку он продолжает влиять на многие общественные (этносоциальные) отношения.

Ключевые слова: правовой обычай, этнический обычай, антропология права, юридическая этнология, правовая культура, правосознание.

THE PHENOMENON OF ETHNIC CUSTOM IN THE REGULATION OF PUBLIC (ETHNO-SOCIAL) RELATIONS

V. V. Seregina

Voronezh State University

Abstract: in recent years, two directions in the study of ethnic customs have become more active in modern science: anthropology of law and legal ethnology. The ongoing processes require a theoretical understanding of the phenomenon of ethnic custom, since it continues to influence many social (ethno-social) relations.

Key words: legal custom, ethnic custom, anthropology of law, legal ethnology, legal culture, legal consciousness.

Этнические обычаи представляют собой образцы поведения, которые складываются столетиями и закрепляют полезный опыт человечества. Именно обычай играл главенствующую роль в начале регулирования сложившихся общественных отношений. Получая отражение в сознании отдельных поколений, обычай как источник права носил исключительно устный характер и длительное время не нуждался в подтверждении правовыми нормами. С момента появления первых письменных нормативных актов часть обычаев получили отражение в правовых нормах

© Серегина В. В., 2022

и вышли на новый, законодательный уровень своего оформления, утратив тем самым свой устный характер и обеспеченность исключительно правоприменительной практикой.

Тем не менее постепенное вытеснение обычая как доминирующего (на архаическом этапе) источника права все более активно создаваемыми законодательными нормами не устранило его полностью от регулирования общественных отношений. Средневековое западноевропейское право было основано на обычаях, не только зафиксированных в так называемых «варварских правдах», но и продолжавших действовать в соответствии со своей природой, будучи устно передаваемыми из поколения в поколение.

Как справедливо отмечает П. Г. Виноградов, особое значение обычаю придавала историческая школа права, что также отражалось в немецкой практике правового регулирования, где вплоть до XIX в. значимость обычая соотносилась по своему уровню с законом. Будучи «выражением бесхитростного правосознания народа», основанным на «национальном характере», обычай «является выражением скрытых принципов, которые, наверное, в гораздо большей степени совпадают с понятиями о справедливости, свойственными данному обществу, чем искусственные создания государственной власти или научной юриспруденции»¹. Представители исторической школы права последовательно доказывали необходимость построения создаваемого государством права исключительно на основаниях национального обычая, поскольку преемственность правового регулирования всегда придает известный авторитет новым правовым нормам.

Интересно, что в Германии поиск национальных обычаев приводил к неожиданным результатам. Так, по мнению А. И. Поротикова, норм, имеющих чисто немецкое происхождение, можно было найти довольно мало. Тем не менее некоторые из них весьма «серьезно повлияли на последующее развитие частного права. Так, именно в германском обычном праве был выработан принцип, воспроизведенный в ст. 302 Гражданского кодекса РФ и получивший название: “Hand muss Hand wahren” – защита добросовестного владельца от истребования имущества собственником, в противовес римскому праву, по которому собственник вещи мог истребовать ее у любого лица»².

Последующее исследование средневекового германского права породило у Ф. К. Савиньи вывод о наличии в нем глубоких корней, восходящих по своему уровню юридической техники и характеру правового регулирования к римскому праву. Таким образом, на примере рецепции рим-

¹ Виноградов П. Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе / под ред. У. Э. Батлера и В. А. Томсинова. М., 2010. С. 131.

² Поротиков А. И. Обычай в гражданском праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 140.

ского права в средневековой Германии становится очевидно, что обычаи, положенные в основу законодательного текста, могут выходить за рамки национальной правовой системы.

Однако известна и иная практика. С развитием общественных отношений и активизацией правотворческой функции государства обычаи постепенно изменяются в соответствии с социально-экономическими преобразованиями общества и, не исчезая полностью, до сих пор довольно широко применяются при регулировании общественных (этносоциальных) отношений, нередко восполняя пробелы в законодательстве.

Огромное влияние в этом плане принадлежит национальным, религиозным и иным особенностям, присущим конкретному этническому образованию (или их совокупности), а также тем привычкам, традициям и обычаям, которые, повторяясь в сознании индивидов, становятся нормами поведения. С дальнейшей эволюцией правовых установлений общества обычаи не теряют своего значения, продолжают действовать как на обыденном уровне, так и играя существенную роль при формировании новой правовой системы³.

В современной науке в последние годы активизировались два направления в изучении обычаев: антропология права и юридическая этнология. Антропология права допускает существование в одном государстве нескольких правовых систем, в рамках которых осуществляется правовое регулирование внутри определенной этнической группы.

Юридическая этнология исследует архаичное право. По признанию известного французского ученого Ж. Карбонье, предметом ее изучения «может быть “живое прошлое”, если такое право еще и сегодня является действующим для какой-то этнической группы на нашей планете»⁴.

В юридической литературе за таким правом закрепилось название этнического обычая, представляющего собой часть обычного права, входящего в обычно-правовую (традиционную) правовую систему.

Этнические обычаи символизируют представления людей о справедливости, порядочности, разумности, ответственности, долге, которые следует рассматривать как культурное наследие, поскольку в них отражается национальная специфика, закрепляются и передаются духовные ценности.

Этнические обычаи затрагивают самые различные сферы правового поля. Так, еще недавно у народов Кавказа, в особенности северо-восточного и центрального, убийство, увечье, обида или другой ущерб нечасто становились предметом разбирательства в официальном суде. Туда об-

³ Свечникова Л. Г. Понятие обычая в современной науке : подходы, традиции, проблемы (на материалах юридической и этнологической наук) // Государство и право. 1998. № 9. С. 102.

⁴ Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986. С. 53.

ращались в редких случаях, и это считалось едва ли не постыдным. Общинные или патрилиниджные органы, судьи-медиаторы, хранители традиций сами назначали предусмотренное адатами наказание, а исполнение приговора возлагалось главным образом на потерпевших ущерб⁵.

Эти традиции, как отмечают Х. М. Думанов и А. И. Першиц, угасли в 30–50-е гг. XX в., но вновь ожили в последние десятилетия⁶.

Россия, на территории которой проживают представители различных национальностей, этнических групп, религиозных конфессий, поощряет прогрессивные этнические обычаи, а те обычаи, которые противоречат закону, квалифицируются как правонарушения. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. признавал такие обычаи преступлениями, связанными с пережитками местных обычаев. Ныне действующий Уголовный кодекс РФ такие деяния, как уплата и принятие выкупа за невесту, принуждение женщины к вступлению в брак, заключение соглашения о браке с лицом, не достигшим брачного возраста, двоеженство или многоженство, к числу преступлений не относит, поскольку практика запрета применения этнических обычаев оказалась неэффективной.

Будучи признанными со стороны государства и общества, этнические обычаи входят в состав так называемого единого правового пространства. Если же культурно обусловленные правовые нормы, бытующие, как правило, среди этнических или иммигрантских меньшинств, не признаются или даже репрессируются государством, то они всё равно составляют неформализованную часть социальной реальности как малых общин, так и большого общества⁷.

Сложившиеся столетиями этнические обычаи игнорировать нельзя. К тому же, установившийся традиционно в тех или иных регионах Российского государства характер имущественных, брачно-семейных отношений и отношений, связанных с природопользованием, сохраняется, несмотря на законодательное урегулирование этих вопросов.

Таким образом, этническое самосознание народов, проживающих на территории Российского государства, вступает в противоречие с законодательством, которое не всегда учитывает этнические обычаи.

В специальной литературе обращается внимание на то, что, казалось бы, благие меры, осуществленные федеральной властью по ограничению традиционных охотничье-рыболовных промыслов и иных занятий на севере и востоке страны, поставили проживающие в этих регионах народы в сложные условия. Введенные законодательные ограничения не со-

⁵ См.: Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей // Известия Ингушского института праведения. Владикавказ, 1930. Вып. 2–3. С. 360.

⁶ См.: Думанов Х. М., Першиц А. И. К уточнению понятия «обычное право» // Государство и право. 2005. № 3. С. 81.

⁷ См.: Тишков В. А. Начало и эволюция дисциплины // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000. С. 11.

ответствуют правосознанию населения, существенно ограничивают его в естественных правах – на жизнь, свободное развитие и т. п.⁸

Можно сомневаться в рациональности многих этнических обычаев, но отрицать их реальное действие невозможно.

К сожалению, в современной правовой литературе исследованию этнических обычаев уделяется недостаточно внимания, а ведь изучение этнических обычаев как феномена в регулировании общественных отношений не является шагом к архаике. Разумный консерватизм способствует сохранению культурного, национального, религиозного наследия, присущих конкретному этническому образованию.

Актуальной на сегодняшний день для Российского государства является задача поиска законодательного урегулирования отношений с находящимися в нашей стране трудовыми мигрантами, которые несут чуждые нашим народам этнические обычаи, традиции и ценности, не желая включаться в принимающее их общество. В России с каждым годом растут диаспоры этнических выходцев из бывших республик СССР, а вместе с ними растут и проблемы внешней миграции. Миграции существенно расширяют и изменяют этнокультурный облик государства, одновременно выявляя противоречия между различными группами населения, вызывают социальные напряжения⁹.

Секретарь Совета Безопасности России Н. Патрушев на одном из совещаний в начале 2022 г., посвященном вопросам безопасности в сфере миграции, отметил, что большинство мигрантов имеет низкую квалификацию, недостаточный уровень образования, пренебрегает российскими культурными традициями и нормами поведения, что вызывает недовольство местного населения, приводит к возникновению конфликтов¹⁰.

Сосуществование российских этносов и внешних мигрантов должен обеспечивать мультикультурализм, который многими авторами определяется как разнообразие культурных традиций в самых разных странах и нациях, принадлежность к которым не дает привилегий ни одной из них. Как известно, даже такая гостеприимная для иммигрантов страна, как Германия, признала, что «мультикультуралистический подход, согласно которому мы просто живем бок о бок, и все довольны, полностью провалился»¹¹.

⁸ См.: Лопуха Л. Д., Зельцер И. М. Обычное право : вопросы теории и современная практика. Новосибирск, 2002. С. 119.

⁹ Жестяников С. Г., Назаров В. Ю., Савельев Н. В. Интеграция мигрантов : поиск эффективной модели // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 10. С. 37.

¹⁰ Патрушев Н. Большинство мигрантов пренебрегает российскими нормами поведения. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/02/18/patrushev-bolshinstvo-migrantov-prenebregayet-rossijskimi-normami-povedeniia.html> (дата обращения: 18.02.2022 г.).

¹¹ Сибиряков С. Германское правительство признает провал мультикультурной политики. [Электронный ресурс]. URL: <https://ashpi.wordpress.com/2010/10/24/proval-multikulturnojj-politiki/> (дата обращения 19.02.2022 г.).

Для нашей страны решение проблемных вопросов внешней миграции во многом связано с многонациональным (полиэтническим) характером самого российского населения, где этнические, культурные, религиозные различия не способствуют продвижению мультикультурной политики. В российском обществе преобладают настроения ксенофобии, которые создают сами мигранты.

В России пока еще не создана четкая нормативная база, направленная на защиту как интересов местного населения, так и внешних мигрантов. Требуется не только законодательное урегулирование этнических проблем, но и теоретическое осмысление роли этнических обычаев в обществе.

Исследование этнических обычаев будет способствовать «этнокультурному осмыслению права» и поможет найти ответы на многие вопросы, возникающие на данном этапе развития человечества¹².

Библиографический список

Виноградов П. Г. Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе / П. Г. Виноградов ; под ред. У. Э. Батлера и В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2010. – 288 с.

Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей / Б. Далгат // Известия Ингушского института правоведения. – Владикавказ, 1930. – Вып. 2–3. – С. 301–364.

Думанов Х. М. К уточнению понятия «обычное право» / Х. М. Думанов, А. И. Першиц // Государство и право. – 2005. – № 3. – С. 77–82.

Жестянников С. Г. Интеграция мигрантов : поиск эффективной модели / С. Г. Жестянников, В. Ю. Назаров, Н. В. Савельев // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 10. – С. 37–39.

Карбонье Ж. Юридическая социология / Ж. Карбонье. – М. : Прогресс, 1986. – 352 с.

Лопуха Л. Д. Обычное право : вопросы теории и современная практика / Л. Д. Лопуха, И. М. Зельцер. – Новосибирск, 2002. – 249 с.

Патрушев Н. Большинство мигрантов пренебрегает российскими нормами поведения. [Электронный ресурс] / Н. Патрушев. – URL: <https://rg.ru/2022/02/18/patrushev-bolshinstvo-migrantov-prenebregaet-rossijskimi-normami-povedeniia.html> (дата обращения 18.02.2022 г.).

Плоцкая О. А. Обычное этническое право пермских народов в эпоху глобализации : монография / О. А. Плоцкая. – Сыктывкар : ГОУВО КРАГСиУ, 2015. – 244 с.

Свечникова Л. Г. Понятие обычая в современной науке : подходы, традиции, проблемы (на материалах юридической и этнологической наук) / Л. Г. Свечникова // Государство и право. – 1998. – № 9. – С. 98–102.

Поротиков А. И. Обычай в гражданском праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / А. И. Поротиков. – М., 2003. – 220 с.

¹² Плоцкая О. А. Обычное этническое право пермских народов в эпоху глобализации : монография. Сыктывкар : ГОУВО КРАГСиУ, 2015. С. 5.

Сибиряков С. Германское правительство признает провал мультикультурной политики. [Электронный ресурс] / С. Сибиряков. – URL: <https://ashpi.wordpress.com/2010/10/24/proval-multikulturnojj-politiki/> (дата обращения: 19.02.2022 г.).

Тишков В. А. Антропология права. Начало и эволюция дисциплины / В. А. Тишков // Юридическая антропология. Закон и жизнь. – М. : Издательский дом Стратегия, 2000. – С. 7–15.

References

Vinogradov P. G. Essays on the theory of law. The Roman law in Medieval Europe / P. G. Vinogradov; ed. by U. E. Butler and V. A. Tomsinov. – Moscow : Publishing House “Zertsalo”, 2010. – 288 p. (In Rus)

Dalgat B. The materials on Ingush customary law // B. Dalgat // Proceedings of Ingush Institute of Jurisprudence. – Vladikavkaz, 1930. – Iss. 2–3. – Pp. 301–364.

Dumanov H. M. To the concretization of the concept of “customary law” / H. M. Dumanov // State and Law. – 2005. – № 3. – Pp. 77–82. (In Rus)

Zhestyannikov S. G. The integration of the migrants : the search for the effective model / S. G. Zhestyannikov, V. Yu. Nazarov, N.V. Saveliev // Proceedings of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs. – 2012. – № 10. – Pp. 37–39. (In Rus)

Carbonnier J. Legal sociology / J. Carbonnier. – Moscow : Progress, 1986. – 352 p. (In Rus)

Lopuha L. D. Customary law : the questions of theory and modern practice / L. D. Lopuha, I. M. Zeltser. – Novosibirsk, 2002. – 249 p. (In Rus)

Patrushev N. The most of the migrants ignore Russian norms of behavior.r. [Electronic source] / N. Patrushev. – URL: <https://rg.ru/2022/02/18/patrushev-bolshinstvo-migrantov-prenebregaet-rossijskimi-normami-povedeniia.html>, free access (Date of access: 18.02.2022). (In Rus)

Plotskaya O. A. Customary ethnic law of the Permian peoples in the epoche of globalization: monograph / O. A. Plotskaya. – Syktyvkar : GOUVO KRAGSiU, 2015. – 244 p. (In Rus)

Svechnikova L. G. The concept of a custom in the modern science : approaches, traditions, problems (on the materials of legal and ethnological sciences) / L. G. Svechnikova // State and Law. – 1998. – № 9. – Pp. 98–102. (In Rus)

Porotikov A. I. The custom In Rus civil law : diss. ... Candidate of Legal Sciences / A. I. Porotikov. – Moscow, 2003. – 220 p. (In Rus)

Sibiryakov S. German government admits the failure of the multicultural politics. [Electronic source] / S. Sibiryakov. – URL: <https://ashpi.wordpress.com/2010/10/24/proval-multikulturnojj-politiki/> (Date of access: 19.02.2022). (In Rus)

Tishkov V. A. Anthropology of law. The beginning and evolution of a discipline / V. A. Tishkov // Legal anthropology. Law and life. – Moscow : Publishing House Strategiya, 2000. – Pp. 7–15. (In Rus)

Для цитирования:

Серегина В. В. Феномен этнического обычая в регулировании общественных (этносоциальных) отношений // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 89–96.

Recommended citation:

Seregina V. V. The phenomenon of ethnic custom in the regulation of public (ethno-social) relations // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2022. № 1. Pp. 89–96.

Сведения об авторе

Серегина Валентина Васильевна – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

E-mail: teoria5515@mail.ru

Information about author

Seregina Valentina Vasilyevna – Associate Professor of Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences, Docent

E-mail: teoria5515@mail.ru

КРЕДИТНО-БАНКОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

М. О. Кузьмин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 июля 2022 г.

Аннотация: в данной статье рассмотрены основные проблемы и особенности становления кредитно-банковских отношений на территории Средневековой Руси в период с VIII по XV в. Главной отличительной чертой подобных отношений выступает неявный характер финансовых ресурсов и институтов, задействованных в развитии отечественной кредитной сферы раннего периода. Наиболее подробно анализируется влияние монетарной системы платежных средств и товарных денег на причинность появления заемных обязательств, а также дальнейшее их формирование и эволюционный процесс. Автор исследует развитие кредитно-банковских отношений в тесной взаимосвязи с существующим на тот момент правовым регулированием обозначенной сферы жизнедеятельности общества.

Ключевые слова: кредит, банковское дело, заем, деньги, товарные деньги, Древняя Русь, ростовщики, Русская Правда, Псковская судная грамота.

BANKING RELATIONS IN ANCIENT RUSSIA

M. O. Kuzmin

Voronezh State University

Abstract: this article examines the main problems and features of the formation of credit and banking relations on the territory of Medieval Russia in the period from VIII to XV centuries. The main distinguishing feature of such relations is the implicit nature of financial resources and institutions involved in the development of the domestic credit sphere in the early period. The most detailed analysis is made of the influence of the monetary system of means of payment and commodity money on the causality of the appearance of debt obligations, as well as their further formation and evolutionary process. The author examines the development of credit and banking relations in close relationship with the existing at that time legal regulation of the designated sphere of society.

Key words: credit, banking, loan, money, commodity money, Ancient Russia, usurers, Russkaya Pravda, Pskov Judicial Charter.

Проблема становления и развития экономической сферы древнерусского общества по сей день привлекает внимание специалистов из разных областей знаний. Вышеуказанная тема интересна с точки зрения как социальных особенностей, так и сферы правового и финансового регулирования. Несмотря на фундаментальность рассматриваемого вопроса, в настоящее время отсутствует единое систематизированное исследование о развитии отечественных кредитно-банковских отношений в совокупности с особенностями денежной системы Древней Руси.

В современном понимании кредитно-банковская система любого государства ассоциируется с различными экономическими институтами, связанными с деятельностью специализированных учреждений по поводу финансовых, инвестиционных и эмиссионных отношений. Базой таких отношений, так или иначе, выступают деньги в своих различных ипостасях. Они могут быть представлены как в монетарном, так и в натуральном виде¹. К тому же, с учетом существующих реалий, в обществе всё больше популяризуется идея электронных или цифровых денег как особого вида платежных средств. Исходя из этого следует выдвинуть предположение: именно с момента появления денег в качестве своеобразного эквивалента для обмена товаров и услуг начинают формироваться кредитно-банковские отношения. Несмотря на то, что формы и займа, и кредита многообразны – даже в действующем гражданском законодательстве закреплены категории товарного (ст. 822 ГК РФ) и коммерческого кредита (ст. 823 ГК РФ), – основной движущей силой в данном направлении выступают не иначе как финансовые ресурсы.

Ввиду того, что до наших дней сохранились лишь немногочисленные правовые документы, где каким-либо образом упоминаются денежные заемные обязательства, следует руководствоваться не только нормативным материалом, но и результатами археологических исследований, выстраивая причинно-следственные связи, которые не противоречат основной логике обозначенной эпохи.

Так, основная сложность по изучению кредитно-банковских отношений, возникших в VIII–IX вв. на территориях расселения восточных славян, заключается в отсутствии категории «деньги» в современном понимании этого термина. В качестве аналога универсального платежного средства в южных землях использовался скот, в северных – шкурки куниц, которые в будущем дадут название монетам Древней Руси² – «кунам». При этом следует допустить существование всевозможных обязательств, исполнявшихся в натуральном виде, в том числе и займов, однако не трансформировавшихся до полноценных кредитных отношений.

¹ См.: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Малый энциклопедический словарь : в 4 т. Репр. воспроизведение издания Брокгауза–Ефрона. М., 1997. Т. 1. С. 88.

² См.: Вернадский Г. В. Киевская Русь. М., 2020. С. 64.

Ситуация меняется к середине IX в., когда на Русь начинают проникать иноземные серебряные монеты арабского и среднеазиатского происхождения³. Подобные тенденции не только способствовали образованию единой локальной денежно-весовой системы, в последующем разделившейся по территориальному признаку на северную и южную, но и подготавливали базу для появления ростовщичества. Постепенно, ко второй половине X в., в связи с угасанием Аббасидского халифата, на Руси возникает дефицит восточных монет. Киевские князья Владимир I Святославич и его сын Святополк Окаянный постарались решить обозначенную проблему точечным выпуском отечественных платежных средств – сребреников и золотников. Однако такая практика не носила регулярный характер и была обречена потерпеть фиаско по причине слабой материальной базы монетных металлов Восточной Европы. С течением времени серебряное обращение нашло свою ограниченную нишу, сохраняясь в сфере крупных платежных и кредитных сделок между влиятельной купчиной или целыми городами, а также имея место во внешней торговле. Первая половина XII в. характеризуется появлением специфической денежной единицы – гривны серебра – впервые упоминаемой в древнейшем княжеском акте, который известен как Грамота Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю под Новгородом Великим⁴.

Как было сказано ранее, для того, чтобы формирующиеся кредитно-банковские отношения продолжили существовать и развиваться на бытовом уровне, необходимо было найти аналог денежным платежным средствам. Севернорусские земли заимствовали западноевропейские деньги в виде денариев и марок, что не изменило общую концепцию финансовых отношений. Причинами такого явления выступала активная торговая деятельность Новгорода и Пскова с другими странами. Даже в безмонетный период XII–XIV вв. Северо-Западная Русь сохранила в обороте платежные инструменты монетарного типа.

В Киевском княжестве на место монет приходят товарные деньги. Как бы парадоксально ни звучало ранее упомянутое утверждение, отсутствие металлических денег не означало кредитно-банковский вакуум в эпоху Удельной Руси. Подобный результат напрямую был связан с тем, что развитые финансовые отношения уже существовали на момент обозначенного исторического периода. Товарные деньги появились вследствие объективных причин, заменяя привычные платежные средства натуральным составляющим. В подтверждение этого факта следует обратить внимание на то, что все величины в текстах правовых источников

³ См.: Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 64

⁴ См.: Кузьмин А. Г. Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 года. М., 2004. С. 262–263.

той эпохи приводились в прежней монетарной системе, а условия торгового кредитования содержали в себе счет на серебро.

Действительно, денежные займы играли ключевую роль в совершенствовании древнерусских торговых отношений как внутри государства, так и во внешней среде. В данном случае просматривается появление подобия специализированных банковских учреждений для новгородских купцов – речь идет об объединении «Иваново сто», устав которому пожаловал князь Всеволод Мстиславич⁵. Старосты обозначенного общества могли кредитовать его участников для целей закупки и реализации товаров. С точки зрения юридической составляющей деятельность купеческого братства позволила сформировать княжеское законодательство в отрасли торгового права. Интересным остается тот факт, что при погашении задолженности преимущество отдавалось иностранным кредиторам.

В конечном счете, появившиеся новые экономические отношения требовали более комплексного и детального легального закрепления. Безусловно, значительная часть норм, регулирующих кредитно-банковскую сферу Древней Руси, формировалась в договорах, а также в форме правовых обычаев и традиций. Между тем, созданная в XI в., Русская Правда уделяла пристальное внимание займам, ссудам и процентам по ним. Например, в тексте древнейшего отечественного памятника права содержится условие, при котором «годовая» ставка по кредиту была минимальной и устанавливался процентный потолок – 10 кун за каждую гривну серебром (ст. 49)⁶. Специалисты считают, что соотношение указанной гривны и кун на тот период выражалось как 1 к 4⁷. Иными словами, процентная ставка по такому займу составляла 10 % годовых. Этот момент интересен тем, что в византийских правовых источниках тождественного исторического периода законная кредитная ставка варьировалась от 5,5 до 8 % годовых в зависимости от дополнительных условий сделки⁸. Подобная отличительная черта свидетельствует о том, что в части легальной регламентации займов и банковской деятельности Русская Правда рецепирует нормы римского права через Константинополь. Следовательно, институт кредита был известен на Руси с незапамятных времен и в дальнейшем получил определенное развитие.

Дополнительно, исследуя текст Пространной редакции Русской Правды по Троицкому списку второй половины XIV в., можно прийти к выводу о том, что в Киевской Руси существовал «государственный» кредит.

⁵ См.: Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 65.

⁶ Пространная Русская Правда : по Троицкому списку второй половины XIV в. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 12.12.2021 г.).

⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 2018. С. 224.

⁸ Там же. С. 225–226.

Так, определенные нормы памятника права содержат положения о возвращении долга князю как представителю публичной власти (ст. 43–51)⁹. В данном случае монарх не выступает частным кредитором, но от его лица осуществляется предоставление ссуд, причем не в частном порядке, а в рамках целенаправленной финансовой политики из доходов казны на нужды частных лиц.

Помимо всего прочего, не стоит забывать о закупах – полусвободной категории населения Киевской Руси, заключивших с феодалом специальный договор. Отношения между сторонами по такому соглашению характеризовались только экономико-правовым подтекстом, поскольку после исполнения договора, зачастую в виде займа зерна, и процентов по нему должник возвращал себе статус полностью свободного смерда. Фактически, вышеупомянутое обязательство по описанию представляет собой товарный кредит как возмездного, так и безвозмездного характера.

Для полноты картины исследования средневековой кредитно-банковской сферы на Руси следует упомянуть деятельность ростовщиков в рамках Псковской судной грамоты – первого крупного легального акта, регулирующего преимущественно гражданско-правовые отношения. Например, в вышеупомянутом источнике права помимо размера кредита и процентных ставок содержатся условия, нацеленные на соблюдение письменной формы займа. Отдельные положения Псковской судной грамоты содержат механизм выплаты таких процентов, а также определяют бремя некоторых издержек (ст. 30, 74, 93)¹⁰.

Опираясь на указанные сведения, следует сделать вывод о том, что отношения по поводу кредитных обязательств действовали как в практическом, так и законодательном ключе. При этом на Руси не существовало полноценной структурированной системы банковских учреждений. В целом, в указанном историческом контексте институты займа и банковской деятельности тождественны. Деятельность субъектов особых финансовых отношений не предполагала более сложных операций, например, открытия счетов или привлечения средств по вкладам, за исключением оборота векселей, который был известен Псковской судной грамоте. Остальные проявления банковской деятельности появятся позднее. Вместе с тем, «государственный княжеский» кредит, деятельность ростовщиков, объединения купцов полностью покрывали потребности в займах дифференцированного населения Киевского, иных удельных княжеств и не требовали создания дополнительных организаций и категорий.

⁹ Пространная Русская Правда : по Троицкому списку второй половины XIV в.

¹⁰ Псковская судная грамота. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 12.12.2021 г.).

Безусловно, Русская Правда и Псковская судная грамота являются одними из первых правовых источников, где содержится наиболее ранняя регламентация отечественных кредитно-банковских отношений. Более того, вышеупомянутые нормативные акты послужили основой для появления комплексных сводов законов, регулирующих финансовую сферу. Подобный феномен позволяет утверждать, что кредитно-банковские отношения появились на Руси в одно время со странами Запада и Востока, несмотря на тернистый путь развития таких экономико-правовых институтов, как денежный заем и ссуда. В XV в. формируется отечественная финансовая практика, которая особым образом обуславливает кредитный механизм в Московском государстве. С юридической точки зрения именно Судебник 1497 г. можно назвать преемником сложившихся традиций в кредитно-банковской сфере, открывающим новую главу в истории денежных обязательств на Руси.

Библиографический список

Брокгауз Ф. А. Малый энциклопедический словарь : в 4 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – Репр. воспроизведение издания Брокгауза–Ефрона. – М. : Терра, 1997. – Т. 1. – 544 с.

Вернадский Г. В. Киевская Русь / Г. В. Вернадский. – М. : Ломоносовъ, 2020. – 448 с.

Ключевский В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – М. : АСТ, 2018. – 1280 с.

Кузьмин А. Г. Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 года / А. Г. Кузьмин. – М. : Владос, 2004. – 656 с.

Пространная Русская Правда : по Троицкому списку второй половины XIV в. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 12.12.2021 г.).

Псковская судная грамота. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 12.12.2021 г.).

References

Brockhaus F. A. Small Encyclopedic Dictionary : in 4 volumes / F. A. Brockhaus, I. A. Efron. – Reprint of the Brockhaus–Efron edition. – Moscow : Terra, 1997. – V. 1. – 544 p. (In Rus)

Extended edition of Russian Truth : according to the Troitsky list of the second half of the XIV century. – URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (accessed 12.12.2021). (In Rus)

Klyuchevsky V. O. The course of Russian history / V. O. Klyuchevsky. – Moscow : AST, 2018. – 1280 p. (In Rus)

Kuzmin A. G. Chrestomathy on the history of Russia from ancient times to 1618 / A. G. Kuzmin. – Moscow : Printing House Vlados, 2004. – 656 p. (In Rus)

Pskov judicial charter. – URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (accessed 12.12.2021). (In Rus)

Vernadsky G. V. Kievan Rus / G. V. Vernadsky. – Moscow : Lomonosov, 2020. – 448 p. (In Rus)

Для цитирования:

Кузьмин М. О. Кредитно-банковские отношения в Древней Руси // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 97–103.

Recommended citation:

Kuzmin M. O. Banking relations in Ancient Russia // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2022. № 1. Pp. 97–103.

Сведения об авторе

Кузьмин Максим Олегович – преподаватель кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета
E-mail: maksimkuzmin@mail.ru

Information about author

Kuzmin Maksim Olegovich – Lecturer of Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University
E-mail: maksimkuzmin@mail.ru

УДК 342.9

ПРАВОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАЗРЕШЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В РОССИИ: ОБЩИЙ АНАЛИЗ С ПОЗИЦИИ КАЧЕСТВА И ЭФФЕКТИВНОСТИ

И. С. Завьялова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 июля 2022 г.

Аннотация: научная статья посвящена рассмотрению вопроса о современном состоянии процесса разрешения юридических конфликтов. Исследование направлено на оценку с позиции качества и эффективности применения правовых технологий уполномоченными на то субъектами в процессе разрешения юридических конфликтов. Выявляются слабые стороны данного процесса, устанавливаются причины, снижающие уровень его качества и эффективности. Анализируются особенности влияния цифровой трансформации государства на деятельность по разрешению юридических конфликтов. Формулируются предложения по устранению тех проблем, которые были выявлены в рамках данного научного исследования.

Ключевые слова: юридический конфликт, правовые технологии разрешения юридических конфликтов, цифровизация, цифровая технология, публичное управление, качество, эффективность.

LEGAL TECHNOLOGIES OF JURIDICAL CONFLICTS RESOLUTION IN RUSSIA: GENERAL ANALYSIS FROM THE STANDPOINT OF QUALITY AND EFFICIENCY

I. S. Zavyalova

Voronezh State University

Abstract: the scientific article is devoted to the consideration of the issue of the current state of the process of resolving legal conflicts. The study is aimed at assessing the quality and effectiveness of the use of legal technologies by authorized entities in the process of resolving legal conflicts. The weaknesses

---

© Завьялова И. С., 2022

of this process are identified, the reasons that reduce the level of its quality and efficiency are established. The features of the influence of the digital transformation of the state on the activities of resolving legal conflicts are analyzed. Proposals are formulated to eliminate the problems that have been identified within the framework of this scientific study.

Key words: legal conflict, legal technologies of legal conflicts resolution, digitalization, digital technology, public administration, quality, efficiency.

Развитие общества – это весьма сложный процесс, большую часть которого составляют противоречия. Именно противоречия являются причинами различного рода конфликтов. Бесспорен тот факт, что проблематика конфликта сохраняет свою актуальность на протяжении всего существования человечества.

В данной научной статье остановимся на таком виде конфликтов, как юридический.

Существует значительное множество научных публикаций, в которых авторы предпринимают попытки сформулировать определение термина «юридический конфликт»¹. Наиболее распространенным в научной литературе является определение юридического конфликта, сформулированное В. Н. Кудрявцевым, согласно которому «юридический конфликт – это любой конфликт, в котором спор так или иначе связан с правовыми отношениями сторон (их юридически значимыми действиями или состояниями) и, следовательно, субъекты, либо мотивация их поведения, либо объект конфликта обладают правовыми признаками, а конфликт влечет юридические последствия»². Также весьма интересной является научная позиция Т. В. Худойкиной, согласно которой выделяется два варианта понимания юридического конфликта. «Юридический конфликт либо непосредственно связан с правовыми отношениями сторон и тогда представляет собой противоборство субъектов права с противоречивыми правовыми интересами, возникшее в связи с созданием, реализацией, применением, изменением, нарушением, толкованием права. Либо юридический конфликт (смешанные, переходные формы) – это проти-

¹ См., напр.: Жигачев Г. А. Юридический конфликт : понятие, сущность, специфика и классификация // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 4. С. 31–36; Исакова Т. В. Теоретические исследования понятия конфликта в праве // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 11. С. 3–7; Князькин Г. В. Предмет и объект юридической конфликтологии // Наука, техника и образование. 2015. № 5. С. 143–144; Кудрявцев В. Н. Избранные труды по социальным наукам : в 3 т. М., 2002. Т. 2. С. 98; Параскевова С. А. Определение гражданско-правового конфликта // Гражданское право. 2006. № 3. С. 17–21; Худойкина Т. В. Юридическая конфликтология : от исходных позиций теории до практики разрешения и предупреждения юридического конфликта. Саранск, 2001. С. 188; Шевчук Д. А. Конфликты : как ими управлять. М., 2017. С. 80.

² Кудрявцев В. Н. Юридический конфликт : сферы и механизмы. Юридическая конфликтология. М., 1994. Ч. 2. С. 67.

воборство, имеющее хотя бы один элемент (субъекты, объект, субъективную сторону (мотивацию) или объективную сторону (противодействия)) юридического характера, при котором стороны либо третьи лица обязательно прибегают к необходимой юридической процедуре (юридизация конфликта), позволяющей в дальнейшем его завершение (приостановление, прекращение, а лучше разрешение) юридическим способом. То есть юридический конфликт напрямую связан либо с правовыми отношениями сторон, либо с юридизированными. До юридизации конфликта следует считать его квазюридическим»³.

Выделяют различные виды юридических конфликтов: криминальные, публично-правовые, нормативно-правовые, частноправовые, межгосударственные, межэтнические, межнациональные и другие.

В данном научном исследовании хотелось бы более детально остановиться не на анализе содержания термина «юридический конфликт», уяснении его сущности и видов таких конфликтов, а на вопросе качества и эффективности самого процесса разрешения юридических конфликтов. Данное направление имеет большое практическое значение, поскольку каждый год увеличивается количество юридических конфликтов по различным причинам, среди которых: внедрение новых технологий, принятие нормативных правовых актов, практика реализации которых бывает весьма непростой, реформирование органов государственной власти, уровень правовой культуры населения, а также не совсем высокий уровень качества процесса разрешения юридических конфликтов, что в свою очередь порождает новые конфликты.

Говорить о способах повышения уровня качества процесса разрешения юридических конфликтов возможно только на основе данных практики. Именно ее анализ позволит выявить направления, по которым необходимо вести научную работу с целью определения методик устранения существующих проблем в рассматриваемой сфере.

В связи с этим представляет большой научный и практический интерес результат деятельности научно-исследовательской лаборатории – Научно-образовательного центра юридической антропологии и конфликтологии⁴ (создан кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Воронежского государственного университета). В III–IV кварталах 2021 г. на платформе данного центра был реализован первый этап научно-исследовательского проекта, направленного на анализ качества и эффективности процесса разрешения юридических конфликтов сотрудниками/работниками органов государственной власти, адвокатуры, организаций и учреждений, разрешающими в процессе

³ Худойкина Т. В. Указ. соч. С. 188.

⁴ Научно-образовательный центр юридической антропологии и конфликтологии. URL: // <http://www.law.vsu.ru/ac/>

своей деятельности конфликтные ситуации. С целью выявления практических проблем и потребностей практиков в процессе разрешения юридических конфликтов различных видов и применения правовых технологий их разрешения было проведено анкетирование сотрудников/работников более 400 органов власти и организаций, деятельность которых связана с разрешением таких конфликтов⁵.

В проекте приняли участие следующие категории респондентов: представители судебной системы, органов прокуратуры, органов исполнительной власти, адвокатуры, следственных управлений Следственного комитета, Главных управлений Министерства внутренних дел по субъектам.

Анализ активности респондентов представлен на диаграмме № 1 «Участники анкетирования». Наибольшую активность с небольшим отрывом друг от друга всего лишь в 2 % проявили представители судебной системы и органов прокуратуры (39 и 37 % соответственно). Это и ожидается, так как именно представители обозначенных структур разрешают весьма значительное количество юридических конфликтов различного вида. Существенно низкий процент респондентов показан представителями главных управлений Министерства внутренних дел по субъектам Российской Федерации и органов исполнительной власти (4,7 и 2,7 % соответственно). Нельзя сказать, что процесс разрешения юридических конфликтов обозначенными структурами не осуществляется. Более того, количество изучаемых нами конфликтов применительно к этим органам власти является значительным и характеризуется всегда увеличением. Не каждый конфликт, разрешением которого занимаются органы исполнительной власти и подразделения Министерства внутренних дел в субъектах, доходит до представителей прокуратуры и судебной системы, поскольку именно первоначальный уровень его разрешения позволяет им применять различные правовые технологии. И если процесс применения таких технологий осуществляется качественно, то нет необходимости обращаться в органы прокуратуры и суд. В связи с этим нам представляется, что органы исполнительной власти, в том числе и структурные подразделения Министерства внутренних дел в субъектах, должны как минимум занимать лидирующие позиции в данной диаграмме.

Анализируя перечень видов юридических конфликтов, которые приходится разрешать респондентам в их профессиональной деятельности, можно отметить, что большинство из них – это криминальные (уголовно-правовые) конфликты, что составляет 48 % от общего количества конфликтов. На втором месте по численности находятся частноправовые конфликты – их часть составляет 30 %, далее примерно на одном уровне находятся публично-правовые (в сфере государственного и муници-

⁵ Результаты анкетирования размещены по адресу: URL: // <http://www.law.vsu.ru/ac/wp-content/uploads/>

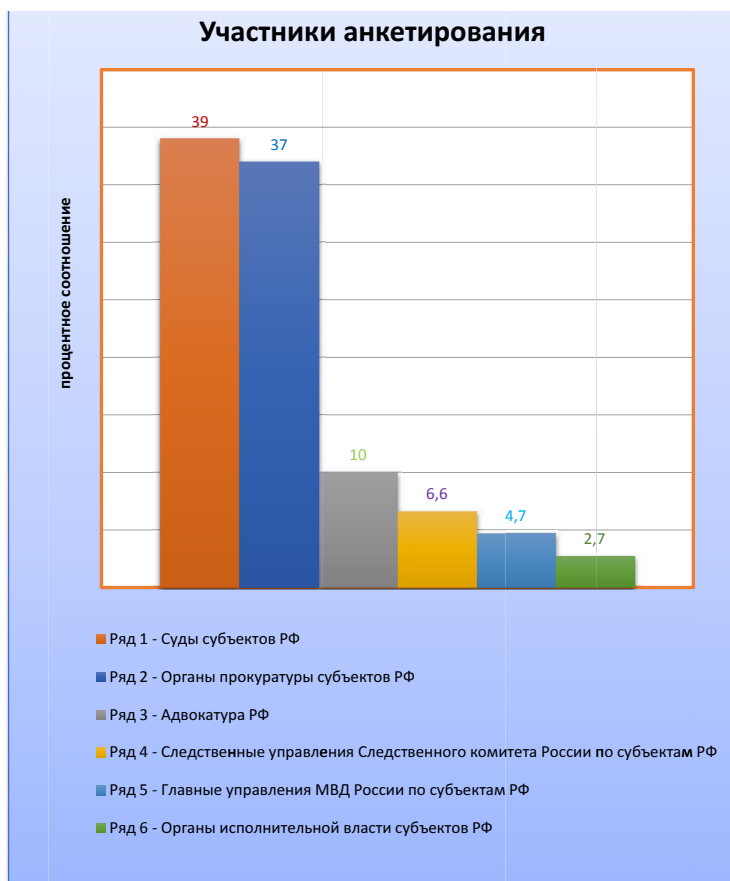

Диаграмма № 1

пального управления) и нормативные (между правовыми актами и/или их отдельными положениями) конфликты – 12 и 10 % соответственно.

Значительный научный интерес представляют результаты ответов респондентов на вопрос № 2: «Оцените по представленной ниже шкале свои возможности в понимании психологии юридического конфликта». Шкала ответа предполагала выставление баллов от «1» (совсем не удастся понимать психологию юридического конфликта) до «10» (во всех ситуациях понимаю психологию юридического конфликта). Большинство респондентов свои возможности в понимании психологии юридического конфликта оценили на 7 и 10 баллов (19,8 и 17,2 % соответственно). Однако 0,9 % респондентов дали себе достаточно низкую оценку по обозначенному вопросу. Данный показатель позволяет нам говорить о снижении уровня качества самого процесса разрешения юридических конфликтов.

Залогом успеха процесса разрешения юридического конфликта, безусловно, является наличие у субъектов, применяющих правовые техноло-

гии разрешения таких конфликтов, комплекса необходимых профессиональных навыков. Ответы респондентов на один из вопросов анкеты (вопрос № 6 «В процессе рассмотрения/разбирательства юридического конфликта обладаете ли Вы следующими навыками? (оцените свои навыки по 10-балльной шкале от 1 до 10)») позволяет нам сформировать реальное представление о наличии или отсутствии таких навыков у соответствующих субъектов. Информация детально отражена на диаграммах № 2–5.

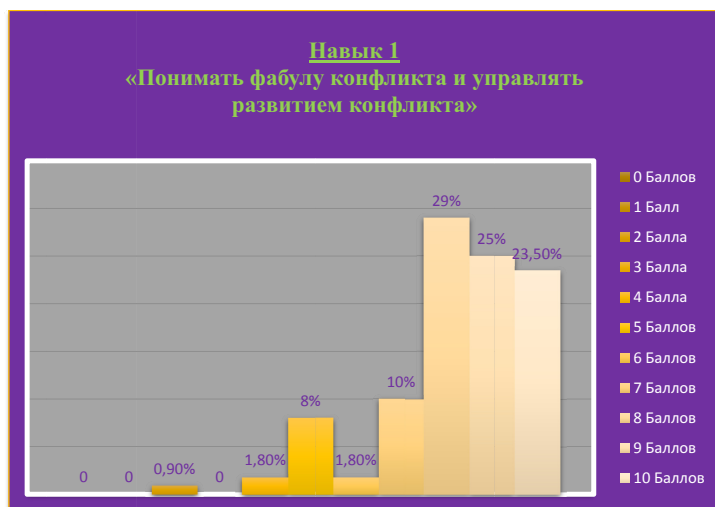

Диаграмма № 2

Диаграмма № 3

Диаграмма № 4

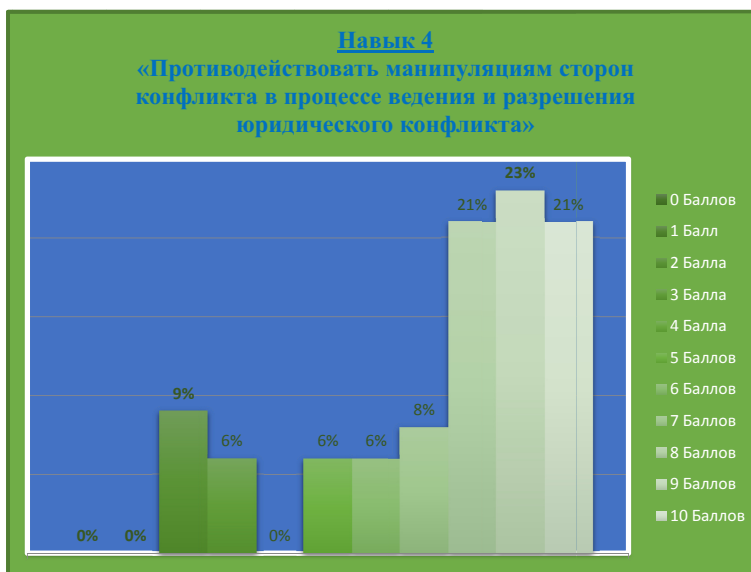

Диаграмма № 5

Результаты, изображенные на диаграммах выше, вызывают некую тревожность, так как среди лиц, разрешающих юридические конфликты, находятся те, кто:

– оценивают свой навык «Понимать фабулу конфликта и управлять развитием конфликта» на «2» и «4» балла (0,9 и 1,8 % соответственно);

– оценивают свой навык «Разрабатывать юридическую стратегию ведения и разрешения конфликта» на «2», «3», «4» балла (8, 3 и 2 % соответственно);

– оценивают свой навык «Использовать различные юридические техники ведения и разрешения юридического конфликта» на «2», «3», «4» балла (9, 3 и 1 % соответственно);

– оценивают свой навык «Противодействовать манипуляциям сторон конфликта в процессе ведения и разрешения юридического конфликта» на «2» и «3» (9 и 6 % соответственно).

Такие показатели, без всяких сомнений, снижают качество и эффективность применения правовых технологий в процессе разрешения юридических конфликтов. Причины такой ситуации могут быть самыми различными: это и отсутствие юридического образования у лиц, осуществляющих такую деятельность; и поверхностное отношение к своим обязанностям по занимаемой должности; и большой объем работы, который не позволяет вникать в суть конфликта, а предполагает только лишь соблюдение формальной стороны процесса его разрешения; и ряд других причин. Нам представляется, что отсутствие профильного юридического образования у лиц, которые разрешают юридические конфликты, – это наиболее неблагоприятная ситуация. Например, инспектор дорожно-патрульной службы не имеет профильного юридического образования, но занимается правоприменительной деятельностью: привлекает лиц к административной ответственности за административные правонарушения в области обеспечения безопасности дорожного движения; или следователь следственного управления территориального управления внутренних дел в субъекте Российской Федерации, не имея профильного юридического образования, осуществляет уголовно-процессуальную деятельность, т. е. расследует уголовное дело, разрешает уголовно-процессуальные конфликты. Ситуация не так печальна, если такие сотрудники параллельно с практической деятельностью проходят обучение по юридическому профилю (например, получают второе высшее образование). Но если такого обучения нет, то, вероятно, нельзя говорить о должном уровне процесса разрешения юридических конфликтов и тем более об установлении объективной истины по делу.

Еще одним очень важным и актуальным вопросом в нашем научном исследовании является вопрос о влиянии цифровой трансформации государства на динамику конфликтов и сам процесс их разрешения. Респондентам было предложено оценить влияние цифровизации всех направлений деятельности государства на количество юридических конфликтов и процесс их разрешения. Результаты были распределены следующим образом (диаграммы 6 и 7).

Таким образом, позиция респондентов относительно динамики юридических конфликтов разделилась практически поровну: за увеличение

Диаграмма № 6

Диаграмма № 7

высказались 40 %, а за снижение – 37 %. Мы полагаем, что однозначно количество юридических конфликтов будет увеличиваться с интенсивным внедрением цифровых технологий, особенно это касается сферы публичного управления. Такая динамика уже отмечается в настоящее время. Например, это очень хорошо заметно в процессе привлечения к административной ответственности за нарушения в области дорожного

движения, т. е. нарушение скоростного режима по данным, полученным со средств фото- и видеофиксации. Из неопозитивного с правовой точки зрения можно привести такие ситуации, когда происходят ошибки в определении конкретного транспортного средства – нарушителя скоростного режима; ошибки, связанные с точным распознаванием государственного регистрационного номера транспортного средства нарушителя правил дорожного движения, что приводит к ситуации, в которой к ответственности привлекается собственник транспортного средства с похожими государственными регистрационными знаками; технический сбой в работе комплекса автоматической фото- и видеофиксации дорожных правонарушений, что приводит также либо к недостоверной информации о самом факте административного правонарушения, либо к привлечению в качестве виновного лица собственника иного транспортного средства⁶. Это наиболее распространенные конфликты, которые являются следствием внедрения цифровых технологий в деятельность государства. В то же время, несмотря на обозначенные недостатки, цифровизация, как нам представляется, это весьма полезное явление для всех сфер деятельности государства. И, если обратиться снова к той сфере, в которой мы чуть выше выявили негативные последствия, ситуации, порождающие юридические конфликты, то хочется перечислить и весьма позитивные результаты, среди которых: упрощение работы должностных лиц по фиксации факта административного правонарушения; отсутствие необходимости в составлении большого количества процессуальных документов; упрощение процесса ознакомления виновных лиц с материалами административного дела и ряд других положительных аспектов. Необходимо отметить: правоприменительная деятельность показывает, что положительного от цифровизации в несколько раз больше, чем негативного.

Таким образом, проведенное исследование показывает, что в целом процесс применения правовых технологий в разрешении юридических конфликтов осуществляется в России весьма неплохо, даже при активном внедрении совсем незнакомых для правоприменителей цифровых новшеств. В то же время на практике есть проблемы, которые нуждаются в научном осмыслении и, как следствие, в формулировании способов, методов их разрешения. Часть проблемных аспектов мы изложили выше. Полагаем, что все они разрешимы.

Завершая этот блок своего научного исследования, хотелось бы сформулировать некоторые предложения, направленные на устранение выявленных проблем. Во-первых, необходимо сотрудникам/работникам, деятельность которых связана с разрешением юридических конфликтов,

---

⁶ Дымберов А. Д. О некоторых вопросах административной ответственности собственников (владельцев) транспортных средств за правонарушения в области дорожного движения // Вестник московского университета МВД России. 2018. № 2. С. 145–149.

повышать свою квалификацию именно по этому направлению. И в настоящее время нашим государством созданы все условия для того, чтобы это осуществлялось без привлечения собственных средств сотрудников/работников. Так, с 18 мая 2019 г. в России действует постановление Правительства Российской Федерации № 619 «О государственном образовательном сертификате на дополнительное профессиональное образование государственного гражданского служащего Российской Федерации»⁷, которое регламентирует данный вопрос. Во исполнение данного постановления субъекты Российской Федерации в 2021 г. приняли меры по формированию реестра исполнителей государственной услуги по реализации дополнительных профессиональных программ для государственных гражданских служащих на основании государственных образовательных сертификатов. Научно-образовательный центр юридической антропологии и конфликтологии был включен в данный реестр, предложив дополнительную профессиональную программу для государственных гражданских служащих «Конфликты в цифровой среде». Цель реализации программы заключается в повышении профессионального уровня в рамках имеющейся квалификации посредством приобретения знаний, умений и навыков взаимодействия в цифровой среде в целях предупреждения юридических конфликтов и их эффективного разрешения, что крайне необходимо для решения проблем, обозначенных практиками-респондентами нашего анкетирования. В процессе обучения по данной программе приобретаются следующие навыки:

- коммуникации в условиях цифровой среды в целях выполнения профессиональных обязанностей;
- корректного использования юридической лексики в целях выбора эффективной технологии разрешения юридического конфликта в цифровой среде;
- анализа тенденций развития законодательства о цифровой среде в России.

Структура курса включает пять профессиональных модулей, изучение которых позволит в короткое время приобрести заявленные навыки.

Во-вторых, уже даже при получении юридического образования в рамках магистратуры лицам, которые планируют в своей профессиональной деятельности разрешать юридические конфликты, необходимо делать правильный выбор соответствующей магистерской программы. Так, например, юридическим факультетом Воронежского государственного университета успешно реализуется магистерская программа

---

⁷ О государственном образовательном сертификате на дополнительное профессиональное образование государственного гражданского служащего Российской Федерации : постановление Правительства Российской Федерации от 18.05.2019 г. № 619. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325003/b434f2839e5fe3d829e72ac45d80e

«Правовые технологии разрешения юридических конфликтов», которая по своему содержанию не имеет аналогов⁸.

В-третьих, это качественное обучение сотрудников/работников самим работодателем в специально отведенные часы служебной подготовки. Важным аспектом является приглашение для обучения специалистов, экспертов в рамках рассматриваемой проблематики. И это, наверное, самое реальное и действенное направление, которое существенно может повысить уровень качества и эффективности деятельности по применению правовых технологий при разрешении юридических конфликтов.

Конечно же, в процессе реализации начатого нами проекта будут выявляться новые проблемы, а соответственно и сформулированные рекомендации будут дополняться научным сообществом.

Библиографический список

Добролюбова Е. И. Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е. И. Добролюбова. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. – 114 с.

Дымберов А. Д. О некоторых вопросах административной ответственности собственников (владельцев) транспортных средств за правонарушения в области дорожного движения / А. Д. Дымберов // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 2. – С. 145–149.

Жигачев Г. А. Юридический конфликт : понятие, сущность, специфика и классификации / Г. А. Жигачев // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 4. – С. 31–36.

Зубарев С. М. Правовые риски цифровизации государственного управления / С. М. Зубарев // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6. – С. 23–32.

Исакова Т. В. Теоретические исследования понятия конфликта в праве / Т. В. Исакова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2016. – № 11. – С. 3–7.

Князькин Г. В. Предмет и объект юридической конфликтологии / Г. В. Князькин // Наука, техника и образование. – 2015. – № 5. – С. 143–144.

Кудрявцев В. Н. Избранные труды по социальным наукам : в 3 т. / В. Н. Кудрявцев. – М. : Наука, 2002. – Т. 2, Криминология, социология, конфликтология. – 283 с.

Параскевова С. А. Определение гражданско-правового конфликта / С. А. Параскевова // Гражданское право. – 2006. – № 3. – С. 17–21.

Скидан А. В. Цифровизация как фактор повышения результативности государственного управления : проблемы и направления развития / А. В. Скидан // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2021. – № 1. – С. 71–76.

Тихалева Е. Ю. Вопросы административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения, зафиксированные средствами фото-, видеофиксации / Е. Ю. Тихалева // Вестник ВГУ. Сер.: Право. – 2017. – № 3. – С. 168–175.

⁸ URL: <http://www.law.vsu.ru/structure/theory/master1.html>

Худойкина Т. В. Юридическая конфликтология : от исходных позиций теории до практики разрешения и предупреждения юридического конфликта / Т. В. Худойкина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2001. – 388 с.

Шаулова Т. В. Цифровизация и эффективность государственного управления / Т. В. Шаулова // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2019. – Т. 10, № 2(39). – С. 243–252.

Шевчук Д. А. Конфликты : как ими управлять / Д. А. Шевчук. – М. : Литрес, 2017. – 598 с.

References

Dobrolyubova E. I. The digital future of public administration by results / E. I. Dobrolyubova. – Moscow : Publishing House “Delo” RANEPА, 2019. – 114 p. (In Rus)

Dymberov A. D. On some issues of administrative responsibility of owners (owners) of vehicles for traffic offenses / A. D. Dymberov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 2. – Pp. 145–149. (In Rus)

Zhigachev G. A. Legal conflict : concept, essence, specificity and classifications / G. A. Zhigachev // Actual problems of Russian law. – 2010. – № 4. – Pp. 31–36. (In Rus)

Zubarev S. M. Legal risks of digitalization of public administration / S. M. Zubarev // Actual problems of Russian law. – 2020. – № 6. – Pp. 23–32. (In Rus)

Isakova T. V. Theoretical studies of the concept of conflict in law / T. V. Isakova // State power and local self-government. – 2016. – № 11. – Pp. 3–7. (In Rus)

Knyazkin G. V. The subject and object of legal conflictology / G. V. Knyazkin // Science, technology and education. – 2015. – № 5. – Pp. 143–144. (In Rus)

Kudryavtsev V. N. Selected works on social sciences : in 3 volumes / V. N. Kudryavtsev. – Moscow : Nauka, 2002. – Vol. 2. – Pp. 98. (In Rus)

Paraskevova S. A. Definition of civil-legal conflict / S. A. Paraskevova // Civil law. – 2006. – № 3. – Pp. 17–21. (In Rus)

Skidan A. V. Digitalization as a factor of increasing the effectiveness of public administration : problems and directions of development / A. V. Skidan // State and municipal administration. Scientific notes. – 2021. – № 1. – Pp. 71–76. (In Rus)

Tikhaleva E. Yu. Questions of administrative responsibility for offenses in the field of traffic recorded by means of photo and video fixation / E. Yu. Tikhaleva // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. – 2017. – № 3. – Pp. 168–175. (In Rus)

Khudoikina T. V. Legal conflictology : from the initial positions of theory to the practice of resolving and preventing legal conflict / T. V. Khudoikina. – Saransk : Publ. of Mord. University, 2001. – 388 p. (In Rus)

Shaulova T. V. Digitalization and efficiency of public administration / T. V. Shaulova // Scientific papers of the North-Western Institute of Management of the RANEPА. – 2019. – Vol. 10, № 2(39). – Pp. 243–252. (In Rus)

Shevchuk D. A. Conflicts : how to manage them / D. A. Shevchuk. – М. : Litres, 2017. – 598 p. (In Rus)

Для цитирования:

Завьялова И. С. Правовые технологии разрешения юридических конфликтов в России : общий анализ с позиции качества и эффективности // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 104–117.

Recommended citation:

Zavyalova I. S. Legal technologies of legal conflicts resolution in Russia : general analysis from the standpoint of quality and efficiency // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2022. № 1. Pp. 104–117.

Сведения об авторе

Завьялова Ирина Сергеевна – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук

E-mail: irina944978@mail.ru

Information about author

Zavyalova Irina Sergeyevna – Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences

E-mail: irina944978@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

УДК 340.151

НОВЕЙШАЯ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ (рец. на кн.: *The Oxford Handbook of Law and Anthropology* / ed. by M.-C. Foblets, M. Goodale, M. Sapignoli, O. Zenker. – Oxford University Press, 2022. – 950 p.)

М. А. Беляев

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*

Поступила в редакцию 10 августа 2022 г.

Аннотация: в статье дана развернутая характеристика Справочного руководства по праву и антропологии, изданного в 2022 г. в Оксфордском университете. Исследована тематическая структура Руководства, методика его подготовки, артикулированы основные проблемы юридической антропологии и перспективы ее развития.

Ключевые слова: юридическая антропология, правовые культуры, правовой плюрализм, регуляторная политика, нормативная этнография, методы познания права.

THE NEWEST SYSTEMATIZATION OF LEGAL ANTHROPOLOGY: (Review of the Book: *The Oxford Handbook of Law and Anthropology* / ed. by M.-C. Foblets, M. Goodale, M. Sapignoli, O. Zenker. – Oxford University Press, 2022. – 950 p.)

M. A. Belyaev

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Abstract: the article provides a detailed description of the Oxford Handbook of Law and Anthropology, published in 2022 at the University of Oxford. The

---

© Беляев М. А., 2022

author studied the thematic structure of the Handbook, the methodology of its preparation, listed the main problems of legal anthropology and the prospects for its development.

Key words: legal anthropology, legal cultures, legal pluralism, regulatory policy, normative ethnography, methods of legal cognition.

В 2022 г. в издательстве Oxford University Press вышло в свет «Справочное руководство по антропологии и праву» – коллекция эссе по актуальным проблемам юридической антропологии в ее пересечениях с классическими научными дисциплинами, с одной стороны, и с точки зрения новых, иногда едва наметившихся областей интеллектуального поиска – с другой. Книга представляет собой результат долговременной коллаборации множества специалистов. Как свидетельствуют сами редакторы тома (Мэри-Клер Фобле¹, Марк Гудэйл², Мария Сапиньоли³, Олаф Зенкер⁴), его замысел впервые возник еще в 2014 г., окончательно же структура книги была определена на конференции 30 ноября – 2 декабря 2018 г. в Берлине.

Справочное руководство создавалось усилиями большого количества исследователей (всего шестьдесят один соавтор в коллективе). Примечательно, что тщательно разработанными были как тематическое наполнение глав, так и методика создания книги. Соблюдались четыре принципа: а) между антропологами и правоведами, участвовавшими в написании книги, был выдержан количественный паритет; б) каждая глава готовилась в соавторстве, и среди авторов были как антропологи, так и специалисты в юридических науках; в) был организован взаимный обмен черновыми вариантами глав с тем, чтобы увидеть сильные и слабые стороны каждого текста; г) все соавторы выступили с публичной презентацией своих текстов и ответили на вопросы коллег и профессиональной аудитории (именно для этого проводилась конференция в 2018 г. в Берлине).

Цель книги состоит не в инвентаризации уже сделанного в рамках юридической антропологии как отрасли социогуманитарного знания, а в определении наиболее заметных трендов, по которым будет раз-

¹ Директор Департамента права и антропологии Института социальной антропологии Макса Планка, почетный профессор Университета Мартина Лютера в Галле-Виттенберге. Автор большого числа работ об исламском праве, миграции, семейном праве, а также связи права и религии.

² Профессор социальной и культурной антропологии Университета Лозанны, основатель, соавтор и соредатор серии научных монографий *Stanford Studies in Human Rights*.

³ Доцент социальной антропологии Университета Милана, активный участник этнографических исследований в Северной Африке, специалист по антропологическим аспектам технологий искусственного интеллекта, применяемых в публичном управлении.

⁴ Профессор социальной антропологии Университета Мартина Лютера в Галле-Виттенберге, исследователь правовых систем Ирландии, Германии, Южной Африки, специалист в области социолингвистики и эпистемологических проблем антропологии.

виваться эта дисциплина, впрочем, экстраполяция и здесь остается основным интеллектуальным приемом. Что касается дисциплинарного характера юридической антропологии, он очевиден не в меньшей мере, чем ее политематичность, о чем довольно подробно сказано в предисловии.

Сообразно коллективной позиции авторов и редакторов, Справочное руководство оказалось разделенным на пять частей, каждая из которых охватывает наиболее вероятное и продуктивное в концептуальном отношении направление развития юридической антропологии. Таким образом, ретроспективный (исторический) элемент в данной книге сведен к минимуму⁵. Рассмотрим эти части подробнее.

Первая часть книги называется «Глобальные перспективы права и антропологии», содержит четырнадцать глав и дает, по словам редакторов издания, «децентрированный и гетеродоксальный взгляд на историю правовой антропологии»⁶. Здесь подразумевается, прежде всего, возможность представить в качестве равноправных несколько различных нарративов о причинах возникновения нормативной антропологии и этнографии. Наряду с англосаксонской традицией объяснения авторы выделяют также франкофонную, итальянскую и голландскую нарративные традиции, впрочем, сохраняя в качестве приоритетной причины возникновения данного сорта знания два внешних взаимосвязанных фактора: имперскую государственность и политику колониализма. Первая глава посвящена социальному контролю как предмету исследования юридической антропологии. Авторы отмечают, что эффективность контроля посредством права часто зависит от господствующих представлений о праве, присущих самим контролируемым лицам, а эти представления в значительной степени обусловлены социально-экономическим статусом их носителей. Однако речь не идет о простом экономическом детерминизме; неоднородность контролируемого пространства сегодня вызвана не только неравенством в чисто денежном, хозяйственном смысле, но и отсутствием взаимного признания, установление которого не может быть решено как чисто юридическая задача. Вторая глава «Антропология, право и империя» посвящена обоснованию истоков антропологии права в колониальных практиках, когда интерес к незападным правовым системам был инспирирован потребностью в наиболее эффективном управлении подконтрольными империям территориями. Речь идет, конечно, о девятнадцатом столетии, поэтому в главе цити-

⁵ Для желающих изучить историю юридической антропологии хорошо подходят следующие работы: *Burke P. Law's Anthropology : From Ethnography to Expert Testimony in Native Title*. Acton, ACT (Australia), 2011; *Donovan J. Legal Anthropology*. Latham, 2007; *Lampe E.-J. Legal Anthropology : A Structural Analysis of Man in Law*. Berlin, 1970.

⁶ *The Oxford Handbook of Law and Anthropology* / ed. by M.-C. Foblets, M. Goodale, M. Sapignoli, O. Zenker. Oxford University Press, 2022. P. 4.

руются прежде всего Генри Мэйн и Льюис Морган. Именно этим исследователям мы обязаны принципом эволюционизма в юридической антропологии, согласно которому развитие любой правовой системы рано или поздно пойдет по пути, по которому уже давно двигалось западное право, так что в результате на той или иной территории (следует понимать: колонизированной территории) сформируются хорошо знакомые западному человеку институты. С этой точки зрения, грамотное управление строится так, что метрополия, действуя благотворно посредством прямых и косвенных методов регулирования, лишь ускоряет развитие провинции, ничего в этом развитии не меняя по существу. Естественно, данный принцип весьма спорный, но для формирования дисциплины он оказался ключевым. Третья глава имеет своим предметом правовую культуру ЮАР. Автор задается вопросом: почему достаточно устойчивым оказывается положение, при котором данная страна имеет одну из лучших в мире конституций, а социальное неравенство остается при этом довольно значительным? Ответ предлагается следующий: регуляторный потенциал конституции сдерживается правовой культурой, свойственной как юристам, так и населению в целом. Эта культура отнюдь не прогрессивна, если сравнивать ее с конституционной моделью, но она обладает интересубъективной значимостью. Именно в мировоззренческих установках, суждениях, мнениях, ценностях, сложившихся при режиме апартеида, содержатся идеи, легитимирующие социальное неравенство как норму. Эти установки довольно трудно изменить, потому что они не принадлежат области формального права, а также потому, что их носители в массе своей не желают что-либо менять. В четвертой главе «Этнографический взгляд на индийское право» исследуется роль высших судов в формировании как доктринального, так и повседневно-обыденного представления о праве среди населения Индии. Автор обращает внимание читателей на одно важное обстоятельство: этнографическое описание государственного и негосударственного права как систем с точки зрения теории познания весьма сходно с различием «права в книгах» и «права в практической жизни», о котором писал Р. Паунд. Повседневная жизнь права не отменяет его официальных форм и институционального сопровождения (суды – кодексы – полиция⁷), но оказывается для исследователя более информативной. В пятой главе рассматривается обычное право аборигенов Австралии. Здесь взаимодействие юридических и антропологических знаний продемонстрировано с опорой на практику.

⁷ В оригинале: *courts, codes, and constables*. Суды, заметим, стоят на первом месте, представители реалистической юриспруденции (в том числе и Паунд) отнеслись бы к такому перечислению весьма одобрительно. Правда, из этого ряда выпадает *government*, но и сделать его объектом этнографического описания можно только в том случае, если данный метод понимать несколько в другом смысле (например, как это делал Г. Гарфинкель).

Ссылки судов Австралии на положения неписаного права аборигенов, фигурировавшие в делах о признании за коренным населением владения и пользования земельными участками, были затем имплементированы в действующее законодательство, и в главе прослежен механизм этой имплементации. Шестая глава содержит во многом аналогичные судебные кейсы и статуты, только применительно к малым народностям Канады. В седьмой главе, которая называется «Юридическая антропология в России: от эмпирической этнографии к прикладным инновациям», рассматриваются элементы научной методологии, сохранившиеся в юридической антропологии со времен Российской империи и Советского Союза. Источником наблюдений и размышлений для авторов выступает история исследования обычного права ненцев и якутов. В итоге авторы приходят к выводу, что в постсоветский период своего существования юридическая антропология в России приобрела большее предметное единство и «сами жизненные циклы исследований стали более интегрированными»⁸, чего нельзя сказать о единстве методологии (факт, понятный в условиях утраты историческим материализмом какой-либо монополии в науке). Восьмая глава посвящена коренным народам Латинской Америки, точнее, практике предоставления им права на консультации о решениях государственных и местных властей, если такие решения затрагивают интересы данных народов. Особое внимание уделено Конвенции № 169 Международной организации труда 1989 г. как юридическому документу, послужившему неофициальным образцом для всех последующих правовых текстов аналогичного предназначения. В девятой главе рассматриваются механизмы принятия коллективных решений населением крупных городов Южного Китая и роль информационных технологий в этой деятельности. Десятая глава посвящена взаимодействию государства и права в исламском мире. Автор показывает, что секулярная в своей основе категоризация феноменов социальной действительности на «правомерное» и «противоправное» зачастую оказывается ошибочной или неполной (и это хорошо понимают судьи исламских судов), в связи с чем религиозные правила по-прежнему остаются важным объектом нормативной этнографии, выходящей и в область практических вопросов. В одиннадцатой главе прослеживается история юридической антропологии в Нидерландах с начала XX в. по настоящее время. В двенадцатой главе исследуется аналогичная тематика применительно к Франции, в тринадцатой – к Венгрии. В четырнадцатой главе дается краткий очерк антропологии европейского права. Из самого названия ясно, что речь идет об интервале времени, начиная с 1950-х гг. и по настоящее время, поскольку европейская правовая идентичность как нечто целостное начала складываться лишь после Второй мировой вой-

⁸ The Oxford Handbook of Law and Anthropology. P. 147.

ны благодаря объективным обстоятельствам, среди которых первое место занимает, конечно, экономическая интеграция.

Вторая часть Справочного руководства «Постоянные темы в юридической антропологии» раскрывает перед читателями проблематику, образующую своего рода онтологический и эпистемологический фундамент дисциплины. Показано, что антропологические исследования помогают видеть в праве средство поддержания различных форм коллективной идентичности, что отражается как в юридических понятиях, так и в особенностях правоприменительной деятельности. В пятнадцатой главе сопоставляются антропологические изыскания в праве и лингвистике, в шестнадцатой исследуются концепты пространства и времени в юридическом дискурсе. Семнадцатая глава посвящена легализму – так авторы именуют теоретическую позицию в антропологии, полагающую право имманентной социальной формой, в которую могут быть облечены любые социально-значимые свойства объектов и их отношений. В восемнадцатой главе рассматривается феномен юридического трансфера – переноса юридических конструкций и ценностей из одного региона (или культуры) в другой. Девятнадцатая глава посвящена правовым традициям, двадцатая – взаимодействию позитивного права, морали и религии, причем автор использует три методологических подхода: концептуальный анализ (на основе философии позднего Л. Витгенштейна), исторический анализ (на основе школы истории понятий Р. Козеллека и др. авторов), праксиологический подход (на основе этнометодологии Г. Гарфинкеля). В двадцать первой главе с опорой на этнографию исследуется собственность как юридическая категория. Ведущей тенденцией изменения прав собственности, полагают авторы, является дематериализация ее объектов, хотя эта закономерность, с их точки зрения, не является необратимой (так что в дальнейшем следует ожидать своего рода ре-материализации собственности). Двадцать вторая глава рассматривает право как инструмент социального развития. Из текста главы можно узнать, что исследовательское движение «*Law and Development*» не менее популярно, чем движение «*Law and Literature*», хотя в хронологическом смысле они существуют не синхронно: второе возникло позднее, нежели первое (хотя о первом в России, например, почти ничего не известно). Здесь под термином «development» понимается любое социально-экономическое развитие территории, так что в современной интерпретации речь должна идти о месте и роли права в регуляторной политике, причем последнюю следует понимать максимально широко. В двадцать третьей главе представлен анализ феномена социальной инклюзии и субъективных прав как индикатора эффективности данных процессов. Двадцать четвертая глава посвящена квир-антропологии и борьбе сексуальных меньшинств за признание, в том числе опосредованное правом.

Третья часть Справочного руководства «Антропология в праве и юридической практике» раскрывает, как пишут редакторы, диалектическую взаимосвязь социальной активности тех или иных субъектов, отраженной в праве, и социального регулирования, осуществляемого посредством права. Особое внимание уделено участию антропологов в качестве консультантов в судебных разбирательствах, а также методологическому потенциалу этнографических исследований в деле постижения внутреннего устройства сложных социальных систем. В двадцать пятой главе изучаются стратегии адвокатов по убеждению суда в необходимости учитывать культурный *background* своих клиентов при рассмотрении и разрешении дела. Вполне очевидно, что здесь антропологические знания как нигде еще востребованы в конкретной юридической деятельности. Двадцать шестая глава посвящена культурному наследию и праву коренных народов на защиту данного наследия. В двадцать седьмой главе с помощью этнографических методов рассматриваются приемы досудебного разрешения споров. Естественно, несмотря на декларируемый правовой плюрализм как мировоззренческую основу антропологии, ракурс рассмотрения данного вопроса показательно односторонен, поскольку авторов интересует лишь перенос высокоразвитых западных методов и процедур в иные правовые порядки. В двадцать восьмой главе обсуждаются проблемы привлечения к юридической ответственности за военные преступления в постконфликтных обществах. Двадцать девятая глава посвящена структуре родства в традиционных обществах. Авторы защищают тезис о важности данной информации для правового регулирования вообще и судебных решений в частности. В тридцатой главе обсуждаются юридические проблемы защиты окружающей природной среды и возможность реализации принципа справедливости в данной сфере.

Четвертая часть Справочного руководства «Антропология и пределы права» рассматривает право творяко: как механизм социальных изменений, способ перераспределения материальных благ и основание отправления правосудия, т. е. средство разрешения конфликтов. Каждый из этих аспектов онтологии права может быть проанализирован с точки зрения возможностей и пределов. Как предупреждают редакторы, такой анализ не следует воспринимать как критику права самого по себе, поскольку речь идет всегда о более широком контексте. В этом отношении предел права, например, имеет место там, где закон используется как инструмент воздействия власти на граждан. Обратная сторона медали – это так называемая юрификация общества, когда действующие законы изменяются под влиянием массовых требований той или иной социальной общности о защите прав. Всякий раз, когда право оказывается востребованным («мобилизованным») для защиты коллективных интересов, идентичность таких коллективов оказывается изменен-

ной под воздействием правовых понятий, традиций и правоотношений. В тридцать первой главе рассматриваются практики создания конституционно-правовых норм – один из интересующих юридическую антропологию практических вопросов. В тридцать второй главе авторы разрабатывают проблему обеспечения общественной безопасности с точки зрения антропологии, т. е. в ситуации, когда невозможность достижения консенсуса о том, насколько государство должно быть бдительно в вопросах общественного порядка, обусловлена культурными и этническими различиями среди населения. Тридцать третья глава посвящена практикам обеспечения безопасности в частном секторе. Авторы полагают, что данные практики порождают новую нормативную сложность, когда между собой сталкивается государственное регулирование со своими собственными представлениями о должном и запретном, и саморегулирование, которое, ожидаемо, легитимно в силу экономической эффективности и относительной организационной простоты. В тридцать четвертой главе обсуждаются гуманитарные интервенции и право, применимое к такого рода акциям. В тридцать пятой главе рассматриваются различные модели возмещения вреда, причиненного преступлением, свойственные незападным правовым культурам (главным образом, на примере ЮАР после свержения апартеида). Тридцать шестая глава посвящена проблеме соблюдения прав религиозных меньшинств и роли антидискриминационного законодательства в этой сфере. В тридцать седьмой главе предметом анализа выступают самоуправляемые международные сообщества производителей сельскохозяйственной продукции и их запросы на собственную правовую идентичность. Тридцать восьмая глава под названием «Юридификация политики» содержит развернутый научный анализ юридизации всех ключевых политических процессов – от электоральных до конкуренции элит. Политические практики, отмечают авторы, как бы обрастают многочисленными правовыми формами, что влечет за собой новую, более сложную конфигурацию правовых систем. Тридцать девятая глава посвящена правозащитной деятельности в Китайской Народной Республике.

Пятая и заключительная часть Справочного руководства «Современные направления юридической антропологии» включает десять глав, освещающих темы, перспективные для дальнейшей разработки. Среди этих пунктов первым идет применение количественных методов в юридической антропологии (глава 40), затем – влияние технологий на правосознание (глава 41), далее рассматриваются правовые аспекты самоидентификации личности и так называемое «чувство принадлежности», активно вовлекаемое сегодня в политику (глава 42). Также внимание уделяется международно-правовому механизму защиты прав беженцев (глава 43), феномену негосударственного правотворчества (глава 44).

ва 44). В сорок пятой главе рассматривается феномен уголовного наказания с антропологической точки зрения, в сорок шестой главе предметом анализа выступают глобальные институты и правовые нормы, создаваемые в рамках деятельности таких институтов. Сорок седьмая глава представляет собой попытку посмотреть на юридическую технику с точки зрения правовой антропологии. Сорок восьмая глава содержит сравнительный анализ роли эмоций и категории аффекта в различных правовых культурах. Заключительная сорок девятая глава имеет своим предметом правовой плюрализм в постколониальном, постнациональном и постдемократическом контекстах. Каждая из глав снабжена обширным библиографическим списком, из которого можно почерпнуть сведения обо всех интересующих читателя аспектах юридической антропологии.

Подведем итоги данного краткого обзора. Во-первых, по мере внимательного изучения Оксфордского справочного руководства становится очевидно, что антропологические методы исследования оказываются востребованными сегодня в двух случаях – при попытке истолковать явление правового плюрализма и при необходимости привлечения носителя соответствующих специальных знаний для вынесения справедливого решения, как правило, судебного. Во-вторых, более ясной оказывается и природа правового плюрализма с точки зрения юридической антропологии в ее современном виде. Под плюрализмом верно будет понимать любую устойчиво существующую неоднородность правопорядка, при которой источники действующего права не могут быть сведены в единую иерархию. Антропология, конечно, не формальная наука, поэтому множественность предписаний интересует ее с точки зрения происхождения и культурного фона как особого рода целостности. Но утрата европоцентризма и прогрессизма в идеологии данной дисциплины приводит к тому – и это третий момент, на который хотелось бы обратить внимание – что понятие нормативной этнографии семантически расплывается. Если исследователи середины XX в. формировали антропологический дискурс, прежде всего исходя из культурного неравенства, детерминированного столетиями колониализма, то сегодня неравенство и неоднородность стали методологически неразличимы. Юридическая антропология тяготеет к образу «Другого», проблема понимания которого оказывается снятой именно в момент ее формулировки. Любой субъект может оказаться носителем «другой» культуры, коль скоро последняя в конечном итоге сведена к запросу на идентичность. Пределов же дробления множества на коллективы, конкурирующие за признание, вообще не существует. К сожалению, антропология не может ответить на вопрос, в какой мере правовое регулирование должно учитывать эту тенденцию дробления.

Задача выбора нормативной основы для того или иного решения сегодня трансформирована в поиск наиболее успешной аргументации, и именно для этой аргументации незаменимыми оказываются аргументы из области антропологии. Безусловно, когда мы признаем социокультурную детерминацию для той или иной формы поведения, мы выводим проблему из области науки и возвращаем ее в область непосредственного эмпиризма, что оказывает двоякий эффект: с одной стороны, делает избыточным рефлексивную антропологов над собственными онтогносеологическими основаниями (и это, скорее, отрицательное последствие), с другой – сближает антропологию с практикоориентированными дисциплинами. Последнее обстоятельство позволяет надеяться на то, что предметная область, в которой пересекаются интересы юристов, историков, психологов, культурологов и этнографов, будет не просто экстенсивно расширяться, но и образовывать методологически различимые парадигмы, артикуляция принадлежности к которым всегда эффективно выполняла прежде всего пропедевтическую функцию.

Библиографический список

Burke P. Law's Anthropology : From Ethnography to Expert Testimony in Native Title / P. Burke. – Acton, ACT (Australia) : ANU Press, 2011. – 336 p.

Donovan J. Legal Anthropology / J. Donovan. – Latham : Altamira Press, 2007. – 286 p.

Lampe E.- J. Legal Anthropology : A Structural Analysis of Man in Law / E.- J. Lampe. – Berlin : Duncker & Humblot, 1970.

The Oxford Handbook of Law and Anthropology / ed. by M.-C. Foblets, M. Goodale, M. Sapignoli, O. Zenker. – Oxford : Oxford University Press, 2022. – 992 p.

References

Burke P. Law's Anthropology : From Ethnography to Expert Testimony in Native Title / P. Burke. – Acton, ACT (Australia) : ANU Press, 2011. – 336 p.

Donovan J. Legal Anthropology / J. Donovan. – Latham : Altamira Press, 2007. – 286 p.

Lampe E.- J. Legal Anthropology : A Structural Analysis of Man in Law / E.- J. Lampe. – Berlin : Duncker & Humblot, 1970.

The Oxford Handbook of Law and Anthropology / ed. by M.-C. Foblets, M. Goodale, M. Sapignoli, O. Zenker. – Oxford : Oxford University Press, 2022. – 992 p.

Для цитирования:

Беляев М. А. Новейшая систематизация юридической антропологии (рец. на кн.: The Oxford handbook of law and anthropology) / ed. by M.-C. Foblets, M. Goodale, M. Sapignoli, O. Zenker. – Oxford University Press, 2022. – 950 p.) // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 118–128.

Recommended citation:

Belyaev M. A. The newest systematization of legal anthropology (The Review of The Oxford handbook of law and anthropology / ed. by M.-C. Foblets, M. Goodale, M. Sapignoli, O. Zenker. – Oxford University Press, 2022. – 950 p.) // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2022. № 1. Pp. 118–128.

Сведения об авторе

Беляев Максим Александрович – доцент кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат философских наук, доцент
E-mail: yurist84@inbox.ru

Information about author

Belyaev Maksim Aleksandrovich – Assistant Professor at the Department of Philosophy and Sociology of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Philosophical Sciences, Docent
E-mail: yurist84@inbox.ru

УДК 342.56

РАЗВИТИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ

М. А. Жомирук

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 5 июля 2022 г.

Аннотация: в настоящее время институт судебных приставов претерпевает значительные изменения. С 2020 г. деятельность по исполнению исполнительных документов выделена в отдельный вид службы – службу принудительного исполнения. В связи с этим актуальным становится вопрос о рассмотрении основных периодов становления института принудительного исполнения. В статье выделены особенности каждого периода, а также рассмотрены полномочия судебных приставов с Древней Руси по настоящее время.

Ключевые слова: история, институт судебных приставов, развитие института судебных приставов, принудительное исполнение.

DEVELOPMENT AND FORMATION OF THE INSTITUTE OF COMPULSORY EXECUTION

M. A. Zhomiruk

Voronezh State University

Abstract: currently, the institution of bailiffs is undergoing significant changes. Since 2020 the activity on execution of executive documents is separated into a separate type of service – the service of compulsory execution. In this connection the question on consideration of the basic periods of formation of the institute of compulsory performance becomes relevant. In article features of each period are allocated, and as powers of bailiffs since ancient Russia on the present.

Key words: history, institute of bailiffs, development of the institute of bailiffs, compulsory execution.

© Жомирук М. А., 2022

Функция исполнения судебных решений в государстве существовала издавна. История становления данного института складывалась на протяжении многих веков. Становление судебной системы, развитие общественных и экономических отношений способствовало возникновению специальных должностных лиц и органов, главной обязанностью которых являлось приведение в исполнение судебных решений.

До создания регулярной полиции основные функции по исполнению были возложены на специально назначенного пристава¹.

Процессуалист Е. В. Васьковский утверждал, что принятие мер государством по осуществлению требования истца к ответчику, признанного судом правомерным, образует производство по исполнению решений, или исполнительное, принудительное производство².

История развития человечества знала и такие периоды, когда принудительное исполнение осуществлялось непосредственно самими кредиторами. На пути огосударствления данной функции стране пришлось проделать сложный и долгий путь. Предпринималось немало попыток к созданию нормативных актов, содержащих положения об исполнении судебных решений. В результате одной из таких попыток были написаны Новгородская и Псковская судные грамоты. Впервые порядок исполнительного производства был рассмотрен в Новгородской грамоте. К примеру, ст. 34 предусматривала определенный порядок исполнения судебных решений: «Если в течение одного месяца должник не договорится с взыскателем о порядке исполнения им решения суда, то взыскателю предоставлялось право пригласить с веча пристава, арестовать должника в городе или в селе, а если должник будет скрываться от приставов, казнить его всем Великим Новгородом».

Из положений Новгородской судной грамоты можно сделать вывод о том, что судебные приставы призывались к исполнению своих полномочий князем или городским вече. Их полномочия были достаточно обширны и включали в себя поимку должников по требованию взыскателей, обеспечение явки вызываемых в суд и исполнение судебных решений.

Согласно Псковской судной грамоте, в Псковском государстве функции исполнения судебных решений выполняли подвойские или приставы, а также княжеские слуги, представлявшие интересы князя. Что касается требований, предъявляемых к кандидатам на должность, то в качестве пристава должны были «отпустить люди добрые неизменны», т. е. людей добрых, благонадежных. Согласно судным грамотам функция исполнения судебных решений возлагалась на истца, а приставы являлись

¹ Булычев Е. Н. Полиция России и исполнительное производство // История государства и права. 2000. № 3. С. 32.

² Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса. 2-е изд. М., 1917. С. 367.

должностными лицами, которые выполняли различные поручения суда и оказывали помощь истцу в исполнении решения.

Свое дальнейшее развитие институт судебных приставов получил в XV–XVI вв.

В таких нормативных актах, как Судебники 1497 и 1550 гг., а также Уложение 1649 г., предусматривалось три способа исполнения судебных решений:

- взыскание с имущества должника;
- правеж;
- отдача головою³.

Взыскание с имущества должника применялось к состоятельным должникам. Изначально взыскание обращалось на все имущество, однако в 1628 г. был издан указ, на основании которого имущество, положенное к взысканию, было ограничено. Это, по мнению О. В. Исаенковой, «предопределило выделение современного принципа неприкосновенности минимума средств существования должника»⁴.

Следующей формой исполнения решений был «правеж» или, иначе говоря, битье прутом. Как пишет В. Н. Татищев, «обвиненных к правежу выводили перед приказ разутых пред тем, как судьям надлежит в приказ приезжать, а спускали с правежа, как судья выедет. У каждого обвиненного стоял по сторону пристав с прутом, и бил вдоль по голый ноге так крепко, как ему от истца или ответчика, за труд заплачено; следственно одни на правеже стоя, бою не чувствовали, другие были изувечены»⁵.

В работах Татищева и Ланге⁶ описаны случаи подкупа приставов, причем как со стороны истца, так и со стороны ответчика. Первых в таком случае пристав либо бил легко, либо разрешал подкладывать в сапоги жестяные бляхи или лубки для уменьшения чувства боли. Взыскатель же преследовал цель получения долга как можно скорее, за счет усиления страданий должника со стороны подкупленного пристава. Следовательно «одни на правеже стоя, боя не чувствовали, другие были изувечены»⁷.

Такой способ исполнения, как отдача головой, предусматривал выполнение временной работы, на которой должник отрабатывал долг.

³ Викун М. А., Исаенкова О. В. Исполнительное производство. М., 2001. С. 15.

⁴ Исаенкова О. В. Проблемы исполнительного производства в гражданской юрисдикции : монография. Саратов, 2002. С. 48.

⁵ Татищев В. Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 365.

⁶ См.: Татищев В. Н. Указ. соч. Т. 7. С. 367; Ланге Н. Древнее русское уголовное судопроизводство (IV, V, VI, VII вв.). СПб., 1884. С. 220.

⁷ Кавелин К. Д. Основные начала русского судопроизводства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях // Собр. соч. : в 4 т. М., 1844. Т. 4. С. 330.

В Судебнике должность пристава именовалась недельщик, в чьи обязанности входило оказание помощи истцу в отыскании ответчика и обеспечении его явки в суд.

Издание Судебников (1497 и 1550 г.) – новый период в истории исполнительного производства. Примечателен он тем, что в нем определен такой институт, как отдача за пристава. Отдача за пристава заключалась в полном лишении свободы, т. е. обвиняемые находились под надзором и на ответственности того пристава, за которым они числились. Указанный институт прекратил свое действие Указом от 20 октября 1653 г. ввиду того, что казна недобирала налогов.

Тенденция к увеличению полицейских функций у судебных приставов была отмечена в Соборном Уложении 1649 г. В нем были определены полномочия по содействию в раскрытии преступлений и преданию суду преступников, поддержанию основ государственного управления и общественного порядка, по обеспечению деятельности суда и исполнению его решений по гражданским делам.

Период XV–XVII вв. характеризуется развитием законодательства в области исполнения, а также становлением специального института, на который бы возлагалось принудительное исполнение.

Эпоха Петра I привнесла в развитие института судебных приставов много нововведений. Его указами 1697–1700 гг. были уничтожены старые гарантии для подсудимых, стали практиковаться взятие в суд без объяснения, немедленный допрос без предоставления возможности приготовления к ответу, канцелярская тайна, лишавшая ответчика информации. Примечательно, что приставы стали царскими чиновниками. В то же время значение исполнения подчеркивалось Петром в особой форме: «Одна из главнейших обязанностей блюстителей правосудия, как высших, так и низших, состоит в надзоре, дабы дела вершились не только на бумаге, но чтобы решения безостановочно и скоро были приводимы в действительное исполнение»⁸.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что именно на этом этапе исполнение судебных решений начинает выделяться в самостоятельную стадию гражданского процесса.

Указом от 7 ноября 1775 г. часть функций по исполнению судебных решений была передана полиции. В связи с этим возник ряд проблем, например, из-за недостаточного профессионализма в данной сфере, отсутствия материальной заинтересованности и нагрузки собственной работы полиции. Все это привело к тому, что судебные решения исполнялись длительно, затруднительно, а порой не исполнялись вовсе.

⁸ Указ Петра I от 28 января 1721 г., включенный в Свод законов гражданских 1832 г. Ст. 2015. Цит. по: Законы гражданские и межевые // Свод законов Российской империи, повелением Императора Николая Павловича составленный. СПб., 1832. С. 471.

На дальнейшее развитие российского права в целом и, в частности, на развитие исполнительного производства повлияло принятие в середине 20-х гг. XIX в. Свода законов Российской империи. В данном нормативно-правовом документе впервые гражданское право выделялось в отдельную отрасль и включала в себя исполнение.

В Своде законов исполнение решений возлагалось на суд либо на полицию в зависимости от их компетенции.

Изменились и меры принудительного исполнения, по сравнению с предыдущими нормативными актами теперь они включали в себя следующие виды:

- 1) обращение взыскания на движимое и недвижимое имущество должника;
- 2) вычет из жалования, пенсий и аренд;
- 3) отработка долга.

Кроме того, теперь во избежание волокиты суды, вынося решение, сразу определяли и способ его исполнения.

В связи со сменой административно-территориального деления стали выделять такой вид данной единицы, как станы, и соответственно назначалось особое полицейское должностное лицо – становой пристав. В его обязанности входило осуществление следственных, судебно-полицейских, хозяйственно-распорядительных функций⁹, а также непосредственно осуществление исполнительных действий по судебным решениям.

Вторая половина XVII – первая половина XVIII в. характеризуется отсутствием единого систематизированного законодательства, регламентировавшего функционирование института исполнения судебных решений. Основу нормативной базы составляли всевозможные указы, в некоторых местностях применялись нормы Соборного Уложения 1649 г.

Екатерина II видела важность не только в вынесении справедливых решений, но и в надзоре за их исполнением. Так, суды «постановляя решения, должны постановлять и способы их исполнения...»¹⁰, а также «должны наблюдать за скорым их исполнением»¹¹. На практике же данное положение, в части наблюдения за исполнением, реализовывалось проблематично.

Развитие общества социально-экономического строя привело к кризису феодальной системы, который затронул в том числе и административные органы. Они показали свою неспособность к выполнению прямых задач. Все это привело к необходимости проведения реформы.

⁹ Мулукаев Р. С. Полиция в России (IX – начало XX в.). Н. Новгород, 1993. С. 13.

¹⁰ Законы гражданские и межевые // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Ст. 2023. С. 473.

¹¹ Там же. Ст. 2014. С. 471.

Графом Д. М. Блудовым был создан проект Устава гражданского судопроизводства, который содержал в себе раздел о порядке исполнения судебных решений. «Судебные решения... приводятся в исполнение особыми, назначаемыми для сего при судебных местах должностными лицами, под наименованием судебных исполнительных приставов»¹². В пояснительной записке определялся статус судебных приставов. Кроме того, в проекте устанавливался контроль за деятельностью пристава, который, по мнению Д. Н. Блудова, логично было возложить на суды и прокуратуру. Впервые предпринята попытка выделить два вида деятельности пристава – непосредственно исполнение и обеспечение порядка в зале судебного заседания.

Что касается института принудительного исполнения, то предполагалось его кардинальное реформирование. Было признано целесообразным создать данный институт при суде, главной задачей которого становилось принудительное исполнение судебных решений, которое поручалось «лицам, а не местам»¹³.

В ходе реформы законодатели опирались на опыт зарубежных стран, в частности опыт Франции. В результате реформы были приняты Учреждение судебных установлений, Устав гражданского судопроизводства и Устав уголовного судопроизводства, которые регулировали организацию и деятельность института судебных приставов.

К примеру, Учреждение судебных установлений содержало нормы, определявшие правовой статус судебных приставов – основные права и обязанности; порядок назначения на должность; требования, предъявляемые к кандидатам, претендующим на должность пристава, а также виды и порядок наложения дисциплинарных взысканий. Уставы гражданского и уголовного судопроизводства регламентировали правовые основы деятельности судебных приставов.

Таким образом, в ходе судебной реформы 1864 г. был введен институт судебных приставов в России, который существовал к тому времени во многих европейских странах. В основу судебной реформы был положен «передовой опыт» этих стран, преимущественно Франции.

После судебной реформы 1864 г. в соответствии с судебными уставами судебные приставы состояли при судах.

Таким образом, дореволюционное законодательство исходило из того, что судебный пристав является носителем государственной власти, а не представителем взыскателя. Это подтверждается характером отношений судебного пристава и взыскателя, которые никак нельзя квалифициро-

¹² *Ефремова Н. Н.* Министерство юстиции Российской империи 1802–1917 гг. : ист.-правовое исслед. М., 1983. С. 64.

¹³ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1868. С. 446.

вать как представительство. Судебный пристав производил исполнение решения в пользу взыскателя по поручению государства. Взыскатель не вмешивался в деятельность судебного пристава. Ему полагалось только указать имущество и место жительства должника. Как орган судебной власти судебный пристав должен был охранять интересы не только взыскателя, но и должника. Из-за нехватки приставов при судах приходилось прибегать к помощи полиции.

Многие ученые в своих работах писали о том, что в дореволюционной России существовала «единая система исполнительных органов»¹⁴. Однако данное утверждение спорно, поскольку судебные приставы являлись частью судебной системы, а также не предусматривалось наличие единой самостоятельной службы судебных приставов. Таким образом, судебные приставы в дореволюционной системе судоустройства являлись структурным подразделением судебных органов. Нормами УСУ предусматривалось обязательное введение этих должностных лиц при общих судебных учреждениях (кассационных департаментах Сената, судебных палатах и окружных судах). При мировых судах создание института судебных приставов не было обязательным, и чаще всего их функции, связанные с исполнением судебных решений, возлагались на полицию.

Деятельность судебных приставов в системе органов власти Российской империи на протяжении длительного периода времени была результативной, отвечала потребностям общества и удовлетворяла интересам правящих классов, что позволило приставу стать влиятельной и популярной фигурой в системе государственной власти. В таком виде данный институт просуществовал до 24 ноября 1917 г., когда Декретом Совета Народных Комиссаров «О суде» все судебные учреждения, в том числе окружные суды, были упразднены, а действие мировых судов – приостановлено.

Библиографический список

Указ Петра I от 28 янв. 1721 г., включенный в Свод законов гражданских 1832 г. Ст. 2015 // Законы гражданские и межевые // Свод законов Российской империи, повелением Императора Николая Павловича составленный. – СПб., 1832.

Арапов П. А. Руководство для судебных приставов окружных судов и съезда мировых судей, судебных рассыльных, чинов полиции, на которых возлагались обязанности по вручению повесток и по исполнению решений судебных мест, и для взыскателей и должников / П. А. Арапов. – Самара, 1889.

Булычев Е. Н. Полиция России и исполнительное производство / Е. Н. Булычев // История государства и права. – 2000. – № 3. – С. 32–33.

---

¹⁴ *Арапов П. А.* Руководство для судебных приставов окружных судов и съезда мировых судей, судебных рассыльных, чинов полиции, на которых возлагались обязанности по вручению повесток и по исполнению решений судебных мест, и для взыскателей и должников. Самара, 1889. С. 48–49.

Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса / Е. В. Васьковский. – 2-е изд. – М. : Издание Бр. Башмаковых, 1917. – 429 с.

Викут М. А. Исполнительное производство / М. А. Викут, О. В. Исаенкова. – М. : Юристъ, 2001. – 254 с.

Ефремова Н. Н. Министерство юстиции Российской империи. 1802–1917 : историко-правовое исследование / Н. Н. Ефремова. – М. : Наука, 1983. – 149 с.

Исаенкова О. В. Проблемы исполнительного производства в гражданской юрисдикции : монография / О. В. Исаенкова. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2002. – 240 с.

Татищев С. С. История Российская / С. С. Татищев. – Л. : Наука, 1968. – Т. 7. – 486 с.

Кавелин К. Д. Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства времени от Уложения до Учреждения о губерниях / К. Д. Кавелин // Собр. соч. : в 4 т. – М., 1844. – Т. 4.

Мулукаев Р. С. Полиция в России (IX – начала XX вв.) / Р. С. Мулукаев. – Н. Новгород : Типография УВД Нижегородской области, 1993. – 104 с.

References

Decree of Peter the Great at Jan. 28, 1721, included into the Code of Civil Laws (1832). Art. 2015 // Civil and Boundary Laws // The Code of Laws of the Russian Empire, Constituted by the Decree of the Emperor Nikolai Pavlovich. – Saint-Petersburg, 1832. (In Rus)

Arapov P. A. The Handbook for the Bailiffs of the District Courts and for the Congress of Magistrates, Court Messengers, Police Ranks with the Obligations of Service of Subpoenas Both of the Execution of the Court Decisions and for the Claimants and Debtors / P. A. Arapov. – Samara, 1889. (In Rus)

Bulychev Y. N. Russian Police and Enforcement Proceedings / Y. N. Bulychev // History of State and Law. – 2000. – № 3. – Pp. 32–33. (In Rus)

Vaskovskiy Y. V. The Textbook on Civil Procedure / Y. V. Vaskovskiy. – 2nd ed. – Moscow : Bashmakov brothers' Publishing, 1917. – 429 p. (In Rus)

Vikut M. A. Enforcement Proceedings / M. A. Vikut, O. V. Isaenkova. – Moscow : Yurist, 2001. – 254 p. (In Rus)

Yefremova N. N. The Ministry of Justice of the Russian Empire. 1802–1917 : Historical and Cultural Research / N. N. Yefremova. – Moscow : Nauka, 1983. – 149 p. (In Rus)

Isaenkova O. V. The Problems of Enforcement in Civil Jurisdiction : monograph / O. V. Isaenkova. – Saratov : Saratov State Legal Academy Publishing House, 2002. – 240 p. (In Rus)

Tatischev S. S. Russian History / S. S. Tatischev. – Leningrad : Nauka, 1968. – Vol. 7. – 486 p. (In Rus)

Kavelin K. D. The Basic Beginnings of the Russian Judiciary and Civil Proceedings at the Period from the Cathedral Code to the Law of the Provinces / K. D. Kavelin // Collected Works : in 4 volumes. – Moscow, 1844. – Vol. 4. (In Rus)

Mulukaev R. S. The Police in Russia (9 – the beginning of 20th centuries) / R. S. Mulukaev. – Nizhny Novgorod : The Printing House of the Department of Internal Affairs of Nizhny Novgorod Region, 1993. – 104 p. (In Rus)

Для цитирования:

Жомирук М. А. Развитие и становление института принудительного исполнения // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 129–137.

Recommended citation:

Zhomiruk M. A. Development and formation of the institute of compulsory execution // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2022. № 1. Pp. 129–137.

Сведения об авторе

Жомирук Мария Александровна – аспирант кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета
E-mail: m.zhomiruk@mail.ru

Information about author

Zhomiruk Mariya Aleksandrovna – Postgraduate at the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University
E-mail: m.zhomiruk@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Требования к материалам, направляемым для публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1.1. К публикации в сетевом научно-практическом издании «Журнал юридической антропологии и конфликтологии» (далее – Журнал) принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций, круглых столов, форумов, семинаров.

1.2. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегию по почте или по электронной почте. В случае, если материал направляется в редакционную коллегию по почте, необходимо прилагать электронный носитель, содержащий файл со статьей автора.

1.3. Содержание присылаемых в редакционную коллегию Журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям. Присланные авторами материалы должны отличаться высокой степенью оригинальности. В случае явного несоответствия формальным требованиям (в части структуры, основных сведений, ссылок, библиографического списка) главный редактор, заместители главного редактора или ответственный секретарь Журнала могут направить поступившие материалы на доработку авторам.

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

- индекс УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (соавторов) на русском и английском языках;
- наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работают (или занимают соответствующие должности) на русском и английском языках;
- дата направления материала в редакцию Журнала;
- аннотация статьи на русском и английском языках;
- ключевые слова на русском и английском языках (6–15 слов);

- текст статьи;

- сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, номера (служебного, домашнего или мобильного) телефона, домашнего или служебного адресов, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо приложить в редакцию журнала выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения организации) о рекомендации присланного материала к опубликованию в журнале или подписанный научным руководителем краткий отзыв о рекомендации статьи к опубликованию.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию, и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИОННУЮ КОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи должен составлять 15–20 страниц (1 п.л., или около 40 тыс. знаков). По согласованию с редакцией журнала к публикации могут быть приняты статьи большего объема.

2.4. Сноски оформляются постранично. Нумерация – сквозная. Текст сносок печатается шрифтом Times New Roman 12-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.5. В конце статьи приводится библиографический список в алфавитном порядке. Библиографический список подлежит переводу на английский язык по следующему образцу:

Библиографический список

Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Р. Алекси. – М. : Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.

Радбрух Г. Философия права / Г. Радбрух. – М. : Международные отношения, 2004. – 238 с.

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Habermas. – Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

References

Aleksi R. The concept and validity of law (the answer to legal positivism) / R. Aleksi. – М. : Infotropik Media, 2011. – 192 p. (In Rus)

Radbruch G. Legal philosophy / G. Radbruch. – М. : International relationships, 2004. – 238 p. (In Rus)

Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns, Bd. 1–2 / J. Habermas. – Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1981. – 1216 p.

.....

2.6. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.7. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.8. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.9. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, должно быть полностью приведено его название.

2.10. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.11. Наличие иллюстраций в публикациях приветствуется. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg. Для каждой иллюстрации в обязательном порядке должен быть указан источник ее получения.

3. РЕШЕНИЕ О ПУБЛИКАЦИИ И ОТКАЗ В ПУБЛИКАЦИИ

3.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

3.2. В случае, если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

3.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки.

3.4. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

3.5. Отказ в публикации возможен в случаях:

- несоответствия статьи профилю и специфике журнала;
- грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на законодательство;
- несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;
- отрицательного заключения редакционной коллегии;
- опубликования идентичной статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания.

3.6. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

3.7. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.